

**Международная безопасность
Нераспространение оружия массового уничтожения
Контроль над вооружениями**

**Журнал ПИР-Центра
политических исследований (Россия)**

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ

№ 2

Март – Апрель 2002

Том 8

Москва

Ядерный Контроль. № 2. Март – Апрель 2002

Содержание

Редакционная статья	
Совместные действия в ответ на угрозу общей безопасности	3
Горячая тема	
Александр Савельев. США пересматривают свою стратегию ядерного сдерживания?	4
Информация и оценки (по материалам печати)	
В России. Из ядерного и ракетного досье	10
В России. Из досье по химическому и биологическому оружию	20
В России. Из досье по обычным вооружениям	21
В мире	22
Дума и контроль над вооружениями	23
Интервью	
Александр Румянцев: «Вопросы ядерной безопасности – под неослабным контролем высшего руководства страны»	27
Комментарий	
Александр Калядин. Последний шанс? (по поводу продления общего срока уничтожения запасов химического оружия в РФ на пять лет)	28
Раиса Мартынюк, Сергей Нетесов, Лев Сандахчиев. Международные центры как основа в борьбе с инфекционными болезнями и в противодействии биотерроризму	36
Анализ	
Андрей Борисенко, Леонид Чуменко. Переговоры по тактическому ядерному оружию: проблемы и перспективы	41
Владимир Васильев, Василий Лата, Владимир Мальцев. Национальная система ПРО США: возможности и перспективы	48
Полемика	
Ирина Куприянова. Оценка эффективности американских программ в области учета, контроля и физической защиты ядерных материалов в России	56
Страницы истории	
Владимир Шустов. Совещание экспертов по изучению возможностей обнаружения нарушений соглашения о приостановке ядерных испытаний. (Женева, 1 июля – 21 августа 1958 года)	64
Библиотека	73
Новости ПИР-Центра	76
Summary	85
Об авторах	88

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ**Международная безопасность. Нераспространение оружия массового уничтожения.****Контроль над вооружениями.****Журнал ПИР-Центра политических исследований (Россия)****ISSN 1026-9878****№ 2 (62), Том 8****Март – Апрель 2002****Издается с ноября 1994 года****Выходит шесть раз в год****Зарегистрирован в Государственном комитете РФ по печати****Свидетельство о регистрации № 017537 от 30 апреля 1998 г.****Редакционная коллегия:**

Владимир Дворкин
 Дмитрий Евстафьев
 Василий Лата
 Евгений Маслин
 Владимир Орлов
 Роланд Тимербаев
 Юрий Федоров

Редакция:

Владимир Орлов, главный редактор
 Карина Фуралева, технический редактор
 Дмитрий Ковчегин, корреспондент
 Елена Полидва, секретарь редакции
 Вячеслав Зайцев – бухгалтерия
 Виктор Меримсон – производство
 Олег Кулаков – компьютерное обеспечение
 Наталья Харченко – распространение

Адрес для писем: Россия, 103001, Москва,
 Трехпрудный пер., д.9, стр.1Б
 редакция *Ядерного Контроля*

Телефон редакции: +7–095–234–0525

(многоканальный)

Факс: +7–095–234–9558**Представительство в интернете
и электронная версия журнала (сокращенная):**<http://www.pircenter.org>**Электронная почта:**info@pircenter.org (общие запросы)orlov@pircenter.org (письма редактору)fedorov@pircenter.org (полемика)kovchegin@pircenter.org (информация)

Распространяется в Москве, Астане, Алма-Ате, Баку, Бишкеке, Вильнюсе, Душанбе, Ереване, Киеве, Минске, Риге, Таллине, Ташкенте, Тбилиси, Архангельске, Брянске, Владивостоке, Волгограде, Вольске, Воронеже, Дзержинском, Димитровграде, Днепропетровске, Долгопрудном, Дубне, Екатеринбурге, Железногорске, Заречном, Звездном Городке, Зеленогорске, Ижевске, Иркутске, Казани, Камбарке, Кирове, Королеве, Краснообске, Красноярске, Кургане, Лесном, Миассе, Мурманске, Нижнем Новгороде, Новосибирске, Новоуральске, Обнинске, Одинцово, Озерске, Пензе, Перми, Подольске, Реутове, Санкт-Петербурге, Саратове, Серове, Северодвинске, Североморске, Северске, Сергиевом Посаде, Снежинске, Твери, Томске, Трехгорном, Химках, Чапаевске, Челябинске, Шиханах, Щучьем, Электростали, Юбилейном, Ярославле, Арлингтоне, Атланте, Афинах, Бирмингеме, Бонне, Бостоне, Брюсселе, Вашингтоне, Вене, Женеве, Иерусалиме, Лондоне, Лос-Аламосе, Кембридже, Монтерее, Нью-Йорке, Осло, Париже, Пекине, Праге, Санта-Монике, Сан-Франциско, Стокгольме, Тель-Авиве, Токио, Франкфурте, Чикаго и Шарлотсвиле

Распространяется **бесплатно** для организаций и лиц в России, профессионально занимающихся проблематикой, освещаемой в журнале. Заявки следует направлять по указанному адресу или факсу на бланке организации. Бесплатная подписка ограничена. **Подписку** можно оформить в редакции за наличный или безналичный расчет. Отдельные номера журнала можно приобрести там же. В розничную продажу не поступает. Тел. для справок: +7–095–234–0525. Subscription overseas (Russian and English editions): please, send requests to Maria Vernikova +7–095–234–9558 (fax) or info@pircenter.org.

Тираж 2500 экз.**Подписано в печать 19 марта 2002 г.****Отпечатано в России**

- Материалы «Ядерного Контроля» не могут быть воспроизведены полностью либо частично в печатном, электронном или ином вид без письменного разрешения Издателя.
- Публикуемые материалы, суждения и выводы могут не совпадать с точкой зрения редколлегии ПИР-Центра и являются исключительно взглядами авторов.
- Издание осуществлено благодаря поддержке Фонда Форда, Фонда У. Олтона Джоунса, Фонда Джона Мерка, Фонда Макартуrow, Корпорации Карнеги Нью-Йорка, Центра по изучению проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований, Фонда Плаушер и др.

Издатель: ПИР-Центр политических исследований

Андрей В. Загорский, член Совета
 Владимир А. Мау, член Совета
 Евгений П. Маслин, член Совета
 Владимир А. Орлов, директор и член Совета
 Юрий А. Рыжов, член Совета
 Роланд М. Тимербаев, председатель Совета
 Юрий Е. Федоров, член Совета
 Дмитрий Д. Якушкин, член Совета

© ПИР-Центр, 2002

Ядерный Контроль. № 2. Март – Апрель 2002

Редакционная статья**СОВМЕСТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ОТВЕТ НА УГРОЗУ ОБЩЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Неизбежное крупномасштабное сокращение арсеналов советского оружия массового уничтожения и конверсия военной промышленности, обеспечение сохранности соответствующих материалов и технологий и предотвращение их распространения вошли в число главных проблем мировой политики после окончания холодной войны. В решении этих задач Россия зависела, зависит и в обозримом будущем будет зависеть от международной помощи.

Большая часть международной помощи России в данной области приходит от США. В 2001 году два события оказали особое влияние на развитие российско-американского сотрудничества в целях совместного уменьшения угрозы.

После прихода в Белый дом новой администрации в США был проведен всеобъемлющий анализ всего спектра программ сотрудничества в деле нераспространения. Было признано, что содействие России в этой области отвечает целям и интересам национальной безопасности США.

Правильность этих выводов была подтверждена трагическими событиями 11 сентября 2001 года. Они предельно ясно показали, откуда исходят угрозы общей безопасности в современных условиях, со всей остротой продемонстрировали необходимость значительно более активных двусторонних и многосторонних усилий государств по нераспространению оружия массового уничтожения и средств его доставки. Особое значение в нынешней обстановке приобретает обеспечение сохранности материалов, применимых для создания ядерного, химического, биологического или радиологического оружия, совершенствование систем охраны соответствующих установок, а также предотвращение попадания опасных знаний и технологий в руки террористических групп и так называемых проблемных государств.

Заявления президента Джорджа Буша и высокопоставленных сотрудников его администрации, значительное увеличение финансирования программ совместного уменьшения угрозы, предусмотренное проектом американского бюджета на 2003-й финансовый год, свидетельствуют о твердом намерении США продолжать, а по наиболее важным направлениям – расширять сотрудничество с Россией. В соответствии с бюджетным запросом администрации США на 2003 год расходы на программы в области нераспространения должны возрасти более чем на 20% без учета дополнительного финансирования.

Однако, как отметил сопредседатель фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» сенатор Сэм Нанн, «угроза терроризма и оружие массового поражения распространились по всему миру. Соединенные Штаты и Россия не могут противостоять ей в одиночку [...] Мы, – подчеркнул он, – должны вместе повести за собой мир в общих усилиях по борьбе с ужасами терроризма».

К сожалению, о равноправном партнерстве России и США в деле нераспространения в полной мере пока говорить рано. В России нередко считают, что при разработке и реализации программ совместного уменьшения угрозы распространения оружия массового уничтожения США не всегда учитывали мнение российской стороны. Представители российских предприятий и государственных учреждений говорят, что американские партнеры зачастую принимают единоличные решения, не координируя свои действия с российскими участниками.

В свою очередь, плохая осведомленность и недостаточная приверженность российской политической элиты целям и принципам сотрудничества с Соединенными Штатами существенно снижают и без того ограниченные возможности в деле совместного снижения угрозы. Противоречия в сфере стратегических вооружений, воспроизводящие традиционную логику ядерного сдерживания времен холодной войны, до сих пор преобладают в политическом мышлении и затрудняют конструктивные усилия в области нераспространения.

Осознание необходимости совместных и равноправных действий должно стать первым шагом на пути дальнейшего развития российско-американского сотрудничества в деле нераспространения. Это может вовлечь в такое сотрудничество другие государства в качестве как возможных доноров, включая страны Европы и Японию, так и получателей помощи.

Горячая тема**США ПЕРЕСМАТРИВАЮТ СВОЮ СТРАТЕГИЮ
ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ?****Александр Савельев**

Согласно появившимся в январе 2002 года сообщениям, в Соединенных Штатах завершен процесс пересмотра ядерной стратегии. Были опубликованы несекретные положения так называемого «Обзора ядерной политики» США (Nuclear Posture Review), подготовленного министерством обороны в сотрудничестве с министерством энергетики Соединенных Штатов по запросу американского Конгресса. Данный документ содержит в себе как основные положения ядерной стратегии США на перспективу, так и конкретные планы по изменению существующей системы сдерживания, которая, как утверждается, в большей степени отвечала бы военно-стратегической ситуации в мире на обозримый период (10 лет).

Насколько можно судить из представленной для широкой публики информации, в Соединенных Штатах в течение ближайших 10 лет должны произойти коренные изменения в теоретических подходах к проблеме ядерного сдерживания и роли ядерного оружия для обеспечения безопасности страны. Одним из наиболее важных планируемых изменений является понижение статуса стратегической триады (межконтинентальные баллистические ракеты (МБР), баллистические ракеты подводных лодок и тяжелые бомбардировщики) с центрального элемента сдерживания до одной из *вершин* новой структуры стратегических сил. Двумя другими *вершинами* новой стратегической триады США должны стать система обороны (включая стратегическую ПРО) и так называемые *силы реагирования* – структуры, позволяющие в короткий срок отреагировать на изменяющуюся стратегическую ситуацию и быстро нарастить военную мощь США на тех направлениях, которые являются наиболее важными в каждом конкретном случае. Новая триада будет объединена усовершенствованной системой командования, контроля, разведки и планирования операций.

Согласно заявлениям официальных представителей Пентагона, Соединенные Штаты в предстоящее десятилетие намереваются коренным образом изменить саму философию сдерживания и политики безопасности страны. Так, если вплоть до

последнего времени в США преобладал такой подход к этим проблемам, который основывался на оценках угроз, то теперь главной будет оценка собственных возможностей. Это означает, что Соединенные Штаты не будут более строить свои силы сдерживания в расчете на противодействие конкретному *потенциальному противнику*, в лице которого в период *холодной войны* однозначно выступали Советский Союз и Организация Варшавского договора. В подобных условиях основной упор делался на *центральное сдерживание* СССР, которое базировалось прежде всего на стратегических наступательных вооружениях (стратегической триаде). Сама количественная и качественная структура этих вооружений диктовалась как характеристиками противостоящих США средств Советского Союза, так и рамками достигнутых договоренностей по контролю над вооружениями.

Теперь же стратегическая ситуация изменилась, изменились и отношения с Россией, которые, как считается, продолжают развиваться в положительном направлении. В то же время США сталкиваются с широким спектром новых угроз, многие из которых весьма трудно предсказать. В частности, как отмечается в сделанном Пентагоном представлении «Обзора ядерной политики», 12 государств мира ведут программы по созданию ядерного оружия; 28 стран имеют на вооружении баллистические ракеты; 13 государств обладают биологическим оружием, а 16 – химическим. В подобных условиях ядерное сдерживание как таковое может оказаться неэффективным с точки зрения предотвращения таких неопределенных и непредсказуемых угроз.

В этой связи стратегическое планирование США должно будет основываться не на угрозах, а на собственных возможностях, на достижении большей гибкости в применении силы, на сочетании ядерных и неядерных средств, обороны и наступления.

Такое сочетание оборонительных и наступательных средств, ядерных и неядерных возможностей считается весьма важным для обеспечения собственной безопасности США,

а также безопасности их союзников и друзей. В этом подходе противоракетная оборона уже не считается дестабилизирующей, как было в период центрального противостояния, а напротив, является одним из важнейших элементов новой системы сдерживания, способствующим ее укреплению.

Наряду с этим одним из существенных элементов новой стратегии США должен стать односторонний подход к сокращению стратегических наступательных вооружений. Предполагается, что к концу десятилетнего периода (к 2012 году) в результате односторонних сокращений на вооружении США останется от 1700 до 2200 ядерных боезарядов, развернутых на стратегических носителях. При этом к 2007-му финансовому году (начнется 1 октября 2006 года) количество этих боезарядов будет сокращено до 3800 единиц.

В течение ближайших 10 лет США намереваются снять с вооружения все МБР *MX* (50 единиц), оснащенные 10 боеголовками каждая, вывести из состава стратегических сил четыре атомные подводные лодки с баллистическими ракетами *Trident* и переоснастить их под развертывание крылатых ракет морского базирования в обычном (неядерном) варианте, понизить количество развернутых боеголовок на существующих МБР *Minitman-3* и баллистических ракетах подводных лодок *Trident-D5*, а также снять требование о поддержании способности тяжелых бомбардировщиков *B-1*, выполняющих обычные (неядерные) миссии, быть вновь переоборудованными под развертывание ядерных вооружений.

Одним из важных приоритетов политики безопасности США называется развитие позитивных отношений с Россией, направленных на отказ следовать концепции «взаимного гарантированного уничтожения», преобладавшей в период *холодной войны*. Вместе с тем Соединенные Штаты считают нецелесообразным двигаться по пути заключения новых соглашений типа договоров периода *холодной войны* в сфере ограничения и сокращения стратегических вооружений, считая этот подход также наследием прошлого.

Высокопоставленные представители Пентагона в своих выступлениях и заявлениях по поводу изменения ядерной стратегии США особо подчеркивают планируемые качественные сдвиги в этой области. В частности, министр обороны США Дональд Рамсфельд в письме

Конгрессу США отмечает, что Соединенные Штаты более не будут планировать количественный и качественный состав своих стратегических сил, базируясь на идее о том, что Россия представляет собой всего лишь «уменьшенный вариант» Советского Союза с точки зрения создаваемой ею угрозы для безопасности США.

Если говорить в целом, то новый подход к проблеме безопасности и сдерживания США вызывает достаточно противоречивые чувства. С одной стороны, в нем присутствуют определенные достоинства, но с другой – ряд недостатков и недоговоренностей. При этом неясности некоторых важных деталей «Обзора ядерной политики» вряд ли можно объяснить только тем фактом, что определенная часть этого документа является закрытой. Достаточно очевидно, что многие моменты, о которых будет сказано ниже, еще недостаточно проработаны американскими аналитиками, что вызывает как вопросы, так и серьезные сомнения в осуществимости перехода США к новой модели сдерживания, во всяком случае, в планируемые сроки.

Что касается положительных сторон названной трансформации политики безопасности США, то прежде всего необходимо отметить отказ от включения России в число потенциальных противников и стремление к дальнейшему улучшению российско-американских отношений. Подобного рода заявления можно было бы назвать чисто декларативными, если бы они не были подкреплены конкретными решениями по глубоким односторонним сокращениям стратегических наступательных вооружений США. Эти сокращения должны быть настолько значительными, что конечный состав стратегической триады США через 10 лет будет ниже, чем это предусматривается договором СНВ-2 (3000–3500 боезарядов) и даже Рамочным соглашением по параметрам договора СНВ-3 (2000–2500 боезарядов), подписанным в 1997 году в Нью-Йорке президентами двух стран. Всего же в указанный период США собираются снять с носителей как минимум 3800 ядерных боезарядов.

Следует иметь в виду, что названные сокращения со стороны Соединенных Штатов являются абсолютно добровольными. Они не вызваны какими-либо обязательствами или конкретными причинами военно-технического или экономического плана. Фактически ничто не заставляет США осуществлять сокращения своих стратегических наступательных сил ни в указанном объеме, ни в обозначенные сроки.

Более того, на фоне ухудшающейся ситуации в российских стратегических силах, что делает неизбежным их сокращение в ближайшее десятилетие до уровня 1500 ядерных боезарядов или даже ниже, Соединенные Штаты могли бы просто *остановиться* на уровне действующего российско-американского договора СНВ-1 (6000 ядерных боезарядов) и *не делая ничего*, обрести над Россией как минимум четырехкратное превосходство без осуществления каких-либо крупных программ модернизации собственных стратегических вооружений.

Американские эксперты указывают также и еще на один немаловажный факт. А именно на то, что Пентагон в своих предложениях по пересмотру ядерной стратегии и осуществлению односторонних сокращений стратегических сил сумел *перешагнуть* важный психологический рубеж, согласившись при каких-то условиях *опуститься* на уровень ниже 2000 ядерных боезарядов. До этого момента данный уровень считался нижней чертой любых ограничений на развернутые стратегические силы США – договорных или односторонних. Теперь же, *преодолев* этот *барьер*, руководство Пентагона фактически высказывает готовность коренным образом пересмотреть свои планы стратегического нацеливания и ведения войны, поскольку ранее утверждалось, что при уровне ниже 2000 боезарядов резко осложнится планирование ядерных операций и будет ограничена *гибкость* в использовании названных сил.

Из отрицательных моментов провозглашенного пересмотра ядерной стратегии США для российского военно-политического руководства наиболее неприятным является именно односторонний подход к сокращениям стратегических ядерных вооружений. На официальном уровне Россия продолжает настаивать на том, чтобы планируемые сокращения были облечены в форму нового «юридически обязывающего документа» – договора, определяющего сроки и объемы сокращений, систему контроля за его выполнением и ряд других важных положений.

Одним из таких положений, как явствует из заявлений российских официальных лиц, должно было бы стать ограничение на *возвратный потенциал* снимаемых ядерных боезарядов, а также обязательство по их демонтажу, то есть фактической ликвидации. Дело в том, что Соединенные Штаты намереваются не уничтожать снимаемые с

носителей (стратегических ракет морского и наземного базирования) боеголовки, а отправлять их на складское хранение.

Кстати говоря, это положение является одним из самых уязвимых пунктов американского плана односторонних сокращений, вызывающим большие сомнения не только в России, но и в самих США. Об этом, в частности, свидетельствует большое количество вопросов, заданных в ходе брифинга по представлению общественности «Обзора ядерной политики» официальным лицам Пентагона. Их объяснения сводились к тому, что заскладированные боеголовки будут разделены на две категории – *активный* и *пассивный* запас. При этом *активный* запас может быть возвращен в развернутое состояние в случае возникновения такой необходимости при резком изменении военно-стратегической ситуации, а *пассивный* – может находиться в стадии ожидания демонтажа. В то же время как относительные, так и абсолютные данные по соотношению *активных* и *пассивных* боезарядов, которые будут находиться на складах, названы не были, что, очевидно, также объясняется соображениями секретности.

Как уже говорилось, американский план не предусматривает проведение переговоров по контролю над стратегическими вооружениями с Россией и заключение соответствующих договоренностей. Вместе с тем, учитывая настойчивость российского руководства в данном вопросе, США все же пошли на проведение консультаций относительно новых договоренностей по сокращению стратегических ядерных вооружений, которые попеременно проходят в Вашингтоне и Москве.

С российской стороны в обсуждениях участвуют как представители министерства иностранных дел, так и первый заместитель начальника Генерального штаба ВС РФ генерал-полковник Юрий Балуевский. Этот факт свидетельствует о некотором упорядочении системы выработки и принятия решений по данным вопросам и о возврате Генеральному штабу функций важнейшего участника этого процесса.

Пока не совсем ясно, увенчаются ли попытки России убедить США пойти на заключение новой договоренности. Впрочем, судя по заявлениям официальных лиц и сообщениям СМИ, дело как будто идет к подготовке краткого договора, определяющего, возможно в юридически обязательной форме,

количественные и временные параметры соглашения. И хотя детали переговоров пока обнародованы не были, можно предположить, что российская позиция основывается на предложениях президента РФ Владимира Путина, выдвинутых в ноябре 2001 года, а именно на сокращении СНВ сторон до 1500–2200 единиц ядерных боезарядов на развернутых стратегических носителях. Что же касается *возвратного потенциала*, то, по словам советника президента РФ маршала Игоря Сергеева, складирование демонтированных с носителей боеголовок – «это не процесс сокращения, а определенный оперативный маневр силами и средствами [...] Для России такой подход был бы неприемлем»¹.

В свете того, что Соединенные Штаты уже приняли решение как по предельному уровню сокращений своих стратегических ядерных сил, так и по вопросу о складировании демонтированных с носителей ядерных боеголовок, не совсем ясно, чем же Россия может заинтересовать своего партнера по консультациям до такой степени, чтобы он отказался от названных планов и в корне пересмотрел выработанный и одобренный президентом и Конгрессом подход.

Дело в том, что как уровни сокращения стратегических наступательных вооружений США, так и вопросы развертывания ПРО и складирования демонтированных ядерных боеголовок полностью вписываются в выработанный в результате осуществления «Обзора ядерной политики» новый подход США к проблеме сдерживания и укрепления безопасности. Уровень остающихся на вооружении США стратегических сил, как уже говорилось, является с точки зрения Пентагона «предельно допустимым»; программа ПРО составляет важнейший компонент второго, оборонительного элемента новой стратегической триады США, а заскладированный запас ядерных боеголовок – третьего элемента, или *сил реагирования*. Принятие российских предложений будет означать не только коренной пересмотр ядерной стратегии США, но и возврат Соединенных Штатов к прежней философии сдерживания, базирующейся на оценке угроз и конкретных характеристиках сил *вероятного противника*, от которой США как раз и намереваются отказаться.

Это представляется маловероятным. В данной связи оптимизм российской стороны по поводу возможности продвижения собственных предложений и достижения на их

основе конкретной договоренности в сфере дальнейших сокращений стратегических наступательных вооружений, ограничению средств ПРО и ликвидации сокращаемых ядерных боезарядов выглядит лишенным серьезных оснований.

Разумеется, нельзя исключить того, что в ходе встречи на высшем уровне между президентами США и России в Москве в мае этого года документы, связанные с сокращением стратегических наступательных вооружений сторон, все же будут подписаны, поскольку общая договоренность по этому поводу имеется. Но вряд ли, как представляется, американская сторона согласится на такие значительные изменения в своей позиции, которые ей предлагает Россия. Таким образом, можно ожидать, что подобные документы будут отражать прежде всего американский подход к названным вопросам, а именно сокращение в течение последующих 10 лет стратегических ядерных вооружений США и России до уровня 1700–2200 боезарядов, развернутых на стратегических носителях, без обязательства ликвидировать сокращаемые ядерные боезаряды. Что касается проблемы ПРО, то сегодня трудно ожидать, готовы ли США пойти на какие-то конкретные ограничения этих систем, тем более что конфигурация будущей стратегической обороны территории США пока неясна для самих Соединенных Штатов.

Еще одним вопросом, вызывающим определенные сомнения, является планируемый переход к новой форме *стратегической триады*. Речь идет о том, смогут ли две новые *вершины* стратегического *треугольника* иметь хотя бы приблизительно равный удельный вес со стратегическими ядерными вооружениями США, к тому же дополненными неядерными средствами, способными решать стратегические задачи.

Так, вторым элементом перспективной системы стратегического сдерживания Пентагон называет систему обороны – *активную* и *пассивную*. Речь, видимо, прежде всего должна идти о планируемой системе обороны территории США, способной защитить Соединенные Штаты от ограниченных ударов баллистических ракет. При этом официальные лица военного ведомства США отмечают, что в современных условиях сдерживание, основанное на угрозе ответного удара, необходимо дополнить и системой противоракетной обороны, способной не только отразить возможный удар, но и

нарушить планы агрессора по нанесению такого удара. Этими соображениями, видимо, и руководствовался президент США Джордж Буш, объявляя о выходе Соединенных Штатов из бессрочного российско-американского договора по ПРО 1972 года.

Не совсем понятен энтузиазм американской стороны по поводу перспектив создания сколько-нибудь эффективной системы противоракетной обороны. Ведь, исходя из опыта работ по «стратегической оборонной инициативе» в восьмидесятих годах, можно было бы и не торопиться с принятием решения о выходе из данного договора по крайней мере до того момента, когда появятся реальные результаты разработок и испытаний. И если уж говорить о реальных угрозах для территории США и их союзников, то речь должна идти прежде всего не о стратегических баллистических ракетах, а о средствах меньшей дальности, создание системы противодействия которым не запрещено договором по ПРО. При этом сценарий пуска по территории США тактической ракеты с борта корабля или гражданского судна, находящегося в нейтральных водах, является, на наш взгляд, отнюдь не менее реалистичным, чем удар по США при помощи МБР со стороны тех стран, которые включены американским руководством в число государств-изгоев.

Пожалуй, одним из немногих возможных объяснений поспешности США с выходом из договора по ПРО является стремление нынешней администрации продемонстрировать населению свой энтузиазм и готовность приложить все усилия по обеспечению защиты Соединенных Штатов от любой (реальной или мнимой) угрозы. В таком случае можно вполне согласиться с выводом президента России Владимира Путина о том, что американская система ПРО не создает угрозы для безопасности нашей страны. Она и не может ее создавать, поскольку шансы на развертывание действительно эффективной стратегической противоракетной обороны в обозримом будущем весьма незначительны. Таким образом, система ПРО США призвана играть в основном психологическую роль с точки зрения как защиты собственного населения, так и «нарушения планов возможных агрессоров», о чем говорится в рассматриваемом «Обзоре ядерной политики» США; но и, конечно же, она должна способствовать вливанию бюджетных средств в те американские корпорации, которые будут задействованы при разработке систем противоракетной обороны.

Не ясно также содержание и третьей составляющей новой триады США – *сил реагирования*. Насколько можно судить из объяснений представителей Пентагона, важным элементом этих *сил* должны стать структуры, способные в случае резкого обострения военно-политической ситуации в короткий срок восстановить ядерный потенциал США путем возврата со складов на носители *активного* запаса ядерных боеголовок. С чисто технической стороны это, видимо, сделать относительно несложно. Практическая же осуществимость таких действий вызывает сомнения. Не говоря уже о том, что трудно представить себе ситуацию, в которой Соединенным Штатам *не хватит* примерно двух тысяч ядерных боезарядов, находящихся на развернутых носителях, сам этот шаг (если он будет осуществляться в мирное время) может стать серьезнейшим провоцирующим фактором для многих стран. Такое действие вместо укрепления безопасности и стабильности способно резко ослабить и то, и другое.

Поэтому, как представляется, идея создания и содержания *активного запаса* ядерных средств скорее всего явилась результатом компромисса между гражданским руководством и военными США, которые сопротивлялись глубоким сокращениям стратегических сил. А само сокращение и перевод на склады части ядерных вооружений США, видимо, можно будет с течением времени считать окончательным. Более того, можно сделать вывод и о том, что такие действия окажутся вообще необратимыми, то есть Соединенные Штаты не примут решения о возврате *активного запаса* в развернутое состояние. По мере же старения этого *запаса* он постепенно перейдет в *пассивное* состояние, а затем будет ликвидирован.

Единственно, что может *оправдать* принятие решения по восстановлению стратегического арсенала Соединенных Штатов, – это резкое наращивание (до уровня США или выше) стратегических ядерных сил России (что вряд ли возможно) или Китая, что также вызывает серьезные сомнения.

Вызывают определенные сомнения и базовые положения подхода к обеспечению безопасности и сдерживанию, пропагандируемые в «Обзоре ядерной политики». Как уже говорилось выше, Соединенные Штаты намереваются строить свою систему сдерживания не в расчете на конкретного *вероятного противника* (оценка угроз), а исходя из собственных возможностей.

В политическом плане такая трансформация идеологии сдерживания звучит весьма выигрышно, поскольку США отказываются считать кого-либо своим врагом – реальным или потенциальным. Но в чисто военном плане не совсем ясно, как будет строиться эта новая система безопасности без оценки возможных угроз, характеристик и дислокации конкретных систем оружия, которое может быть использовано против США и их союзников, стратегии и тактики вероятных противников Соединенных Штатов – будь то отдельные государства или крупные террористические (включая международные) организации.

Базовые принципы военной стратегии незыблемы. Они действуют уже в течение тысячелетий. И один из них, выдвинутый еще 2500 лет великим полководцем и стратегом древнего Китая Сунь Цзы, требует в равной степени досконального знания как собственных возможностей, так и возможностей противостоящего противника. Только в этом залог успеха. Поэтому новая философия сдерживания США – скорее всего не более чем пропаганда, рассчитанная на получение максимального политического эффекта. Что же касается реальных военных планов, то как в США, так и в других странах они являются одним из наиболее охраняемых государственных секретов и не раскрываются даже в случае, если они не были осуществлены. Стоит хотя бы упомянуть советский план *Гроза* – план нападения СССР на фашистскую Германию, факт разработки которого в течение более чем 60 лет отрицался в СССР и продолжает отрицаться в России на официальном военном и политическом уровне, хотя многие документы и факты свидетельствуют о том, что он существовал.

В заключение необходимо подчеркнуть, что высказанные сомнения по поводу отдельных деталей «Обзора ядерной политики» США не стоит рассматривать как полное неприятие этого документа. В нем, несомненно, сделана весьма важная попытка переосмысления базовых постулатов *холодной войны* – постулатов конфронтации и соперничества двух идеологически непримиримых центров силы, которые доминировали в мире на протяжении второй половины прошлого века. Сейчас США на практике пытаются доказать, что эра ядерного противостояния уходит в прошлое. Такая попытка заслуживает как

минимум определенного понимания и серьезного анализа с российской стороны.

Более того, нам самим неплохо было бы перенять американскую практику составления собственных обзоров ядерной политики, что внесло бы необходимый элемент системного подхода к решению проблем безопасности. В свое время в России много говорили о том, что в условиях перехода от конфронтации к сотрудничеству важно выработать новые рамки стратегических взаимоотношений с США, включая пересмотр политики ядерного сдерживания. Сдерживание при этом должно было оставаться важным элементом этой политики только до того момента, как стороны согласуют новый формат своих взаимоотношений.

К сожалению, Россия так и не смогла сделать даже первый шаг на этом пути, продолжая продвигать идею укрепления стратегической стабильности как универсального средства обеспечения безопасности и не желая понимать то, что стратегическая стабильность как раз и базируется на идее укрепления ядерного сдерживания. Таким образом, в этих вопросах российская политика в течение всех последних лет продолжает двигаться по замкнутому кругу, отстаивая подходы к обеспечению безопасности, характерные для периода *холодной войны*, которые уже не отвечают ни политическим, ни военным, ни экономическим реалиям сегодняшнего дня.

В идеальном случае России и США следовало бы *совместно* осуществить пересмотр базовых положений стратегии сдерживания, постаравшись сконцентрировать свое внимание не на вопросах «сохранения и укрепления» стратегической стабильности в узком понимании этой проблемы как стратегического взаимоотношения двух основных ядерных держав, а на более широком переосмыслении изменившейся ситуации в мире. Если США и Россия объявили друг друга стратегическими партнерами, то следовало бы подкрепить эти заявления реальными действиями по созданию стабильной и безопасной структуры международных отношений в XXI веке.■

¹ *Независимое Военное Обозрение*, №4, 2002, с.1

Информация и оценки (по материалам печати)

Ниже приведены выборочные материалы российской печати из «ядерного и ракетного досье», «досье по обычным вооружениям» и «досье по химическому и биологическому оружию» ПИР-Центра, опубликованные в январе – феврале 2002 года. Редакция Ядерного Контроля приводит фрагменты из статей дословно или в пересказе, предлагает точки зрения различных изданий и не комментирует их. Размещение материалов в данном разделе не означает, что редакция разделяет ту или иную из них.

В РОССИИ

ИЗ РАКЕТНОГО И ЯДЕРНОГО ДОСЬЕ

• Президент РФ

Владимир Путин об актуальных проблемах международной безопасности

В интервью газете *Wall Street Journal* президент России Владимир Путин заявил, что «и Россия, и Соединенные Штаты заинтересованы в укреплении режима нераспространения ядерного оружия и средств доставки, а также других средств массового уничтожения. От этого в первую очередь зависит наша национальная безопасность. Это очень важный побудительный мотив для сотрудничества». Борьбу с распространением оружия массового уничтожения (ОМУ) Владимир Путин назвал общим интересом России и США, не зависящим от степени доверия президентов друг к другу.

Отвечая на вопрос об отнесении Ирака, Ирана и Северной Кореи президентом США Джорджем Бушем к оси зла Владимир Путин отметил, что не считает обоснованным составлять черные списки стран.

«Нужно говорить о проблемах и искать пути решения этих проблем. Одна из них – как я уже упоминал – это проблема распространения ядерного оружия и других средств массового уничтожения.

Если мы говорим об Ираке, и есть подозрение, что в этой стране производятся средства массового уничтожения, то нужно решать именно эту проблему. И здесь много путей. Прежде всего нужно добиться возвращения в Ирак наблюдателей ООН. Как это сделать? Существует много способов, и военный путь далеко не единственный, не универсальный и, наверное, не самый лучший», – заявил президент России. (Интервью Президента Российской Федерации Владимира Путина газете *Wall Street Journal*. Пресс-служба Президента РФ. 11 февраля 2002.)

• В Минатоме

Назначен новый первый заместитель главы Минатома

В соответствии с распоряжением председателя правительства Российской Федерации Михаила Касьянова от 28 января с.г. Валентин Иванов освобожден от должности первого заместителя министра Российской Федерации по атомной энергии «в связи с достижением им предельного возраста, установленного для замещения государственной должности государственной службы».

Распоряжением премьер-министра на эту должность назначен Михаил Солонин. (Пресс-центр Правительства РФ. 29 января 2002.)

Солонин Михаил Иванович родился 27 октября 1944 года в городе Борзя Читинской области. Специалист в области исследований физико-химических и механических свойств реакторных материалов, технологии и методов конструирования элементов ядерных установок. Доктор технических наук, член-корреспондент по Отделению физикохимии и технологии неорганических материалов РАН (с 30 мая 1997 года). Заведующий филиалом кафедры МИФИ Физические проблемы материаловедения. До назначения на должность первого заместителя министра занимал пост директора ГНЦ РФ Всероссийский научно-исследовательский институт неорганических материалов им. академика А.А. Бочвара.

В область научных интересов Михаила Солонина входят: технология создания, исследование прочности, долговечности, надежности тепловыделяющих элементов; топливный цикл, сверхпроводники и конструкционные материалы узлов ИТЭР; вопросы использования оружейного плутония в ядерной энергетике; создание ТВЭЛ реакторов нового поколения. Михаил Солонин является автором (соавтором) более 200 публикаций, книг, патентов и изобретений. Он удостоен звания «Заслуженный деятель науки и техники»,

награжден четырьмя медалями. (Вместо освобожденного с занимаемой должности Валентина Иванова распоряжением правительства Российской Федерации от 28 января первым заместителем министра РФ по атомной энергии назначен Михаил Солонин, директор ВНИИНМ им. А.А. Бочвара. www.nuclear.ru. 30 января 2002.)

• Стратегические ядерные силы

Россия и Азербайджан достигли договоренности о статусе Габалинской радиолокационной станции

Россия и Азербайджан решили одну из самых застарелых проблем двусторонних отношений. В ходе визита азербайджанского президента Гейдара Алиева в Москву было подписано соглашение об условиях функционирования радиолокационной станции (РЛС) в Габале. Договориться об этом Москва и Баку пытались в течение последних 10 лет. Еще через 10 лет наши военные пользоваться станцией перестанут. Строительство Габалинской РЛС (типа *Дарьял*) велось пять лет и завершилось в 1987 году. Это один из ключевых элементов советской системы предупреждения о ракетном нападении. Цель станции – фиксировать пуски баллистических ракет из акватории Индийского океана. В настоящее время станция снята с боевого дежурства, ее аппаратура большую часть времени находится в режиме *готовности к боевой работе* или *холодного резерва, регламентных работ*.

25 января Владимир Путин и Гейдар Алиев подписали соглашение «О статусе, принципах и условиях использования Габалинской радиолокационной станции». Согласно этому документу, станция становится собственностью Азербайджана, а ее движимое и недвижимое имущество передается в аренду России сроком на 10 лет. Численность российского персонала, обслуживающего станцию, не должна превышать 1500 человек. Россия обязуется за аренду станции платить ежегодно 7 млн долл. Кроме того, Россия в течение пяти лет также должна уплатить 31 млн долл. за использование станции в предыдущий период. Кроме того, по словам первого заместителя председателя кабинета министров Азербайджана Аббаса Аббасова, «помимо арендной платы Россия будет оплачивать Азербайджану поставки электроэнергии (около 6 млн долл.), воды, продовольствия, оказание прочих услуг». *Azer-Press* со ссылкой на источники в Баку сообщает, что объем этих платежей будет составлять до 30 млн долл. в год. Однако эти расходы, по мнению редактора онлайн-журнала

Вестник ПВО Саида Аминова, не идут в сравнение с ценой строительства новой станции. Между тем, полагает эксперт, работа Габалинской РЛС имеет для России очень большое значение. Именно эта станция прикрывает южное ракетноопасное направление и может давать информацию о ракетных пусках в Иране, Ираке, Индии, Пакистане и Израиле – тех самых странах, ракетные программы которых вызывают у мирового сообщества больше всего опасений. (Михаил Козырев, Александр Никольский. 10 лет с правом локации. *Ведомости*. 28 января 2002.)

Алексей Московский о развитии Ракетных войск стратегического назначения

29 января начальник вооружения ВС России – замминистра обороны генерал-полковник Алексей Московский сообщил журналистам, что в 2002 году будут приняты на вооружение и поставлены на боевое дежурство в Ракетных войсках стратегического назначения (РВСН) России еще шесть ракетных комплексов мобильного базирования *Тополь-М*. По его словам, в 2001 году на боевое дежурство были поставлены шесть аналогичных ракетных комплексов.

Как отметил замминистра, утвержденная президентом программа вооружений до 2010 года предусматривает выход на уровень финансирования РВСН в 16% от общего объема оборонных расходов страны. В настоящее время этот уровень равен 18%, а в 1998 году он составлял 40%.

«Снижение объемов финансирования РВСН не нанесет ущерба и не приведет к провалу стратегических ядерных сил России», – подчеркнул замминистра обороны. (Александр Коновалов. В текущем году на боевое дежурство в России будут поставлены еще шесть мобильных ракетных комплексов *Тополь-М*. РИА Новости. 29 января 2002.)

Россия начнет модернизацию вооружений с Космических войск

Россия будет перевооружаться и начнет с самых современных – Космических войск. Об этом заявил министр обороны Сергей Иванов. По словам министра, «у нас не хватало космических аппаратов, а строить нормальные современные вооруженные силы, когда ты слепой и глухой, – бесперспективно».

По согласованию с Верховным главнокомандующим в 2002 году приоритет был отдан космосу, сообщил г-н Иванов. По его словам, министерство обороны планирует восстановить группировку космических

аппаратов и прежде всего нацелить их на информацию, связь и разведку. «Без этого ни один вид вооруженных сил нормально функционировать не может», – подчеркнул министр.

По его данным, «чуть больше средств» в этом году ассигновано на флот. Он отметил, что при этом предусмотрен амортизационный механизм отчисления средств на «длинные заказы», которые выполняются в течение нескольких лет.

Что касается парка авиации, состояние которого многие «совершенно справедливо критикуют», то сейчас, по словам Сергея Иванова, «пока речь может идти только о ремонте и модернизации».

Как отметил министр, мировой опыт, в том числе США, подсказывает, что в Афганистане широко использовались бомбардировщики *B-1* и *B-52*, «которые гораздо старше» пилотируемых их пилотов. «Дело не в *железе*, дело в начинке», – заявил г-н Иванов. По его словам, если самолет вовремя проходит ремонт и модернизацию и на нем постоянно обновляется бортовая аппаратура, аппаратура целеуказания и системы высокоточного оружия, что предусмотрено в программе, самолеты могут летать долго. (Сергей Иванов: Перевооружение Российской армии начнется с Космических войск. *Страна.Ru*. 21 февраля 2002.)

• Сокращение ядерных вооружений

Официальные лица России и США о будущем российско-американских отношений 25 января помощник президента РФ по вопросам стратегической стабильности маршал Игорь Сергеев заявил, что Соединенные Штаты и Россия должны стремиться заключить такие договоренности по вопросам стратегической стабильности, которые «увязали бы сокращение стратегических наступательных вооружений с оборонительными вооружениями». В течение нескольких дней он находился с рабочей поездкой в Вашингтоне, в ходе которой провел встречи с представителями администрации, политических и научных кругов США.

По мнению помощника президента РФ, такая юридически оформленная увязка СНВ и систем ПРО должна дать ясный ответ на вопрос о «качественных и количественных критериях ограниченности ПРО и следовательно, не затрагивать потенциал России».

Игорь Сергеев высказал предположение, что какие-то документы по вопросам стратегической стабильности могут быть подписаны уже во время предстоящего московского саммита президентов США и России. В то же время он призвал участников переговорного процесса не торопиться. «Не так важно время, как важен конечный результат», – сказал помощник президента РФ, комментируя стартовавший после ноябрьской встречи Владимира **Путина** и Джорджа **Буша** экспертный переговорный процесс по вопросам СНВ и ПРО. – Хотелось бы поскорей, но важно качество соглашений, которые обязательно должны учитывать безопасность России, равно как и США».

Помощник президента РФ отказался выступать с прогнозом о том, какие конкретно документы могут быть подписаны президентами России и США в Москве. «Степени продвижения работы над документами будут разными, поэтому к моменту встречи президентов одни соглашения будут готовы, другие – нет», – сказал Игорь Сергеев. – Однако это не остановит дальнейшую работу».

По мнению помощника главы российского государства, объявленное администрацией США намерение не уничтожать, а складировать часть ядерных боеголовок противоречит принципу сокращения СНВ. «Это не сокращение ядерных вооружений, а лишь изменение степени боевой готовности», – подчеркнул маршал.

Он также выступил за обязательное юридическое оформление любых возможных американо-российских договоренностей в сфере стратегической стабильности. «В этой чувствительной сфере нужно всегда действовать взвешенно и создавать такие условия выполнения договоренностей, когда бы ничто, даже смена президентов, не повлекло за собой отказ от их выполнения», – сказал Игорь Сергеев. (Павел Ваничкин. Сокращение стратегических наступательных вооружений США и России должно увязываться с оборонительными вооружениями, сказал Игорь Сергеев. *Итаp-Тасс*. 25 января 2002.)

По мнению Игоря Сергеева, в юридически оформленном договоре между двумя странами должен быть дан ответ «на критерии ограниченности ПРО, количественные, качественные и иные параметры». «В такой чувствительной сфере, какой являются вопросы стратегической стабильности, нужно

всегда подходить очень аккуратно и взвешенно, создавая условия выполнения достигнутых договоренностей, чтобы ничто, даже смена президентов, не повлекло бы за собой отказ от договора», – подчеркнул он.

Маршал не согласен с американской точкой зрения, согласно которой между друзьями якобы не нужно подписывать официальный договор. «Даже когда два любящих человека вступают в брачный союз, они обязательно документально оформляют материальные взаимоотношения друг с другом, – отметил Игорь Сергеев. – В истории очень много примеров, когда союзники заключали между собой договор, и если бы этого не было, то никогда бы мы фашизм не победили». (Сергей Меркулов. Маршал Игорь Сергеев считает, что между Россией и США должен быть заключен юридически оформленный договор по стратегической безопасности. РИА Новости. 26 января 2002.)

В статье, опубликованной американской газетой *New York Times*, министр иностранных дел РФ Игорь **Иванов** заявил, что Россия готова вырабатывать с США далеко идущие принципы понимания по вопросам разоружения.

«Российско-американские отношения были и остаются одним из наиболее важных факторов, определяющих состояние мировой политики, особенно в вопросах безопасности», – подчеркнул глава российского дипломатического ведомства. При этом он отметил, что «двусторонние отношения играют важную роль в новой международной системе безопасности».

«Сегодня нам предстоит сделать важный выбор: будут ли Москва и Вашингтон вместе стремиться найти пути для укрепления безопасности, или же каждая страна пойдет по своей собственной дороге, может быть, даже в ущерб безопасности друг друга», – считает министр иностранных дел РФ.

Игорь Иванов отметил, что прошедший год охарактеризовался как выход США из договора по ПРО 1972 года, что, по мнению России, являлось ошибочным шагом, так и тем, «что одновременно с этим наши страны начали диалог о возможном новом соглашении о резком сокращении стратегических наступательных вооружений, поскольку мы больше не являемся противниками».

«В ходе этих переговоров должны быть созданы новые рамки стратегических

отношений, – подчеркнул российский министр. – Россия готова вырабатывать далеко идущие принципы понимания по вопросам разоружения с Соединенными Штатами». Но это, отмечает Игорь Иванов, возможно лишь «на основе взаимного доверия, предсказуемости и прозрачности». (Алексей Агуреев. Россия готова вырабатывать с США далеко идущие принципы понимания по вопросам разоружения, заявил Игорь Иванов. *Итаp-Тасс*. 27 января 2002.)

Как «успокаивающе невысокую» расценивает администрация Джорджа Буша вероятность возникновения ядерной войны между Америкой и Россией «в условиях новых отношений Вашингтона и Москвы». Об этом заявил заместитель госсекретаря США по вопросам контроля над вооружениями и международной безопасности Джон **Болтон**, выступая на пленарном заседании Конференции по разоружению в Женеве. Фундаментальным положением новой американской доктрины стратегического сдерживания, пересмотр которой завершился сравнительно недавно, стал вывод о том, что «США и Россия более не являются противниками, и, следовательно, такие понятия периода *холодной войны*, как «гарантированное взаимное уничтожение», отныне не могут употребляться в качестве определяющих при описании наших стратегических взаимосвязей», подчеркнул г-н Болтон.

Одновременно, по его словам, Соединенные Штаты считают теперь реальной угрозой применения против них ядерного или другого оружия со стороны так называемых стран-изгоев или террористических группировок. В связи с этим американский дипломат призвал «такие государства, как Северная Корея и Ирак, прекратить нарушение режима нераспространения и позволить экспертам МАГАТЭ заняться своей работой», то есть провести инспекции на ряде объектов в упомянутых странах.

В целом представитель внешнеполитического ведомства США дал понять, что Белый дом намерен приложить все усилия, чтобы не допустить попадания ОМУ и технологий его производства в руки террористов и стран-изгоев. Джон Болтон предостерег их против таких попыток, пообещав, что США и их союзникам станет об этом известно. «Мы в курсе деятельности, идущей вразрез с режимом нераспространения, которую сейчас осуществляют предприятия, как минимум, из дюжины стран», – сказал он.

Джон Болтон подтвердил, что Вашингтон не намерен нарушать мораторий на проведение ядерных испытаний, несмотря на то, что администрация Джорджа Буша не планирует добиваться ратификации Сенатом Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Не видит Вашингтон и необходимости в разработке новых международных соглашений, регулирующих использование космического пространства, указал он, говоря о военной деятельности в космосе. (Дмитрий Кирсанов. Вашингтон расценивает как «успокаивающе невысокую» вероятность ядерной войны между Америкой и Россией, заявил заместитель госсекретаря США. *Итар-Тасс*. 25 января 2002.)

Заявление МИД России в связи с выступлением заместителя государственного секретаря США Джона Болтона

В Москве обратили внимание на выступление заместителя государственного секретаря США Джона Болтона на Конференции по разоружению в Женеве с изложением основных элементов политики администрации Джорджа Буша в области международной безопасности и разоружения.

В России разделяют понимание необходимости максимального сосредоточения усилий международного сообщества на борьбе с международным терроризмом и противодействии новым угрозам и вызовам. Нельзя не согласиться и с американскими предложениями о наращивании усилий по укреплению международно признанных нераспространенческих норм и режимов и предотвращению малейшей возможности превращения ОМУ в орудие шантажа и террора.

Вместе с тем в Москве убеждены в том, что важнейшим аспектом укрепления стратегической стабильности и международной безопасности в современных условиях должно быть сохранение и укрепление существующих договоров и соглашений в области контроля над вооружениями и нераспространения.

В то же время целый ряд подходов США к разоруженческим проблемам, – а они нашли вновь свое отражение в выступлении Джона Болтона, – объективно усложняют ситуацию, расшатывают международно-правовую систему в разоруженческой области. Это и решение США о выходе из договора по ПРО 1972 года, которое Россия считает ошибочным. Это и нежелание Вашингтона идти на ратификацию договора СНВ-2 и Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, неприятие

продолжения работы над верификационным механизмом в рамках Конвенции о запрещении биологического оружия. Несмотря на то, что подавляющее большинство стран поддержали начало переговорного процесса по предотвращению гонки вооружений в космическом пространстве на Конференции по разоружению, фактически лишь США не видят в этом необходимости.

Россия рассматривает Конференцию по разоружению как уникальный международный переговорный форум по разработке универсальных разоруженческих соглашений. В условиях глобализации мы не видим другого пути решения международных проблем, кроме как на основе широкого сотрудничества между государствами. Мы еще раз заявляем о своей готовности к поиску взаимоприемлемых решений по началу субстантивной работы конференции в духе уже сделанных российской стороной компромиссных предложений по программе работы. (В связи с выступлением заместителя государственного секретаря США Джона Болтона. *Департамент информации и печати МИД РФ*. 28 января 2002.)

В Москве состоялись российско-американские консультации

19 февраля состоялся второй раунд российско-американских переговоров по вопросам СНВ-ПРО и формирования новых рамок стратегических взаимоотношений двух стран. Российскую межведомственную делегацию возглавлял заместитель министра иностранных дел Российской Федерации Георгий Мамедов, американскую – старший заместитель государственного секретаря США Джон Болтон. Г-н Болтон был принят министром иностранных дел Российской Федерации Игорем Ивановым.

В центре переговоров находились вопросы укрепления стратегической стабильности и международной безопасности, ядерного разоружения и нераспространения.

Стороны договорились об активизации усилий по подготовке российско-американских документов, в частности юридически обязывающего соглашения о радикальном сокращении стратегических наступательных вооружений и декларации о формировании новых стратегических взаимоотношений России и США, в соответствии с конкретными договоренностями, достигнутыми между президентами двух стран в преддверии предстоящего саммита в Москве.

Были предметно обсуждены проекты этих документов, переданные российской стороной во время первого раунда переговоров. Американская сторона внесла свои предложения. Следующий раунд переговоров условились провести в марте. (О российско-американских переговорах по вопросам стратегических взаимоотношений и сокращению СНВ. *Департамент информации и печати МИД РФ*. 19 февраля 2002.)

Заместитель госсекретаря США Джон Болтон заявляет о разногласиях между Москвой и Вашингтоном как по декларации о новых стратегических отношениях, так и по новому договору о радикальном сокращении СНВ.

Старший заместитель госсекретаря США отметил, что между Москвой и Вашингтоном сохраняются разногласия в отношении обоих документов, подписать которые планируется в мае, в ходе предстоящего визита президента США Джорджа Буша в Москву.

По его словам, что касается политической декларации о новых стратегических отношениях, стороны «хотели бы максимально детально проработать» вопросы, связанные с новым характером отношений, установившихся между Москвой и Вашингтоном.

«В некоторых областях наше сотрудничество развивается очень успешно. Особенно хорошим примером является сотрудничество в борьбе с терроризмом после 11 сентября», — сказал г-н Болтон.

В то же время, по его словам, существует ряд разногласий, связанных, в частности, с вопросами распространения ОМУ. Эти вопросы приобрели особое значение в связи с выступлением Джорджа Буша, в котором он назвал Иран, Ирак и Северную Корею *осью зла*.

В разногласиях Москвы и Вашингтона по юридически обязывающему документу о радикальном сокращении наступательных ядерных вооружений одним из наиболее проблемных вопросов является «зачет боеголовок», как отметил старший заместитель госсекретаря.

Джон Болтон подчеркнул, что на нынешней, ранней, стадии переговоров трудно выявить основные проблемы и разногласия, поэтому его оценки носят предварительный характер. Стороны задают друг другу вопросы, чтобы лучше понять позиции друг друга, сказал заместитель госсекретаря. (Анна Бобина, Владимир Пахомов. Заместитель госсекретаря

США заявляет о разногласиях между Москвой и Вашингтоном по декларации о новых стратегических отношениях и по новому договору о радикальном сокращении СНВ. *РИА Новости*. 19 февраля 2002.)

Г-н Болтон также заявил, что США ожидают заключения в ходе предстоящего в мае визита Джорджа Буша в Москву юридически обязывающего соглашения по радикальному сокращению СНВ, которое будет затем направлено на одобрение в парламенты двух стран — Госдому и Конгрессу.

Ранее Москва подчеркивала важность заключения именно такого соглашения, США же говорили о возможности подписания «исполнительного соглашения», не требующего ратификации в парламентах.

По словам Джона Болтона, в настоящий момент он «не видит непреодолимых препятствий», которые могли бы помешать заключению такого соглашения.

«Исходя из того, что для России важно было иметь юридически обязывающее соглашение, президент США принял решение о целесообразности такого шага», — сказал г-н Болтон.

По его словам, Джордж Буш считал очень важным продемонстрировать, «какой степени зрелости достигли отношения между Россией и США».

При этом, подчеркнул г-н Болтон, Вашингтон не требует «ответного компромисса» со стороны России в обмен на заключение юридически обязывающего соглашения в области СНВ.

Г-н Болтон сообщил, что об этом с самого начала заявил российской стороне президент США Джордж Буш. (Анна Бобина, Владимир Пахомов. США ожидают заключения с Россией юридически обязывающего соглашения по СНВ, которое будет направлено на одобрение в парламенты двух стран. *РИА Новости*. 19 февраля 2002.)

Глава МИД России Игорь Иванов отметил различия в подходах России и США к вопросам радикального сокращения СНВ.

Открывая встречу со старшим заместителем госсекретаря США Джоном Болтоном, Игорь Иванов заявил, что пока у сторон сохраняются разные подходы в вопросе о документах о радикальном сокращении СНВ и новых рамках

партнерских отношений между Россией и США, однако «есть общее понимание».

По словам министра, Москва в своих подходах исходит из договоренности президентов России и США, подтвержденной в их телефонном разговоре 5 февраля, о том, чтобы выйти на соглашение о радикальных сокращениях СНВ, а также на документ о новых рамках стратегических отношений между Россией и США.

«Считаем, что должны активизировать работу, чтобы эти документы были готовы к визиту президента Джорджа Буша в Россию в конце мая», – сказал Игорь Иванов. По его словам, важно продолжить активную работу с целью выйти на подписание этих документов.

По словам г-на Иванова, «в целом, работа проделана положительная», «мы имеем на столе конкретные предложения сторон, и надо активно продолжать работу».

Глава МИД РФ сообщил также, что 17 февраля у него состоялся телефонный разговор с госсекретарем США Колином Пауэллом, в ходе которого они пришли к мнению, что могут встретиться в любое время, когда потребуется их непосредственное участие, с тем чтобы совместно найти взаимоприемлемое решение. (Игорь Иванов отмечает разные подходы России и США к вопросам радикального сокращения СНВ. РИА *Новости*. 19 февраля 2002.)

Старший заместитель госсекретаря США Джон Болтон также заявил, что для США важно, будет ли у Вашингтона «гибкость для увеличения боеголовок в случае изменения геополитической ситуации в мире». При этом г-н Болтон напомнил, что в предыдущих договорах по СНВ не было детализировано, что делать с боеголовками, выводимыми из эксплуатации.

Дипломат назвал «ключевым моментом» пороговый уровень снижения количества ядерных боеголовок. Он подчеркнул, что американская сторона сообщила российской стороне свое мнение по этому поводу – от 1700 до 2200 единиц, и обсуждение этого вопроса будет продолжаться.

Джон Болтон дал понять, что если соглашение о радикальном сокращении СНВ будет достигнуто, это будет короткий документ. В нем не будет сотен страниц, для согласования которых потребуются годы, отметил старший заместитель госсекретаря. (Анна Бобина,

Владимир Пахомов. Вашингтон хотел бы оставить за собой право увеличить число боеголовок в случае изменения геополитической ситуации в мире. РИА *Новости*. 19 февраля 2002.)

Российско-американские переговоры по стратегической стабильности «станут в ближайшее время более интенсивными». Договоренность об этом, как сообщил 20 февраля дипломатический источник в Москве, была достигнута в ходе завершившихся накануне в Москве встреч заместителя госсекретаря США Джона Болтона с российскими представителями.

По его словам, ожидается, что Джон Болтон и его российский коллега Георгий Мамедов вновь встретятся в марте. Им предстоит продолжить работу по подготовке двух важных документов – договора или соглашения о сокращении стратегических наступательных вооружений и политической декларации о новых взаимоотношениях России и США.

Несмотря на ряд разногласий, которые пока сохраняются в подходах стран, российская сторона «готова выйти на подписание юридически обязывающего документа в соответствии с мандатом, который был дан делегациям президентами Владимиром Путиным и Джорджем Бушем», сказал источник.

По его сведениям, на московских переговорах американская сторона передала ответные предложения, содержащие «некоторые пока еще не ясные для России моменты». В частности, «американцы вводят некую новую формулу ведения подсчета на основе оперативно развернутых боезарядов». К тому же США «предлагают не ликвидировать снимаемые с боевого дежурства боезаряды, а использовать их в качестве стратегического резерва». Поэтому, считает источник, «предстоит выяснить, что подразумевают партнеры под таким резервом и в каких целях намерены его использовать».

В свою очередь, российская сторона, указал источник, предлагает «зафиксировать в новом документе положение о взаимосвязи стратегических наступательных и оборонительных вооружений, что, по его словам, уже отражено в подписанном двумя президентами летом 2001 года Генуэзском заявлении. «Мы исходим из того, что все положения этого документа должны быть подтверждены и исполнены», – констатировал он.

Источник подчеркнул, что стороны «располагают достаточным временем для подготовки этих двух документов к предстоящему российско-американскому саммиту». Главы внешнеполитических ведомств РФ и США Игорь Иванов и Колин Пауэлл, добавил он, «готовы лично подключиться к переговорам, чтобы придать им дополнительный импульс». По мнению источника, «ускорить переговорный процесс также призван планируемый на март визит министра обороны РФ Сергея Иванова в США». (Валерий Агарков, Дина Пьяных. Переговоры по стратегической стабильности между Россией и США станут в ближайшее время более интенсивными, заявил дипломатический источник. *Итаp-Тасс*. 20 февраля 2002.)

• Международное сотрудничество

Администрация США подтверждает готовность к сотрудничеству с Россией

Администрация Джорджа Буша подтвердила готовность активно сотрудничать с Россией в деле обеспечения ядерной безопасности, запросив у Конгресса на эти цели в 2003-м финансовом году более 800 млн долл. Обнародованный 4 февраля проект федерального бюджета США включает ряд программ в рамках так называемой Расширенной инициативы по сокращению угрозы от оружия массового уничтожения, выдвинутой еще при президенте Билле Клинтоне. Она осуществляется по линии трех ведомств – Пентагона, министерства энергетики и госдепартамента.

Самые крупные ассигнования на сумму 416 млн долл. запланированы по программе министерства обороны США, известной по именам ее авторов как программа Нанна-Лугара. Она направлена на оказание помощи Москве в уничтожении стратегических вооружений, подпадающих под сокращение в соответствии с соглашениями между двумя странами.

Более 350 млн долл. намечено выделить на сотрудничество с Россией из бюджета министерства энергетики США. Из них 233 млн долл. должны пойти на финансирование программы физической защиты, контроля и учета ядерных материалов в РФ, 39 млн – на программы «Инициатива ядерных городов» и «Инициатива по предотвращению распространения», 49 млн – на содействие России в закрытии трех ядерных реакторов, вырабатывающих оружейный плутоний, и еще 34 млн долл. – на утилизацию излишков этого материала.

Администрация США собирается также продолжить ряд программ по линии госдепартамента, нацеленных на оказание помощи России и другим странам СНГ в области нераспространения. Они предусматривают усиление режима экспортного контроля, повышение эффективности работы пограничных и таможенных контрольно-пропускных пунктов, обеспечение занятостью ученых и специалистов, трудившихся ранее на оборонных предприятиях над созданием ядерного, биологического и химического оружия. (Иван Лебедев. США планируют выделить в 2003 году на сотрудничество с Россией в области ядерной безопасности 800 млн долларов. *Итаp-Тасс*. 5 февраля 2002.)

Власти США, похоже, всерьез задумались о том, что связывает Россию с мировым терроризмом. По словам председателя комитета по иностранным делам Сената США Джозефа Байдена, для террористов «существует много источников, где можно достать ядерное и химическое оружие, но на это нужны годы. Но есть и короткий путь – туда, где есть все сразу. Это – магазин, а иначе говоря – Россия». Чтобы отвлечь нас от такого бизнеса, Америка, судя по всему, готова помочь нам финансами.

Американский сенатор призвал списать часть российского внешнего долга и увеличить расходы на обеспечение российских ядерных и химических арсеналов. Увеличение расходов на эти нужды, по его замыслу, должно предотвратить проникновение такого оружия в Иран, Ирак или любые другие страны. Джозеф Байден считает, что слабая система безопасности при хранении ОМУ в России делает его легкой добычей для Ирана или Ирака.

Любопытно, что в 2001 году администрация Джорджа Буша проигнорировала аналогичные рекомендации комитета по иностранным делам. Хотя уже тогда российские арсеналы ядерного и химического оружия назывались «первостепенной угрозой национальной безопасности США». Теперь же власти Соединенных Штатов, по всей вероятности, склонны отнестись к этому иначе.

Точку зрения о том, что Россия, которая все последние годы с большим трудом выкраивала деньги на содержание своих военных баз и арсеналов, может превратиться в супермаркет для террористов, разделяют и на Ближнем Востоке. Например, вице-премьер Израиля Натан Щаранский заявил, что Россия должна пересмотреть свою политику в отношении

Ирана. По его словам, существует глубинная связь между войной с терроризмом и политикой таких стран, как Иран и Ирак, пытающихся завладеть ОМУ. «Ирак даже готов рисковать собственным существованием, но не отказываться от контроля над такого рода оружием», – подчеркнул израильский вице-премьер.

По словам Натана Щаранского, в Израиле и России существует взаимное «понимание опасности и необходимости предпринимать меры против утечки технологий», однако наша страна может сделать намного больше в этом направлении.

В цифрах это «намного больше» выглядит пугающе. По оценкам американского сенатора Джозефа Байдена, на сокращение российского ядерного арсенала, уничтожение химического оружия, создание системы слежения за перемещением радиоактивных материалов и другие мероприятия в течение ближайших 10 лет потребуется 45 млрд долл. Однако при этом российский долг перед США превышает 3 млрд долл., а задолженность перед остальными кредиторами в несколько раз больше. Сокращение долга поможет России обезопасить свои стратегические материалы и технологии и избежать пика платежей, который приходится на 2003 год, полагает г-н Байден.

Получается, что Россия по-прежнему продолжает зарабатывать на том, что было создано еще во времена Советского Союза. Раньше нам давали кредиты на реструктуризацию экономики, теперь могут списать долги, чтобы нам было выгодно хорошо хранить свое оружие. К сожалению, по-прежнему наши политические дивиденды приходят к нам лишь затем, чтобы у нас что-нибудь не рухнуло. (Варвара Агламишьян. Деньги в обмен на безопасность. *Независимая Газета*. 6 февраля 2002.)

8 февраля в ходе встречи с бывшим американским сенатором Сэмом **Нанном** министр обороны России Сергей **Иванов** отметил, что человечество, наконец, пришло к пониманию того факта, «что от оружия массового уничтожения дороже избавиться, чем его создать», и поблагодарил г-на Нанна и его частный фонд *Инициатива по сокращению ядерной угрозы* за усилия, которые они прилагают для оказания помощи, в том числе и России, по утилизации снимаемого с вооружения ядерного или химического оружия. (Ольга Семенова. Министр обороны России отметил важность идентичного

подхода Москвы и Вашингтона к договору по сокращению стратегических наступательных вооружений. РИА *Новости*. 8 февраля 2002.)

Администрация Буша намерена активизировать усилия по оказанию помощи России в обеспечении безопасного хранения ее ядерных материалов. Об этом заявил 8 февраля министр энергетики США Спенсер **Абрахам**, выступая в Лос-Анджелесском совете по международным делам. «Это тот вид деятельности, результаты которой говорят сами за себя», – сказал он.

Сославшись на проведенный в течение года обзор всех правительственных программ в области нераспространения, г-н Абрахам констатировал, что на сегодняшний день опасность попадания ядерных материалов в руки террористов велика как никогда. События же 11 сентября, по его словам, лишний раз подтвердили необходимость расширения этих программ. «Я не думаю, что для меня на сегодня есть какой-то более высокий приоритет», – подчеркнул Спенсер Абрахам.

Ранее администрация Джорджа Буша запросила у Конгресса около 1,2 млрд долл. на программы в области нераспространения, осуществляемые по линии министерства энергетики. Большая часть из этих средств предназначена для России. Министр выразил надежду на то, что работы по усилению мер безопасности на ядерных объектах РФ будут выполнены к 2008 году, то есть на два года раньше установленного графика. Администрация также предполагает расширить программу оказания помощи российским ученым, цель которой – трудоустроить более 300 тыс. специалистов, занятых в сфере ядерных исследований. «Мы осуществляем эти программы не из соображений благотворительности, – признал министр энергетики США. – Они, вне всяких сомнений, отвечают нашим национальным интересам». (Андрей Суржанский. Администрация Буша намерена активизировать сотрудничество с Россией в области ядерной безопасности, заявил министр энергетики США. *Итаp-Тасс*. 9 февраля 2002.)

18 февраля первый заместитель министра обороны США Пол **Вулфовиц**, выступая в Вашингтоне перед членами Американско-японского делового совета, заявил, что Пентагон считает необходимым удвоить усилия в рамках программы Нанна-Лугара по оказанию России помощи в уничтожении ядерных вооружений.

Он, в частности, указал, что необходимо повысить эффективность использования выделяемых в соответствии с этой программой средств и, «возможно, даже удвоить усилия» в рамках этой программы.

Г-н Вулфовиц утверждал, что в российских арсеналах продолжает оставаться «огромное количество тактических ядерных вооружений». Однако, по его мнению, Россия не намерена использовать это оружие и не накапливает его для некоей стратегической цели.

Вместе с тем Пол Вулфовиц заявил, что несмотря на определенное продвижение в деле учета и уничтожения ядерных вооружений, в этой области требуется еще больший прогресс.

Первый заместитель главы Пентагона также выразил мнение, что в ряде случаев основное внимание должно уделяться не столько самому уничтожению, сколько обеспечению безопасного хранения оружия, подлежащего уничтожению.

Г-н Вулфовиц подчеркнул, что гораздо большее беспокойство вызывает у него не судьба ядерного оружия на территории бывшего СССР, а активные программы разработки ОМУ для «преднамеренного враждебного использования», проводимые в ряде стран. (Кирилл Глебов. Пентагон считает необходимым удвоить усилия в рамках программы Нанна-Лугара по оказанию России помощи в уничтожении ядерных вооружений. РИА Новости. 18 февраля 2002.)

Достигнута договоренность о дальнейшей реализации сделки ВОУ-НОУ

Американская корпорация *USEC* и российская фирма *Техснабэкспорт* достигли договоренности об условиях нового контракта о поставках низкообогащенного урана (НОУ) из РФ в США. Об этом сообщил журналистам представитель американской администрации. Он отметил, что сделка, реализуемая в соответствии с соглашением между Москвой и Вашингтоном, должна быть одобрена правительствами двух стран. Ожидается, что в ближайшее время *USEC*, руководство которой встречалось в Москве с партнерами из Минатома и *Техснабэкспорта*, официально объявит о результатах переговоров.

Соглашение об использовании высокообогащенного урана (ВОУ), извлеченного из ядерного оружия, было заключено в 1993 году. В соответствии с программой, рассчитанной на 20 лет, которая оценивается в 12 млрд долл. и получила неофициальное

название *Мегатонны – в мегаватты*, Россия поставила в США уже более 4 тыс. т НОУ для утилизации в качестве топлива на АЭС. Они были получены в результате переработки 140 т ВОУ, пригодного для создания свыше 5,6 тыс. ядерных боезарядов.

Предыдущий контракт между *USEC* и *Техснабэкспортом*, выступающими исполнительными агентами по реализации соглашения, истек 31 декабря 2001 года, и стороны долго не могли сойтись в новой цене на ядерное топливо. Теперь решено, что начиная с 2003 года она будет не фиксированной, а гибкой. По условиям контракта цена на российский НОУ будет ежегодно пересматриваться и сможет меняться в зависимости от положения на рынке.

Новый контракт будет действовать в течение 13 лет, но его ценовые условия могут быть пересмотрены в 2007 году. Достижение договоренности позволит в марте возобновить прерванные поставки российского урана в США. По данным американской стороны, в результате реализации межправительственного соглашения ВОУ-НОУ Россия уже получила в свой бюджет примерно 2,5 млрд долл. (Иван Лебедев. Достигнута договоренность об условиях нового контракта о поставках российского урана в США. *Итар-Тасс*. 24 февраля 2002.)

На ГХК усовершенствуется система обеспечения безопасности ядерных материалов

Система безопасности ядерных объектов создана на Красноярском горно-химическом комбинате (ГХК). Как сообщил 21 февраля генеральный директор предприятия Василий Жидков, разработку и производство специального оборудования, которое не позволит вынести с территории предприятия ни одного грамма плутония, профинансировало министерство энергетики США.

Проникнуть постороннему человеку внутрь огромной горы, в которой находится ядерный реактор и радиохимическое производство, практически невозможно, считает Василий Жидков. А новая система безопасности стоимостью более двух миллионов долларов и созданная на эти деньги в России, позволяет избежать и несанкционированного выноса плутония специалистами комбината, решись кто-нибудь из них на такой шаг.

Усиленные меры безопасности приняты по отношению у хранилищу ядерного топлива, где находятся тепловыделяющие сборки, поступающие сюда с атомных станций России

и из-за рубежа. Здесь создано тройное кольцо охраны, которое призвано не допустить посторонних в хранилище. Совсем недавно *зеленые* пытались близко подойти к зданию, однако они смогли лишь снять на видеокамеру его крышу. Впрочем, «подобные визиты не представляют опасности», подчеркнул Василий Жидков. (Юрий Хоц. Уникальная система безопасности ядерных объектов создана на Красноярском горно-химическом комбинате. *Итаp-Тасс*. 21 февраля 2002.)

ИЗ ДОСЬЕ ПО ХИМИЧЕСКОМУ И БИОЛОГИЧЕСКОМУ ОРУЖИЮ

Германия и Россия продолжают сотрудничество в области химического разоружения

19 февраля в Берлине по окончании переговоров министр иностранных дел ФРГ Йошка Фишер и председатель государственной комиссии Российской Федерации по химическому разоружению Сергей Кириенко сделали заявление, что Германия и Россия намерены и далее сотрудничать в области химического разоружения.

Как сообщили в МИД Германии, в ходе встречи германская сторона подтвердила готовность правительства ФРГ продолжать оказывать России всестороннюю помощь в деле уничтожения накопленных запасов химического оружия.

В германском МИД отметили, что на переговорах Йошка Фишер и Сергей Кириенко обсудили проблематику обеспечения нераспространения химического оружия в свете терактов в США 11 сентября 2001 года.

Глава внешнеполитического ведомства ФРГ указал на то, что «широкое содействие, которое оказывает России Германия для уничтожения запасов химического оружия, служит цели совместного преодоления последствий *холодной войны* и ограничения современных рисков попадания оружия массового уничтожения в кризисные регионы мира».

В рамках двустороннего сотрудничества ФРГ инвестировала, начиная с 1993 года, 40 млн евро в строительство в Саратовской области завода для уничтожения боевых химических веществ. Это производство в населенном пункте Горный должно вступить в строй в июле 2002 года.

В течение 2002 года ФРГ предоставит еще 1,5 млн евро на строительство следующей установки для уничтожения химвооружений в

населенном пункте Щучье, которая возводится в рамках российско-американского проекта с участием нескольких стран-членов Европейского союза, отмечается в сообщении МИД ФРГ. (Александр Полоцкий. Германия и Россия намерены и далее сотрудничать в области химического разоружения. *РИА Новости*. 19 февраля 2002.)

Сергей Кириенко обсудил процесс химического разоружения с представителями Евросоюза

22 февраля в Брюсселе полномочный представитель президента России в Приволжском федеральном округе Сергей Кириенко после своей встречи с генеральным секретарем Совета Евросоюза Хавьером Соланой сообщил журналистам, что г-н Солана удовлетворен тем, как идет процесс уничтожения химического оружия в России.

Г-н Кириенко находился в бельгийской столице в качестве председателя государственной комиссии по химическому разоружению РФ.

По словам Сергея Кириенко, политическая поддержка Евросоюза очень важна для процесса химического разоружения в России, так как она в конечном счете выражается в финансовой помощи. Представитель президента России, в частности, дал высокую оценку участию Германии в этом процессе, выделившей 68 млн немецких марок.

Помощь самого Евросоюза, по мнению председателя госкомиссии, хоть и невелика по объему – около 15 млн евро, также важна. Часть этих средств поступает через программы ТАСИС, часть – напрямую. Кроме того, как сообщил Сергей Кириенко, Хавьер Солана обещал, что Евросоюз выделит помощь для строительства завода по уничтожению химического оружия в Щучьем (Курганская область), а также для технического оснащения Российского агентства по боеприпасам.

Отдельные программы ТАСИС, ориентированные на конверсию, отметил г-н Кириенко, имеют большое значение для процесса химического разоружения. В частности, через них выделяются средства на конверсию заводов, производивших боеприпасы, в Дзержинске Нижегородской области и Саратове, а также на конверсию Новочебоксарского завода. Конверсионные программы помогают сохранить рабочие места, и российская сторона стремится увеличить вес конверсии в программе

химического разоружения в рамках соответствующей международной конвенции.

Сергей Кириенко также подчеркнул, что эксперты Евросоюза дали высокую оценку системе безопасности и контроля над хранилищами химического оружия в России. Это, по его словам, подтверждает российскую точку зрения: опасность распространения химического оружия заключается не в том, что оно якобы может попасть в руки террористов из источников в России. Главная опасность в том, что западные коммерческие фирмы продают химические материалы двойного назначения странам, не подписавшим Конвенцию о химическом оружии, на основании лишь сертификатов конечного использования.

Сергей Кириенко отметил, что химическое оружие, «с точки зрения терроризма гораздо опаснее ядерного». Ядерные технологии легче контролировать. Химическое оружие может создать любой хороший химик, имея необходимые компоненты, оно легко перевозится.

Российское химическое оружие «жесточайше защищено», заверил полпред. Дополнительные меры приняты после 11 сентября 2001 года. Но все же, как подчеркнул г-н Кириенко, угроза распространения исчезнет, когда полностью исчезнет само оружие. Так что уничтожение химоружия – это тоже борьба с терроризмом. А ускорение этого процесса стоит денег. Поэтому, отметил полпред, необходимо вместе изыскивать эти средства, совместными усилиями находить способы более дешевого уничтожения боеприпасов. (Виктор Онушко. Хавьер Солана удовлетворен тем, как идет процесс уничтожения химического оружия в России. РИА *Новости*. 22 февраля 2002.)

ИЗ ДОСЬЕ ПО ОБЫЧНЫМ ВООРУЖЕНИЯМ

Россия ведет борьбу за индийский рынок вооружений

Беспрецедентное заявление сделал посол США в Индии Роберт Блэквил: «Американские компании проявляют все больший интерес к торговле оружием с Индией». Более того, г-н Блэквил назвал такую торговлю «критическим элементом в трансформации отношений» Дели и Вашингтона. Это крутой поворот в политике США, которые ранее не стремились к завоеванию индийского оружейного рынка.

Однако, по оценке российских экспертов, экспансия Америки пока не угрожает

российско-индийским отношениям. В большинстве случаев наше оружие выглядит более предпочтительным по критерию *эффективность–стоимость*.

Известно, что оружейные контракты между Москвой и Дели не подписываются на выставках. Обе стороны держат в секрете информацию о будущих контрактах. Тем не менее корреспонденту *Независимой Газеты* стало известно о некоторых планах расширения военно-технического сотрудничества.

Так, руководитель тульского предприятия *Сплав*, разработавшего знаменитые системы огня *Град*, заявил, что уже в этом году в Индии могут быть проведены испытания российских *Смерчей*. За этим скорее всего последует закупочный контракт. Эксперты полагают, что поставки могут начаться в 2003–2004 годах. Ряд новых типов ракет для *Смерча* (отметим, что каждая из них стоит несколько десятков тысяч долларов) позволит Индии добиться решающего превосходства в огневой мощи в возможных сражениях с бронетанковыми частями пакистанской армии.

Анонимные источники в российской делегации высоко оценили шансы России получить дополнительный заказ на фрегаты для индийских ВМС. Действующий контракт предусматривает поставку трех кораблей, рассматривается возможность закупки еще четырех кораблей.

Однако на переговорах речь идет не только о поставках, но и о развитии в Индии высоких технологий. Сообщается об огромном интересе индийских военных к разработанным в России электронно-оптическим преобразователям третьего поколения. Созданные на их основе уникальные приборы ночного видения недавно прошли испытания на Северном Кавказе на вертолетах *Ми-8МТКО* и *Ми-24ВК1* и показали высочайшую эффективность. Дели хочет приобрести лицензию на выпуск таких приборов, которые сегодня могут создавать только Россия и США.

Эксперты полагают, что в случае достижения соответствующих договоренностей Индия может получить самые современные очки ночного видения и прицелы. Это, в свою очередь, нанесет удар по Израилю, который пытается монополизировать рынок по модернизации российских вертолетов, стоящих на вооружении индийских ВВС.

Также, как заявил глава делегации *Рособоронэкспорта* Виктор Кабардин, в

середине 2002 года Россия включится в два масштабных тендера. Первый – на модернизацию почти двух тысяч танков Т-72, второй – на поставку и модернизацию

дизельных подлодок *Амур*. (Сергей Сокут. Борьба за индийский рынок вооружений. *Независимая Газета*. 22 февраля 2002.)

В МИРЕ

• Иран

Иран отвечает на угрозы США

7 февраля духовный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи заявил, что любой, кто рискнет напасть на Исламскую Республику, получит решительный отпор. А министр обороны Али Шамхани уточнил: Иран незамедлительно нанесет ракетный удар, если Израиль подвергнет бомбардировке первую в стране АЭС, строящуюся на юге страны при участии России.

Словесные баталии между Вашингтоном и Тегераном продолжаются с тех пор, как президент Джордж Буш включил Иран в ось зла вместе с Ираком и КНДР. Тегеран обвинили в поддержке международного терроризма и разработке ОМУ. При этом на частые и жесткие выступления американцев иранское руководство отвечало достаточно вяло.

Духовный лидер Исламской Республики аятолла Али Хаменеи провел встречу с командованием иранских ВВС. Доклад военных порадовал иранского лидера, и по итогам встречи он заявил: «Если кто-нибудь рискнет напасть на наш народ или повредить нашим интересам, ответ будет сокрушительным, а агрессоры пожалеют о своих действиях».

Чуть позже министр обороны Ирана контр-адмирал Али Шамхани объяснил, что именно имел в виду духовный лидер. Оказывается, Али Хаменеи пригрозил не только США, но и главному союзнику американцев на Ближнем Востоке – Израилю. Как заявил контр-адмирал, Иран незамедлительно нанесет ракетный удар, если Израиль подвергнет бомбардировке первую в стране АЭС, которую российские специалисты возводят в Бушере.

После заявления иранского лидера обвинения в адрес США прозвучали и в Москве. Посол Ирана в России Голямреза Шафен на специально созванной пресс-конференции доходчиво объяснил, чего добиваются американцы: «Они стремятся вернуть свое влияние в Иране, утраченное 23 года назад [после исламской революции 1979 года. – *Коммерсант*]». Ради этого, по словам иранского посла, Вашингтон делает голословные утверждения о якобы ведущихся Тегераном разработках ОМУ. «Иран ни в коем случае не

намерен создавать или приобретать ядерное оружие. Но ни одна страна не может запретить другой использовать атомную энергию в мирных целях», – заявил он. К тому же Иран является членом Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), специалисты которого проводят регулярные проверки иранских ядерных объектов на предмет их использования в военных целях. (Ольга Березинцева. Иран отвечает США и угрожает Израилю. *Коммерсант*. 8 февраля 2002.)

• США

Администрация США отвергает возможность отказа от негативных гарантий безопасности неядерным государствам

22 февраля в опубликованном интервью газете *Washington Times* заместитель госсекретаря США по контролю над вооружениями и международной безопасности Джон Болтон заявил, что администрация Буша более не намерена придерживаться обязательства США не применять ядерное оружие против государств, не имеющих такового.

По его словам, Вашингтон «не ищет повода, чтобы использовать» свой ядерный арсенал. Вместе с тем он указал, что Вашингтон сделает «все необходимое, чтобы защитить невинное гражданское население Америки». В случае нападения на Соединенные Штаты «нам придется принять все меры, которые будут адекватны ситуации», сказал г-н Болтон. Он указал, что в таких случаях применяется классическая формулировка: «мы ничего не исключаем».

Джон Болтон указал, что нынешняя администрация не собирается поддерживать теоретические выводы, сделанные другими администрациями США.

Заместитель госсекретаря имел в виду обязательства, принятые в 1978 году администрацией президента Джимми Картера: не использовать ядерное оружие против неядерных государств, за исключением тех случаев, когда они нападут на США в союзе с ядерными государствами. Это обязательство известно под названием *негативных гарантий безопасности*.

В 1995 году это обязательство было подтверждено администрацией Билла Клинтона. Однако Джон Болтон заявил, что такие обещания отражают «нереалистичное видение международной ситуации». По мнению представителя госдепартамента, представления о том, что теория ядерного сдерживания будет эффективна против любого потенциального агрессора, были опровергнуты событиями 11 сентября.

«Мы пытаемся создать ситуацию, при которой никто не будет использовать оружие массового уничтожения какого-либо типа», — отметил г-н Болтон.

По словам заместителя госсекретаря, вопрос о *негативных гарантиях безопасности* не обсуждался в ходе раунда переговоров по вопросу о контроле над вооружениями, которые он провел в Москве. (Кирилл Глебов. Замгоссекретаря заявляет, что администрация Буша более не намерена придерживаться обязательства США не применять ядерное оружие против государств, не имеющих такового. РИА Новости. 22 февраля 2002.)

Госдепартамент США опроверг сообщения об изменении политики Соединенных Штатов по использованию ядерного оружия против неядерных государств.

«Нет изменений политики» США в отношении использования ядерного оружия против неядерных государств, заявил на брифинге в Вашингтоне официальный представитель госдепартамента Ричард Баучер.

По словам г-на Баучера, политика США в данном вопросе остается «неизменной» на протяжении последних 20 с лишним лет и нынешняя администрация полностью следует тому заявлению, которое было сделано администрацией Джимми Картера.

Согласно этому заявлению, США не будут использовать ядерное оружие против неядерных государств, подписавших международное соглашение о нераспространении ядерных вооружений.

В соответствии с политикой, объявленной в 1978 году администрацией президента-демократа Картера, США обязались не наносить ядерный удар по напавшим на них неядерным государствам.

Заявив, что старший заместитель госсекретаря США в своих высказываниях «только подтвердил» ранее принятые США обязательства, официальный представитель госдепартамента Ричард Баучер тем самым фактически опроверг интерпретацию интервью Джона Болтона газетой *Washington Times*.

По словам Ричарда Баучера, г-н Болтон «повторил позицию, которой правительство США придерживается с семидесятых годов». Соответствующее официальное заявление было первоначально сделано в 1978 году и было повторено в 1995 году, сказал официальный представитель госдепартамента. Он зачитал формулировку, согласно которой «США подтверждают, что не будут использовать ядерное оружие против стран, не обладающих ядерным оружием и являющихся участниками Договора о нераспространении ядерных вооружений, за исключением случаев вторжения или любого другого нападения на США».

При этом г-н Баучер напомнил, что если против США или их союзников будет использовано оружие массового уничтожения, то со стороны США не исключаются любые специфические виды военного ответа.

Напомнив, что аналогичные заявления делались американскими официальными лицами неоднократно, включая подтверждение позиции США во время операции *Буря в пустыне* в 1991 году, Ричард Баучер подчеркнул, что такая позиция США «была последовательной политикой на протяжении 20–30 лет». «Заместитель госсекретаря США Джон Болтон говорил именно об этом, и никаких изменений в этом нет», — сообщил официальный представитель госдепартамента. (Аркадий Орлов. Госдепартамент США опровергает сообщения об изменении политики Соединенных Штатов по использованию ядерного оружия против неядерных государств. РИА Новости. 22 февраля 2002.)

ДУМА И КОНТРОЛЬ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ

Депутаты Государственной Думы комментируют российско-американские отношения в области стратегической стабильности

Глава комитета Госдумы по международным делам Дмитрий Рогозин считает, что с учетом

выхода Соединенных Штатов Америки из договора по ПРО 1972 года Россия должна снять с себя обязательства, ограничивающие российскую национальную оборону и безопасность.

Такие ограничения, по словам г-на Рогозина, в частности, касаются пересмотра отдельных положений уже ратифицированных договоров, таких, как СНВ-1. При этом он подчеркнул, что это не означает стремления к конфронтации с Америкой, «так как прошло время угроз».

Дмитрий Рогозин высказал такое мнение в беседе с журналистами накануне рассмотрения в нижней палате постановления о позиции Государственной Думы в связи с выходом США из договора по ПРО.

По его мнению, Россия должна сотрудничать с США, но в вопросах безопасности, а не обороны.

Глава комитета Госдумы по международным делам также категорически отверг предположение о возможности вступления России в НАТО. «Вступать России в НАТО ни в коем случае не нужно, бессмысленно и глупо», – заявил Дмитрий Рогозин, подчеркнув при этом, что «никто так вопрос и не ставит».

Г-н Рогозин считает также, что «2002 год станет годом принятия решений о второй волне расширения Североатлантического альянса» на Восток за счет Словении, Словакии и одного из прибалтийских государств – Литвы.

Дмитрий Рогозин не исключает и решения «о большом скачке» – то есть о принятии в Североатлантический блок всех государств, претендующих стать членами НАТО.

Вместе с тем г-н Рогозин, по его словам, не видит «целесообразности в расширении НАТО на Восток, тогда как все действия происходят на Юге». (Арина Довгань. Дмитрий Рогозин считает, что с учетом выхода США из договора по ПРО Россия должна снять с себя обязательства, ограничивающие национальную оборону и безопасность. РИА Новости. 15 января 2002.)

11 января заместитель председателя комитета Государственной Думы по международным делам Константин **Косачев**, комментируя заявление представителей Минобороны США и администрации Джорджа Буша об уровнях и формате сокращения ядерных арсеналов, сказал, что намерение США складировать подлежащие сокращению боеголовки грозит подорвать складывающееся доверие между Москвой и Вашингтоном.

«Намерения американцев не уничтожать, а складировать сокращаемые боеголовки равносильно желанию спрятать топор за пазухой», – сказал г-н Косачев. По его мнению, желание США использовать ситуацию в мире в своих интересах понятно, но строить стратегические договоренности на сиюминутных ситуациях как минимум недальновидно. «Для поддержания стратегической стабильности в мире необходимо юридическое оформление любых шагов доброй воли в области безопасности, с чьей бы стороны они ни исходили», – подчеркнул Константин Косачев.

Он добавил, что российско-американские договоренности о сокращении ядерных арсеналов должны быть, *во-первых*, четко пороговыми, *во-вторых*, контролируруемыми (а последнее заявление Пентагона подрывает мониторинговую составляющую договора СНВ-1) и, *в-третьих*, исключающими понятие *возвратного потенциала*. (Ирина Колгина. Константин Косачев считает, что намерение США складировать подлежащие сокращению боеголовки грозит подорвать складывающееся доверие между Москвой и Вашингтоном. РИА Новости. 11 января 2002.)

14 января Константин Косачев заявил, что односторонние шаги Вашингтона в области стратегической стабильности «не внушают оптимизма и могут вынудить Россию пойти на ответные шаги вплоть до пересмотра целого ряда международных договоров в этой сфере».

Г-н Косачев отметил, что, «несмотря на очевидные позитивы в российско-американских отношениях», он все же охарактеризовал бы ситуацию в сфере стратегической стабильности «как два монолога, а не как диалог». Депутат подчеркнул, что отсутствие готовности к компромиссам по вопросам стратегической стабильности не соответствует интересам ни США, ни России.

Он напомнил, что договор по ПРО связан с другими договоренностями о сокращении стратегических вооружений – о ракетах средней и малой дальности (РСМД), договорами СНВ-1 и СНВ-2, а также Договором о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

Константин Косачев считает, что игнорирование российских озабоченностей в вопросе о расширении НАТО также может привести к тому, что Москва пересмотрит свое участие в Договоре об обычных вооруженных

силах в Европе (ДОВСЕ). «Если страны Балтии вступят в НАТО, не присоединившись до того к ДОВСЕ, последний, *во-первых*, утратит свой смысл, а *во-вторых*, мы не сможем его выполнять в этом регионе, так как здесь образуется серая зона, в которой можно будет разместить сколько угодно вооружений», – отметил парламентарий.

Он выразил надежду, что до предстоящего визита в Россию американского президента сторонам удастся разработать новый «взаимоприемлемый и универсальный комплекс договоренностей в сфере стратегической стабильности, своего рода Хартию нового времени». (Галина Филиппова. Константин Косачев считает, что односторонние шаги Вашингтона в области стратегической стабильности «не внушают оптимизма». РИА Новости. 14 января 2002.)

В думском комитете по международным делам активно комментируют заявление госсекретаря США Колина Пауэлла о согласии Белого дома на оформление взаимного сокращения СНВ России и США в виде юридически обязывающего документа.

Довольно скептически оценил эту инициативу руководитель комитета Дмитрий Rogozin. «Надо еще проверить, что он имеет в виду», – заявил 7 февраля депутат. То, что сегодня американцы называют договором, представляет собой так называемое «исполнительное соглашение», которое будет носить малообязывающий характер, считает он. Предложения США нельзя назвать сокращением стратегических наступательных вооружений, речь, по его словам, идет просто о демонтажировании ядерных блоков и ракет, складировании стратегического резерва, снятии с боевого дежурства части этого потенциала США. Сокращение же должно носить необратимый характер, и предусматривать уничтожение ядерных блоков, заявил депутат.

Первый заместитель руководителя комитета Константин Косачев, в свою очередь, расценивает согласие Белого дома на оформление взаимного сокращения СНВ как «значимый шаг в правильном направлении». «Заявление Колина Пауэлла носит, безусловно, позитивный характер для российско-американского диалога, однако вопрос о том, что конкретно мы собираемся облекать в форму соглашения и в какую форму, пока остается неясным», – добавил депутат. По имеющейся информации, заметил Константин Косачев, в Белом доме

рассматриваются три варианта возможного оформления договоренностей по сокращению СНВ. Все варианты предусматривают сокращение вооружений до определенного уровня и возможность контроля за этим процессом. Однако они не будут полными и устраивающими Москву без юридического закрепления необратимости таких сокращений, полагает он. (Людмила Александрова. Дмитрий Rogozin скептически оценил инициативу США – согласие на оформление взаимного сокращения СНВ России и США. Итар-Тасс. 7 февраля 2002.)

Совет Государственной Думы утвердил представителей палаты для участия в консультациях по вопросам СНВ и ПРО и обсуждения доклада правительства РФ по вопросам СНВ и ПРО Федеральному Собранию РФ в следующем составе: председатель Госдумы, руководители депутатских объединений, председатели комитетов по международным делам, по обороне, по безопасности, по промышленности, строительству и наукоемким технологиям, по бюджету и налогам, члены комиссии Госдумы по вопросам СНВ, ПРО, ДВЗЯИ.

Представлять Госдуму на консультациях, проводимых между Россией и США, будут председатель комитета по международным делам и председатель комитета по обороне – сопредседатели комиссии Госдумы по вопросам СНВ, ПРО, ДВЗЯИ. (Утвержден состав представителей Госдумы для участия в консультациях по вопросам СНВ и ПРО. Думское Обозрение. 22 февраля 2002.)

Михаил Маргелов: США могут возобновить ядерные испытания

Председатель комитета Совета Федерации по международным делам Михаил Маргелов не исключает, что в предстоящие годы США выйдут из добровольно соблюдаемого моратория на ядерные испытания.

По словам сенатора, «это будет означать дальнейшее расшатывание системы контроля над вооружениями. Кроме того, США, вопреки декларируемым ими намерениям, нанесут серьезный удар режиму нераспространения ядерных вооружений».

Что касается заявлений руководства США о готовности в одностороннем порядке сократить СНВ, то по ныне действующему американскому законодательству это возможно только после пересмотра концепции ядерной стратегии, сказал г-н Маргелов. «Судя

по последним сообщениям, пока этот пересмотр не завершен», – подчеркнул он.

В настоящее время финансирование ядерной поддержки арсенала США (обеспечение хранения и боеготовности боезарядов) оценивается в 4,5 млрд долл. Таким образом, отметил Михаил Маргелов, Соединенные Штаты продолжают придерживаться такой линии в процессе сокращения СНВ, которая предполагает возможность создания возвратного потенциала. Это объективно способствует возникновению дисбаланса в этой области. «Что касается России, то мы всегда выступали за контролируемые и последовательные сокращения», – подчеркнул он. (Николай Венедиктов. Председатель международного комитета Совета Федерации Михаил Маргелов не исключает, что в предстоящие годы США выйдут из добровольно соблюдаемого моратория на ядерные испытания. РИА Новости. 12 января 2002.)

Андрей Николаев о проблемах международной безопасности

31 января председатель комитета Госдумы по обороне Андрей **Николаев** на брифинге для военных атташе иностранных государств, аккредитованных в Москве, заявил, что НАТО как детище *холодной войны* трудно отнести к перспективным организациям в деле обеспечения безопасности Европы.

По словам Андрея Николаева, на основные вызовы НАТО ответить не в состоянии. В реформировании НАТО, как и в военной реформе России, часто желаемое выдается за действительное. Но поскольку НАТО еще существует, то диалог России с этой организацией «лучше, чем конфронтация», отметил он.

По мнению председателя комитета по обороне, «выход США из договора по ПРО 1972 года разрушает весь каркас международных договоренностей в этой области, на создание которого ушло так много материальных и моральных затрат и времени». Как отметил г-н Николаев, фактически придется пересматривать около 30 договоров и соглашений. В итоге старая методология обеспечения безопасности ядерных государств разрушается, а новая не создана.

Как заявил Андрей Николаев, борьба с международным терроризмом должна концентрироваться на искоренении причин и условий возникновения терроризма, а не на его следствиях. Без точного определения истинных виновников терактов, международного суда над ними любая акция возмездия, по мнению г-на Николаева, может восприниматься не как установление справедливости, а «как выгодное использование сильными государствами трагедии для реализации собственных эгоистических планов в ущерб безопасности народов».

«Главный недостаток в борьбе с международным терроризмом состоит в том, что качественно новые проблемы безопасности XXI века мы пытаемся решить старыми способами XX и даже XIX века», – заявил Андрей Николаев. (Павел Шевцов. Глава комитета Госдумы по обороне полагает, что НАТО, как детище *холодной войны*, трудно отнести к перспективным организациям обеспечения безопасности Европы. РИА Новости. 31 января 2002.)

С 1 марта 2002 года бюллетень *Дума и Контроль над Вооружениями* будет выпускаться в качестве раздела электронного бюллетеня *Ядерная Россия Сегодня*.

Подписаться на бюллетень *Ядерная Россия Сегодня* можно на сайте ПИР-Центра по адресу:

www.pircenter.org/russian/subscription/registry.htm.

Интервью**АЛЕКСАНДР РУМЯНЦЕВ: «ВОПРОСЫ ЯДЕРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ – ПОД НЕОСЛАБНЫМ КОНТРОЛЕМ ВЫСШЕГО РУКОВОДСТВА СТРАНЫ»**

Рост террористической активности, недвусмысленным доказательством которого явились террористические акты в США в сентябре 2001 года, еще раз заставил обратить внимание на проблемы обеспечения безопасности ядерных материалов и предприятий российской ядерной отрасли. С вопросами на эту тему корреспондент журнала Ядерный Контроль Дмитрий Ковчегин обратился к министру Российской Федерации по атомной энергии Александру Румянцеву.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Александр Юрьевич, события 11 сентября 2001 года в США в очередной раз заставили мировое сообщество вспомнить о проблеме обеспечения безопасности ядерных объектов и материалов. Как обеспечена безопасность ядерной отрасли в России? Как бы Вы могли охарактеризовать российско-американское сотрудничество в области физической защиты, учета и контроля ядерных материалов?

РУМЯНЦЕВ: В настоящее время в ведении Минатома России находится более 40 ядерно-опасных объектов. Эти и другие объекты требуют от нас повышенного внимания, особенно после чудовищных терактов против США. Вот почему вопросам модернизации физической защиты ядерно-опасных объектов, совершенствования учета и контроля ядерных материалов уделяется самое пристальное внимание руководством Минатома России. В Минатоме создан необходимый для достижения этих целей научно-технический потенциал.

Для отработки практических навыков по предотвращению и пресечению ядерного терроризма и ликвидации его возможных последствий в России постоянно проводятся учения с участием соответствующих подразделений министерства, МЧС, правоохранительных органов. Например, в конце 2001 года такое учение было проведено на Волгодонской (ранее Ростовской) АЭС.

Ведутся работы по повышению безопасности перевозки ядерных материалов и облученного ядерного топлива. В настоящее время используемые с этой целью вагоны и автомобили оснащаются системами спутниковой связи для непрерывного мониторинга перевозок.

Реализация этих программ осуществляется за счет средств федерального бюджета, собственных средств Минатома и фондов международного сотрудничества с США и другими странами.

Международное сотрудничество в этой области с США, Европейским сообществом высоко оценивается Россией. Например, на средства, получаемые в рамках международного сотрудничества, созданы два учебных центра в Обнинске для подготовки специалистов в области физической защиты, учета и контроля ядерных материалов.

МАГАТЭ использует эту учебную базу также для подготовки специалистов по физзащите из стран СНГ и Восточной Европы. Тем самым вносится заметный вклад в решение глобальной проблемы укрепления безопасности мирового сообщества в ядерной сфере.

ЯДЕРНЫЙ КОНТРОЛЬ: Какое внимание, на Ваш взгляд, сейчас уделяется проблемам ядерной отрасли, безопасности ядерных объектов и материалов президентом, правительством, Федеральным Собранием?

РУМЯНЦЕВ: Эти вопросы находятся под неослабным контролем высшего руководства страны. И это вполне понятно, учитывая их специфику. Совершенствование системы учета, контроля и физической защиты ядерных материалов и объектов осуществляется на основе утвержденных правительством долгосрочных программ. Они были приняты в начале и середине 2000 года. Это – Федеральная целевая программа «Ядерная и радиационная безопасность России на период 2000–2006 годы» и «Отраслевая программа Минатома на 2001–2007 годы».

Мы дорожим поддержкой со стороны президента РФ и правительства деятельности атомной отрасли, в том числе в сфере повышения ее безопасного функционирования.

Российские атомщики считают, и мы уверены, что эту точку зрения разделяет руководство страны, что успешное поступательное развитие атомной отрасли – залог прогресса России, укрепления ее национальной безопасности.

Комментарий**ПОСЛЕДНИЙ ШАНС?**

(по поводу продления общего срока уничтожения запасов химического оружия в РФ на пять лет)

Александр Калядин

5 июля 2001 года правительство РФ утвердило новую редакцию принятой в 1996 году федеральной программы «Уничтожение запасов химического оружия в Российской Федерации» (в дальнейшем – программа)¹.

Она предусматривает увеличение на пять лет общего срока уничтожения этих запасов, то есть до 2012 года, и содержит другие существенные изменения первоначального плана. В соответствии с требованиями Конвенции о запрещении химического оружия (КХО) программа была представлена Исполнительному совету Организации по запрещению химического оружия (ОЗХО).

КХО предусматривает возможность изменения для государства-участника установленного десятилетнего срока уничтожения химического оружия на пять лет. Решение по этому вопросу принимается Конференцией государств-участников КХО по рекомендации Исполнительного совета². Исполнительный совет ОЗХО приступил к рассмотрению обращения России о продлении срока. Окончательное решение по российской просьбе предстоит принять Седьмой Конференции государств-участников, которая состоится в 2002 году. Положительное решение определит дальнейшее развитие конструктивных отношений, сложившихся между Россией и ОЗХО, укрепит режим глобального химического разоружения и нераспространения и увеличит шансы на успех в других областях разоружения.

После распада СССР в 1991 году на российской территории остались созданные им запасы химического оружия (40 тыс. т по весу отравляющих веществ). Международное сообщество столкнулось с беспрецедентной проблемой мирового масштаба – задачей уничтожения самого большого в мире арсенала химического оружия, созданного прекратившей свое существование сверхдержавой.

В 1992 году по этому вопросу между Россией и другими государствами – сторонниками КХО была достигнута принципиальная

политическая договоренность. Суть ее сводится к следующему. РФ берет на себя ответственность за уничтожение запасов химоружия бывшего Советского Союза с учетом своих реальных финансовых возможностей, соглашается присоединиться к КХО, а заинтересованные государства-участники КХО обязуются оказывать РФ финансовое и техническое содействие в этом деле на долговременной основе. Таким образом, с самого начала речь шла скорее о международном, чем национальном проекте.

За истекшие годы для реализации указанной договоренности были предприняты определенные усилия. Россия приступила к осуществлению принятой в 1996 году федеральной целевой программы «Уничтожение химического оружия в Российской Федерации», соответствующей требованиям КХО. Что касается международного сообщества, то некоторые государства (США, Германия и др.) заявили о планах инвестиций в российские проекты по уничтожению химоружия.

Однако и в России, и на Западе недооценили всей сложности проблем практической реализации намеченных проектов и не проявили достаточной настойчивости и целеустремленности в их решении.

Что касается России, то десятилетие ельцинского правления с точки зрения рассматриваемой проблемы оставляет весьма противоречивое впечатление. Ряд объективных причин, в первую очередь затянувшийся экономический кризис, глубокие финансовые потрясения в РФ и перебои с поступлением иностранной безвозмездной помощи на цели уничтожения химического оружия, показали, что график программы был слишком оптимистическим. (Отставание по срокам ее реализации в середине 2001 года составляло уже более четырех лет). Вместе с тем нельзя не признать того, что Россией были сделаны определенные шаги с тем, чтобы соответствовать стандартам КХО: создана законодательная и нормативная база, позволяющая в полном объеме вести

программные мероприятия по химической демилитаризации; начато создание технической базы уничтожения запасов химического оружия и т.д. Но в то же время приходится констатировать, что вопросы, относящиеся к КХО, нередко оказывались на периферии забот часто менявшихся правительств этой эпохи. Правильные решения зачастую перечеркивались просчетами по административной части, бюрократической волокитой, несогласованностью действий и безответственностью, отсутствием четкой и эффективной государственной системы управления процессом химической демилитаризации. Многие ошибки в этой сфере деятельности были совершены из-за того, что решения финансовых, научно-технических и других проблем носили не публичный, а келейный характер.

Не лучше обстояло дело и с поступлением обещанной иностранной финансовой и технической помощи. В конце девяностых годов усилилась негативная для России тенденция. США (главный донор наиболее крупных проектов химической демилитаризации) приостановили финансирование строительства крупномасштабного объекта по уничтожению химоружия (производительностью 500 т в год) в г. Щучье Курганской области. (В 2000-м и 2001-м финансовых годах Конгресс США запретил выделять средства на эти цели). Другие государства-участники КХО также не спешили выполнять взятые политические обязательства перед Россией, что самым негативным образом сказалось на работе в области химического разоружения в России.

Вследствие всего этого большинство целей, определенных в 1996 году, не были достигнуты к 2001 году. Возникла необходимость пересмотра программы 1996 года, изменения промежуточных и конечного сроков уничтожения запасов отравляющих веществ, внесения других коррективов в программные мероприятия.

Со сменой высшего политического руководства в РФ и вследствие общих позитивных сдвигов в отношениях России с Западом перспектива реализации программных мероприятий, связанных с ликвидацией бывших советских химических arsenалов, несомненно улучшилась. Уже в федеральном бюджете РФ на 2001 год ассигнования на цели химического разоружения были увеличены более чем в шесть раз. Назначен новый государственный

заказчик программы (вместо министерства обороны). Им стало гражданское ведомство – Российское агентство по боеприпасам (Росбоеприпасы). Пересмотрена сама концепция уничтожения химоружия. Активизировалось и взаимодействие России с другими государствами в решении совместных задач в области химического разоружения. Все это получило отражение в принятии новой редакции программы, утвержденной постановлением правительства РФ №510 от 5 июля 2001 года.

Как и программа в редакции от 21 марта 1966 года, новый документ предусматривает выполнение положений КХО в полном объеме, фиксирует приверженность РФ целям полного химического разоружения и готовность правительства приложить максимум усилий для выполнения требований КХО. Вместе с тем в документе предложены во многом новые решения и подходы к выполнению обязательств России по КХО. Это касается прежде всего сроков и этапов ликвидации запасов химического оружия, создания технической базы его уничтожения, ресурсного обеспечения программы, ряда основных программных мероприятий, роли международного сотрудничества, механизма реализации программы. В новой редакции программы развиты и усилены положения по мониторингу окружающей среды, обеспечению безопасности хранения, перевозки, уничтожения химбоеприпасов.

Скорректированные этапы и сроки уничтожения химического оружия

С учетом экономической ситуации в РФ, а также необходимости уточнения объемов финансирования основных программных мероприятий правительство решило воспользоваться предоставленной КХО возможностью продления периода уничтожения химического оружия дополнительно на пять лет, то есть до 2012 года.

Кроме того, изменены и промежуточные этапы и сроки уничтожения химоружия категории 1 (оружие на основе химикатов Списка 1, его части и компоненты)³. Этапы намеченного пути таковы: уничтожить 1% запасов (400 т) в 2003 году; 20% (8 000 т) в 2007 году; 45% в 2008 году и 100% (40 000 т) до 2012 года. (Конвенцией предусмотрены следующие уровни и промежуточные сроки уничтожения для этапов 1, 2 и 3: 1% запасов химоружия в 2000 году; 20% в 2002 году и 45% в 2004 году. 100% запасов химического

оружия категории 1 должно быть уничтожено к 29 апреля 2007 года).

Что касается химического оружия категории 2 (боеприпасы, снаряженные фосгеном) и категории 3 (не снаряженные боеприпасы и устройства, а также оборудование, специально предназначенное для использования непосредственно в связи с применением химического оружия), то оно должно быть уничтожено во временных рамках, первоначально установленных КХО. (Химическое оружие категории 2 предусмотрено уничтожить на объекте в г. Щучье в 2001 году, а химическое оружие категории 3 – до 29 апреля 2002 года)⁴.

Стратегия уничтожения запасов химического оружия

В целях уменьшения затрат правительство РФ отказалось от прежнего плана создания семи дорогостоящих объектов по уничтожению химического оружия (ОУХО) – по одному в каждом из семи регионов его хранения. Работу по созданию технической базы уничтожения химоружия решено вести на основе новой концепции утилизации отравляющих веществ с внедрением новых технических решений по их уничтожению и с учетом реальной экономической ситуации в стране. (Концепция предложена Российским агентством по боеприпасам.) Сокращены количество и масштабы объектов по уничтожению химоружия. Намечено построить шесть ОУХО вместо семи, из них только два полномасштабных. Имеется в виду, что ускоренными и более производительными методами будет произведена детоксикация хранящихся отравляющих веществ на объектах по хранению с целью их перевода в реакционные малотоксичные массы, которые не будут представлять собой химоружие. Продукты детоксикации можно будет перевозить на большие расстояния, временно хранить и утилизировать на существующих промышленных объектах.

Намечено построить два полномасштабных ОУХО: в г. Щучье (Курганская область) и г. Камбарка (Удмуртская Республика). На них предусмотрено завершить в 2011 году уничтожение оружия, хранящегося на этих объектах. (Соответственно – 5 500 т по весу отравляющих веществ химических боеприпасов артиллерии в снаряжении фосфорорганическими отравляющими веществами нервно-паралитического действия (ви-икс, зарин, зоман) и фосгеном и 6 300 т люизита, кожно-нарывного отравляющего

вещества, хранящегося в емкостях). Кроме того, на ОУХО в г. Щучье предусмотрено уничтожить до 2012 года химическое оружие, хранящееся в г. Кизнер (Удмуртская Республика). Его запасы (химические боеприпасы артиллерии в снаряжении фосфорорганическим отравляющим веществом) составляют 5 680 т по весу отравляющих веществ. Предусматривается также завершение строительства объекта по уничтожению химоружия в п. Горный (Саратовская область) и уничтожение оружия, хранящегося на этом объекте, в 2005 году (700 т иприта, 230 т люизита, а также 224 т смеси иприта и люизита – это составляет 2,9% запасов отравляющих веществ; уничтожение отравляющих веществ намечено начать в 2002 году).

Иная схема предложена для утилизации запасов химоружия, хранящегося на остальных трех объектах. Они находятся в пос. Марадыковский Кировской области, пос. Леонидовка Пензенской области и г. Почеп Брянской области. Эти запасы представляют собой боеприпасы авиации в снаряжении фосфорорганическими отравляющими веществами нервно-паралитического действия (ви-икс, зарин и зоман) и составляют 17 360 т по весу отравляющих веществ. Программой предусмотрено создание в этих регионах трех маломасштабных объектов по детоксикации хранящегося химического оружия, то есть не предполагается полный цикл утилизации. Уничтожение или утилизацию продуктов детоксикации намечено провести на предприятиях химической промышленности до 2012 года.

С новой концепцией уничтожения отравляющих веществ связан расчет на достижение ряда положительных результатов: в короткие сроки устранить опасность для населения регионов, связанную с хранением и уничтожением химоружия, внедрить более безопасные и экономически приемлемые технологии уничтожения и утилизации образующихся при этом отходов, оптимизировать расходы, более эффективно выполнить обязательства по КХО.

Программа уничтожения (конверсии) бывших объектов по производству химического оружия

В новом документе устранен существенный пробел, присущий программе 1996 года: включена программа мероприятий по конверсии или уничтожению объектов по производству химического оружия (ОПХО) в

РФ и ликвидации последствий их деятельности. (Перепрофилирование этих производств в соответствии с требованиями КХО является необходимым условием поступления в Россию иностранных инвестиций и зарубежной помощи на цели конверсии.)

Предусматривается физическое уничтожение бывших ОПХО, не подлежащих конверсии, и предоставление в ОЗХО в сроки, предусмотренные КХО, необходимой документации для обеспечения конверсии. Из 24 бывших ОПХО шесть предприятий уже физически уничтожены, на 10 объектах уничтожено 100% специализированного оборудования. На одном предприятии демонтировано 75% специализированного оборудования, и объект подлежит физическому уничтожению. Конверсия проведена на семи объектах. Девять бывших ОПХО подлежат конверсии (на некоторых из них предстоит уничтожить специализированное оборудование). Для подлежащих конверсии объектов предусмотрено заключение соглашений с ОЗХО по контролю за их деятельностью. Россия представила в ОЗХО общие планы уничтожения и проверки крупного предприятия по производству ви-икс и снаряжению им боеприпасов в г. Новочебоксарске Чувашской Республики (часть корпусов этого предприятия подлежит проверке). Также поданы в ОЗХО заявки и соответствующие подробные планы конверсии бывших объектов по производству химоружия в г. Волгограде (ОАО *Химпром*, производство по снаряжению боеприпасов зарином, зоманом и зоманом вязким), г. Новочебоксарске (ОАО *Химпром*, производство ви-икс и снаряжение им боеприпасов) и г. Дзержинске (ОАО *Капролактан*, производство люизита). Россия уже получила от ОЗХО три сертификата относительно завершения процесса конверсии на бывших ОПХО. Они относятся к двум объектам на Средне-Волжском заводе в г. Чапаевске Самарской области (первый объект – по производству иприта; на втором осуществлялось снаряжение боеприпасов смесью иприта и люизита) и к объекту предприятия *Оргстекло* в г. Дзержинске (бывшее производство по снаряжению боеприпасов синильной кислотой).

Механизм реализации программы

В новой редакции программы окончательно оформлены и закреплены значительные изменения в организации управления работами в области химического разоружения, начало которым было положено в 2000 году. В

ней расписаны обязательства для десятка федеральных ведомств.

В целях более эффективного решения проблем, связанных с соблюдением обязательств по КХО, ответственность за организацию управления программой и контроль за ее реализацией закреплена за Российским агентством по боеприпасам. Агентство является государственным заказчиком программы, выполняет функции национального органа РФ по осуществлению КХО, управляет действиями исполнителей программы; оно также призвано обеспечивать эффективное использование средств, выделяемых на ее выполнение. При агентстве создано Федеральное управление по безопасному хранению и уничтожению химического оружия с высоким статусом и широкими полномочиями. В его функции, в частности, входят: организация и осуществление мероприятий по безопасному хранению, перевозке и уничтожению химического оружия; организация учета отравляющих веществ, боеприпасов реактивной и ствольной авиации, боевых частей ракет и авиационных средств поражения в снаряжении отравляющими веществами; обеспечение безопасности объектов по хранению химоружия; организация и осуществление мероприятий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций на объектах по хранению и уничтожению, обеспечению экологической безопасности хранения, перевозки и уничтожения химоружия.

В целях обеспечения взаимодействия федеральных органов исполнительной власти, органов власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления при реализации государственной политики в этой области химического разоружения президентским указом образована Государственная комиссия по химическому разоружению. Ее председателем назначен полномочный представитель президента РФ в Приволжском федеральном округе Сергей Кириенко. В комиссию вошли представители организаций, участвующих в деятельности в области химического разоружения. В комиссии представлены и шесть субъектов федерации (на территории которых хранится химоружие и создаются объекты по его уничтожению), а также Российская академия наук и общественные организации. Наряду с главной задачей (обеспечение взаимодействия организаций, участвующих в процессе

химического разоружения) комиссия призвана выполнять ряд других важных функций. В их число входят: разработка предложений президенту и правительству; координация работы с населением территорий, на которых хранится или уничтожается химоружие, ликвидируются или подлежат конверсии объекты по его производству; рассмотрение хода выполнения программы химического разоружения, контроль за эффективным использованием средств, выделяемых на эти цели.

Идея создания авторитетного органа с такими функциями и с участием представителей общественности давно высказывалась в российском обществе и в странах, оказывающих РФ финансовую и техническую помощь в уничтожении запасов отравляющих веществ и в конверсии бывших ОПХО. Одно из предложений на этот счет изложено в Специальном приложении к русскому изданию Ежегодника СИПРИ 1998⁵. Оно направлено на обеспечение большей транспарентности работ по химической демилитаризации, подключение органов общественного надзора и наблюдения к контролю за ходом выполнения правительственных планов уничтожения химического оружия, ликвидации или конверсии объектов по его производству.

Справедливости ради следует отметить, что в программе содержатся очень правильные положения на этот счет. В ней сформулирован прогрессивный принцип: деятельность в области химического разоружения «осуществляется гласно и открыто», говорится о важности информирования международной и российской общественности через СМИ, проведения общественных слушаний, организации конференций, семинаров, симпозиумов, об использовании других методов и средств информационного характера. Несомненно, это сделало программу более приемлемой и привлекательной в глазах общественного мнения.

Если деятельность комиссии оправдает эти надежды и механизм реализации Программы станет более прозрачным, то это повысит доверие общественности (российской и мировой) к планам и действиям России в области разоружения. К сожалению, в последнее время наметилась тенденция, которая не может не вызывать озабоченности: правительство закрыло большую часть оборонного бюджета на 2002 год, в том числе

и цифру расходов на работы по химической демилитаризации. Чиновники полностью показывают бюджет ООН, ОБСЕ, ОЗХО, но держат его в строгом секрете от собственного народа. Такое решение представляется странным и даже оскорбительным для российской общественности. От нее утаиваются данные по военному бюджету, которые представляются в международные организации (что касается химического, то – в ОЗХО). Госструктуры дали сигнал обществу, что они не желают делиться с собственными гражданами важной информацией. Такая позиция дискредитирует принцип гласности и открытости, не способствует публичной дискуссии, формированию у граждан позитивного отношения к проблеме химического разоружения в РФ. Если это решение не будет отменено, то разговоры о гражданском контроле над процессом химической демилитаризации так и останутся лишь благими пожеланиями. Мы потеряем союзников в борьбе за международное общественное мнение.

Финансовые потребности

Авторы новой редакции программы предлагают финансировать расходы, связанные с ее реализацией, за счет средств федерального бюджета, внебюджетных источников, включая безвозмездную финансовую и техническую помощь государств-участников КХО, а также за счет средств, полученных от вовлечения в хозяйственный оборот ценных вторичных материалов, образующихся в процессе уничтожения химического оружия, и прибыли конверсионных производств. При этом главную нагрузку, очевидно, будет нести федеральный бюджет, из средств которого предполагается финансировать многие программные мероприятия. Общие затраты на реализацию программных мероприятий (независимо от источников их финансирования) определены в размере 92,7 млрд руб. (в ценах 2001 года), в том числе на работы, связанные с уничтожением химоружия, – 90,2 млрд и на работы по конверсии или уничтожению объектов по производству химоружия – 2,5 млрд. При этом 61% всех расходов составляют затраты на строительство и эксплуатацию объектов по уничтожению химоружия; 2,7% – на конверсию или уничтожение ОПХО; 8,3% – на обеспечение безопасности процесса уничтожения химоружия, включая меры по охране здоровья граждан, занятых на работах с химическим оружием.

Как представляется, оценку финансовых потребностей программы едва ли можно признать окончательной и достаточно полной. Она зависит от многих факторов, в том числе от тех, которые носят неопределенный характер: это привлечение внебюджетных источников финансирования, в том числе иностранной помощи, вовлечение в хозяйственный оборот ценных вторичных материалов, образующихся при утилизации отравляющих веществ, решение эксплуатационных проблем, освоение опыта работы на демонстрационном оборудовании и т.д. Много будет зависеть от поступления иностранной финансовой помощи, реализуемости федерального бюджета (не исключена вероятность секвестра его расходных статей в связи с падением цен на нефть), возможностей погашения огромных внешних долговых обязательств РФ, пик выплат по которым приходится на 2002 и 2003-й годы (соответственно 14 и 19 млрд долл.).

Международное сотрудничество

В отличие от программы 1996 года в новой редакции ее более внятно и конкретно сформулировано положение о месте и роли иностранной безвозмездной помощи в реализации программных мероприятий. Новый документ правомерно исходит из необходимости увеличения объемов такой помощи со стороны государств-участников КХО и соответствующего уменьшения нагрузки на федеральный бюджет. В документе приведены конкретные данные о направлениях и объеме международного содействия РФ в реализации программы, о долевом участии иностранных доноров в финансировании российских проектов, позволяющие судить об их ожидаемом вкладе в процесс ликвидации бывших советских запасов химоружия. Поскольку речь идет об унаследованных запасах отравляющих веществ, то есть фактически об уничтожении химического арсенала, созданного не существующим ныне государством, о преодолении опасного наследия *холодной войны*, представляется обоснованным то, что выделение ежегодных средств из федерального бюджета поставлено в зависимость от объема средств, поступающих от государств, оказывающих помощь.

По состоянию на 1 мая 2001 года иностранная безвозмездная финансовая и техническая помощь российским проектам, связанным с уничтожением химоружия, конверсией или уничтожением объектов по его производству, составила около 300 млн долл. (из них США – 260 млн). Содействие России в этом деле

оказывают 12 государств на двусторонней основе и Евросоюз. Общий объем планируемой иностранной помощи оценивается в 750–780 млн долл. (из них США обещали выделить 630–660 млн на проектирование и строительство ОУХО в г. Щучье и уничтожение бывших ОПХО в г. Волгограде и г. Новочекбоксарске; это составит 82–87% от общего объема планируемой иностранной помощи). Имеются основания утверждать, что судьба программы 2001 года в огромной мере зависит от бесперебойного поступления помощи государств-участников КХО. За счет безвозмездной финансовой и технической помощи должен быть построен крупномасштабный объект по уничтожению химоружия в г. Щучье, на котором предполагается уничтожить более 27% всех запасов химического оружия, находящегося на территории РФ. Международной финансовой и технической помощи отведена весьма значительная роль в создании ОУХО в пос. Горный Саратовской области и г. Камбарка Удмуртской Республики, на которых запланировано уничтожить в общей сложности более 18% запасов отравляющих веществ.

Вызывает озабоченность тот факт, что помощь международного сообщества, несмотря на политические заверения, которые были даны России государствами-участниками КХО накануне ратификации КХО, все еще не соответствует масштабам и сложности решаемых Россией задач в области химического разоружения. Общий объем объявленной иностранной помощи (на начало 2001 года) составил около 7% от потребностей программы уничтожения запасов химического оружия в РФ. Отсутствует жесткий график иностранных инвестиций в российские проекты, связанные с химической демилитаризацией. Не выполнен ряд обязательств. Количество государств, заявивших о предоставлении России помощи в деле ликвидации химических арсеналов бывшего СССР, остается небольшим. Некоторые предложения об оказании помощи носят скорее символический характер политической поддержки (что тоже, конечно не бесполезно) и составляют доли процента от средств, необходимых для осуществления программных мероприятий. Вместе с тем следует отметить некоторые позитивные сдвиги в позиции США. В бюджете США на 2002-й финансовый год заложено 50 млн долл. на финансирование российской программы уничтожения химоружия. Из этой суммы

35 млн пойдет на строительство завода по уничтожению химоружия в г. Щучье, а 15 млн – на конверсию.

Одной из главных задач на предстоящий период является оптимизация усилий по привлечению безвозмездного зарубежного финансового и технического содействия и повышению эффективности его использования.

Необходимо использовать и другие возможности в этом плане. Такие возможности, к сожалению, не обозначены в новой редакции программы. Надо добиваться, чтобы Россия была отнесена к странам, которые могут пользоваться реструктуризацией долгов и их частичным списанием. РФ вправе рассчитывать на то, что ведущие западные державы – участницы КХО, являющиеся одновременно основными держателями внешних долгов бывшего СССР, согласятся облегчить бремя России, связанное с долгами бывшего СССР, пойдут на списание их значительной части с учетом бремени, которое несет РФ в процессе ликвидации бывшего советского химического арсенала, с использованием этих средств на цели инвестирования в проекты химической демилитаризации. Правительству РФ следует добиваться поддержки со стороны международного сообщества в решении вопросов предоставления России на эти цели крупных долгосрочных кредитов на льготных условиях (частично на безвозмездной основе) международными финансовыми учреждениями (Всемирный банк, Международный валютный фонд, Европейский банк реконструкции и развития, частные фонды и др.).

Еще неясно, как далеко готовы идти партнеры России в развитии сотрудничества с ней в области химической демилитаризации. Вместе с тем ответственные представители западных правительств понимают (и не могут не понимать), что в интересах их собственной безопасности и международной стабильности необходимо помогать России в ликвидации арсеналов химоружия бывшего СССР, финансово участвовать в этом процессе. Никто не хочет, чтобы это оружие вдруг заявило о себе во внутренних и международных конфликтах, оказалось в поле зрения структур международного терроризма и привело к другим непредсказуемым последствиям. Хотелось бы надеяться на то, что осознание новых угроз со стороны международного терроризма будет побуждать руководителей России и стран-участниц КХО к более тесному взаимодействию и по

вопросам ликвидации химического арсенала бывшего СССР.

По мнению экспертов, скорректированная программа достаточно убедительно адаптирована к современным условиям, и в ней четко обозначена позитивная перспектива. Она серьезно модернизирована на основе новых подходов. Но ее успех сильно зависит от состояния государственных финансов, а также от регулярного поступления обещанных иностранных инвестиций в программные проекты, связанные с уничтожением химоружия и конверсией, то есть фактора, находящегося за пределами контроля России. Так что иностранные партнеры РФ несут свою долю ответственности за судьбу общего предприятия.

Реализация запланированных программных мероприятий позволит России справиться с ее обязательствами по КХО, а международному сообществу избавиться от опаснейшего химического наследия *холодной войны*.

Характеризуя программу в своем выступлении на открытии 26-й сессии Исполнительного совета ОЗХО 25 сентября 2001 года, генеральный директор этой организации Жозе М. Бустани заявил, что она представляет собой значительную веху как для России, так и для ОЗХО и «делает планы России в отношении выполнения ее наиболее важных обязательств по Конвенции о запрещении химического оружия – полному уничтожению огромного химического арсенала – очень реалистичными»⁶.

Конечно, вызывает оптимизм тот факт, что правительство РФ подтвердило свою решимость последовательно продвигать дело реального химического разоружения, конкретным планом действий, а ряд других членов КХО – намерением соблюдать обязательства по участию в российских проектах химической демилитаризации. Вместе с тем сам факт принятия новой редакции программы и ее одобрения международным сообществом еще не гарантирует полного успеха. Всем участникам процесса ликвидации бывших советских химических арсеналов, тесно связанным общей озабоченностью, необходимо сделать надлежащие выводы из печальных уроков минувшего десятилетия, перейти к устойчивому долгосрочному партнерству и проявить неослабевающую политическую волю к совместному решению сложных

проблем, оставшихся с девяностых годов. Это отвечало бы и видам России, и интересам международного сообщества, поскольку решались бы важнейшие задачи укрепления глобального режима химического разоружения и нераспространения, обеспечения общей безопасности и стратегической стабильности.■

¹Собрание законодательства Российской Федерации, №29, 2001, ст.3020. О внесении изменений и дополнений в постановление Правительства Российской Федерации от 21 марта 1996 года №305 «Об утверждении федеральной целевой программы «Уничтожение запасов химического оружия в Российской Федерации». См. также: Собрание законодательства Российской Федерации, №14, 1996, ст.1448. Постановление Правительства РФ от 21 марта 1996 года №305 «Об утверждении федеральной целевой программы «Уничтожение запасов химического оружия в Российской Федерации».

²Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении. Приложение по осуществлению и проверке. Часть IV (А), п. 24. Продление срока для завершения уничтожения. Этот пункт гласит: «Если государство-участник считает, что оно будет не в состоянии обеспечить уничтожение всего химического оружия категории 1 не позднее чем через 10 лет после вступления в силу настоящей Конвенции, оно может подать в Исполнительный совет просьбу о продлении срока для завершения уничтожения такого химического оружия. Такая просьба должна подаваться не позднее чем через девять лет после вступления в силу настоящей Конвенции». В этой просьбе излагается следующее: а) продолжительность предлагаемой отсрочки; б) подробное объяснение причин для предлагаемой

отсрочки; и с) подробный план уничтожения на период предлагаемой отсрочки и на оставшуюся часть первоначального десятилетнего периода уничтожения. Решение по просьбе принимается Конференцией государств-участников на ее следующей сессии по рекомендации Исполнительного совета.

³В Список 1 включены токсичные химикаты, которые разрабатывались, производились, накапливались или применялись в качестве химического оружия. Они представляют высокий риск для предмета и цели КХО в силу того, что обладают большим потенциалом для использования в рамках деятельности, запрещаемой по КХО. Химикаты Списка 1 мало используются или не используются в целях, не запрещаемых по КХО. См.: Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении. Приложение по химикатам.

⁴К уничтожению химического оружия категории 3 Россия приступила в начале 2000 года на двух площадках (пос. Мардыковский и пос. Леонидовка). Представленные Россией планы уничтожения химического оружия категории 3 были одобрены Исполнительным советом ОЗХО в октябре 2000 года. Представлены также планы проверки уничтожения химического оружия категории 3.

⁵Ежегодник СИПРИ 1998. Вооружение, разоружение и международная безопасность. М., Наука, 1999, с.655, 656. См. также: Пикаев Александр, Такер Джонатан. (Ред.). Уничтожение наследия *холодной войны*: преодолевая препятствия на пути химического разоружения в России. Монтерейский институт международных исследований. Комитет по критическим технологиям и нераспространению, 1998, с.13, 14.

⁶www.opcw.org/speeches/DG_statement_to_26th_EC.html.

Продолжается подписка на журналы ПИР-Центра:
Ядерный Контроль (индекс 79280) и
Научные Записки ПИР-Центра (индекс 80979)
на 2-е полугодие 2002 года.

Информация о подписке находится в **Приложении №1** к каталогу агентства
«Роспечать» **ГАЗЕТЫ и ЖУРНАЛЫ**.

Комментарий**МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЦЕНТРЫ КАК ОСНОВА В БОРЬБЕ С
ИНФЕКЦИОННЫМИ БОЛЕЗНЯМИ И В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ
БИОТЕРРОРИЗМУ¹****Раиса Мартынюк****Сергей Нетесов****Лев Сандахчиев**

В последние месяцы внимание политиков, военных и гражданских специалистов к проблеме биотерроризма постоянно усиливается. Надо ли говорить, что особую актуальность ей придает использование сибирской язвы в террористических целях в США осенью 2001 года. Так, обсуждаются возможные биологические агенты вирусной и бактериальной природы, анализируются варианты противодействия применению этих агентов и обеспеченность противозидемических служб подготовленным персоналом, диагностическими и лечебными средствами.

Как правило, сценарии биотеррористических инцидентов крайне неоптимистичны с точки зрения как человеческих потерь, так и затрат на ликвидацию прямых последствий такой акции, а также потерь от дезорганизации экономики региона и последствий психологического воздействия на население.

Терроризм на сегодня — это растущая индустрия, и прогноз возможности химической или биологической акции все чаще определяется как *не если, но когда*. Тем не менее даже в США, имеющих многолетний опыт борьбы с инфекционными болезнями во всем мире, только в 2000 году был разработан национальный стратегический план по готовности к ликвидации террористических инцидентов с химическими и биологическими агентами, предусматривающий координированное участие в выявлении и ликвидации таких инцидентов более 10 различных агентств. Основные разделы этого плана включают:

- готовность и профилактику;
- детекцию и надзор;
- диагноз и характеризацию биологических и химических агентов;
- принятие мер по ликвидации инцидента;
- систему оповещения и информационного обеспечения.

Все эти разделы предполагают обучение персонала, исследования и готовность в

полном объеме к обнаружению и ликвидации последствий возможного применения химических и биологических агентов во всех штатах и городах.

В качестве ключевого момента планируется создать многоуровневую сеть диагностических лабораторий для быстрого оповещения служб здравоохранения территорий, штатов, районов, и городов об обнаруженных агентах биологической и химической природы. Этот план фактически ориентирован на значительную модернизацию существующих структур по борьбе с инфекционными болезнями.

Особо надо подчеркнуть важные моменты, отличающие биотерроризм от других разновидностей терроризма.

Взрывчатые вещества достаточно распространены и не столь разнообразны. Химические агенты, которые могут быть использованы для террористических целей, хорошо изучены как потенциальные агенты химического оружия, и для большинства из них отработаны методы обнаружения, лечения пострадавших и дезинфекции. Качественно другая ситуация возникает в случае биологических агентов. В природе существует огромное разнообразие микроорганизмов — вирусов, бактерий и грибов, вызывающих заболевания человека, растений и животных.

По оценкам экспертов, нам известно не более долей процента многообразия существующих вирусов, несколько процентов — микробов. Природа постоянно создает новые патогены — так называемые *возникающие инфекции*, — и этот потенциал просто неисчерпаем. Только за последние 20 лет зарегистрировано более 30 новых инфекционных агентов, таких, как ВИЧ, вирусы Марбург, Эбола, против которых до сих пор нет средств лечения и профилактики.

Известные заболевания (такие, как грипп, туберкулез, малярия) в следствие их

изменчивости достаточно просто преодолевают традиционные иммунные и лекарственные средства профилактики и лечения.

Человечество находится в состоянии биологической войны с микроорганизмами со времен своего возникновения, и до сих пор почти 30% смертности в мире обусловлено инфекционными заболеваниями.

Хотя эксперты в области биологического оружия и биотерроризма, как правило, оперируют с ограниченным списком из нескольких десятков инфекционных агентов, нельзя не принимать во внимание возможное использование в террористических целях любого патогена из существующего в природе разнообразия.

Таким образом, задача создания глобальной системы надзора за вероятными эпидемическими вспышками природного или техногенного характера несопоставимо сложнее, чем при использовании химических агентов или взрывных устройств.

Очень важно также понимать, что биологические агенты действуют во времени, имеют скрытый период действия, в течение которого носитель инфекции может оказаться в другом городе или другом государстве, где и будет обнаружена вспышка заболевания, и для доказательства биотеррористического применения микроорганизмов может потребоваться много времени, чтобы провести всесторонний эпидемиологический анализ, например, изучение всех стадий приготовления и распределения пищевых продуктов в случае пищевого отравления.

Известный случай террористического применения *Salmonella* в салатном баре в Орегоне в 1984 году привел к заболеванию более 700 человек, однако характер заболевания был первоначально отнесен к природной вспышке, и только через год было точно доказано, что в салат была добавлена *Salmonella* религиозными экстремистами с целью сорвать выборы. Кстати, общественность США узнала об этом случае спустя много лет.

Таким образом, в любом случае первыми сталкиваются с биологическими инцидентами врачи, и именно состояние здравоохранения определяет готовность страны, региона и города к своевременному обнаружению и ликвидации последствий применения

биологических агентов, и поэтому финансовые и организационные усилия должны быть ориентированы в основном на гражданские, а не на военные ведомства.

Нация должна быть готова к обнаружению и ликвидации последствий вспышки любого биологического агента, включая традиционные и экзотические виды микроорганизмов. Существующие национальные системы государственного эпидемиологического надзора и борьбы с инфекционными болезнями должны быть способны выявить, локализовать и ликвидировать вспышку инфекционного заболевания независимо от того, является ли она следствием естественного проявления природного патогена или результатом его преднамеренного использования.

Все эти особенности обуславливают необходимость международного сотрудничества в отношении создания системы быстрого оповещения и принятия ответных мер. Этот вопрос в мае 2001 года был специально рассмотрен 54-й Всемирной ассамблеей здравоохранения (ВАЗ) в докладе секретариата «Глобальная безопасность в вопросах здравоохранения – предупреждение об эпидемиях и ответные меры». Было отмечено, что в 1995 году Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) приняла резолюцию WHA 48.13 о новых возникающих и повторно возникающих инфекциях и WHA 48.7 о пересмотре международных правил здравоохранения. ВОЗ полностью осознавала необходимость усиления эпидемиологического и лабораторного надзора на национальном уровне как основного вида защиты от глобального распространения инфекционных болезней.

Рост динамики перемещения населения (туризм, природные и техногенные катастрофы, конфликты), рост международной торговли продуктами питания и биологическими продуктами, социальные изменения и изменения окружающей среды в процессе урбанизации, изменения в технологии производства продуктов питания и их распределения, изменение привычек потребления обуславливают предпосылки возникновения инфекционного заболевания в любой стране и тем самым создают реальную угрозу для остального мира.

Секретариат обратил внимание на увеличение возможности преднамеренного использования возбудителей инфекционных заболеваний и

отметил, что естественные эпидемии и эпидемии при преднамеренном высвобождении биологических агентов могут проявляться одинаково.

Секретариат отметил, что в настоящий момент необходимость в международном сотрудничестве еще более значима, чем при постановке этого вопроса на первой Международной санитарной конференции в 1851 году. С момента создания ВОЗ в 1948 году она постоянно развивала такое сотрудничество.

С 1997 года ВОЗ была создана специальная система поиска, сбора и подтверждения информации о вспышках на основе тесной связи сотрудничающих центров ВОЗ с правительственными и неправительственными организациями, доступная в форме подтвержденных вспышек эпидемий (www.who.int/disease-outbreak-news/) и еженедельника ВОЗ (www.who.int/wer). На глобальном уровне существуют: сеть лабораторий (www.who.int/emc), ориентированных на такие инфекции, как геморрагические лихорадки (включая вирус Эбола), полиовирус, сбор базы данных по устойчивости к лекарственным препаратам (ARInfoBank) (www.who.int/emc/arm.html), сеть по гриппу FluNet (oms2b3e.jussieu.fr/fluNet/), сеть по бешенству RabNet (www.who.int/emc/diseases/zoo/rabies.html) и ряд других. ВОЗ обратила внимание стран-участниц на желательность создания партнерств с привлечением не только гражданских служб здравоохранения, но и военно-медицинских служб.

ВОЗ постоянно обращает внимание стран на решающую роль национального потенциала для эпидемиологического благополучия других стран и намерена расширять национальные программы по эпидемиологическим навыкам борьбы с глобальными эпидемиями и подготовки по эпидемиологии в рамках программы сетевого взаимодействия общественного здравоохранения (TERPHINET). Основные выводы, сделанные на основании обсуждения отчета секретариата, отражены в резолюции WHA 54.14 «Глобальная безопасность в вопросах здравоохранения – предупреждение об эпидемиях и ответные меры».

Заслуживает серьезного внимания и подражания создание бюро ВОЗ в Лионе (Франция) как модели использования национального потенциала для содействия в

подготовке кадров для стран, подвергающихся наибольшему эпидемиологическим рискам (www.who.int/emc/lyon).

В глобальном масштабе уже имеются огромные ресурсы для борьбы с инфекционными болезнями, которые, конечно же, будут использованы для противодействия биотерроризму.

Они включают сотни сотрудничающих центров ВОЗ по всему миру, специализированных на отдельных инфекциях, сеть лабораторий Пан-Американской организации здравоохранения (ПАНО), Международную сеть клинической эпидемиологии (INCLEN), сеть институтов Пастера, сеть исследовательских центров Национального института здравоохранения (НИН) (в которую вовлечены многие университеты США), Центры по контролю за заболеваемостью (CDC) во многих странах, многие из которых выполняют подготовку полевых эпидемиологов в разных регионах. Армия и ВМФ США также развернули специализированные исследовательские центры в ряде стран. Следует отметить, что этот ресурс весьма специализирован на конкретных задачах и, за исключением центров Службы эпидемиологической разведки (EIS), не ориентирован на обнаружение и идентификацию всего спектра патогенов.

В реальной практике, в случае возникновения необычных вспышек, представляющих угрозу международному здравоохранению, торговле и туризму, ВОЗ создаются специализированные команды на период локализации и ликвидации вспышки.

ВОЗ приводит примеры эпидемических вспышек последних лет и экономический ущерб от некоторых из них, ликвидация которых выполнялась под эгидой ВОЗ по этому принципу (www.who.int/emc/surveill/index.html). Подобная схема, несмотря на внешнюю простоту, требует огромных усилий по координации действий, обеспечению материальными ресурсами, транспортом, связью и т.п.

Другой подход был предложен выдающимся эпидемиологом д-ром Хендерсоном, который на основе своего многолетнего опыта организатора и непосредственного участника программы глобальной ликвидации заболевания оспой пришел к выводу о необходимости создания системы

стационарных международных центров, размещенных в 15 регионах и включающих в свою структуру:

- клинические и амбулаторные службы по инфекционным болезням;
- исследовательские диагностические лаборатории;
- эпидотряды с функцией служб эпидемиологической разведки (EIS), обеспечивающие контроль популяции региона с численностью от двух до пяти миллионов человек;
- образовательно-тренировочную базу для подготовки национального и международного персонала.

Систематические наблюдения за конкретным регионом позволят получать бесценные базы данных, изучать влияние различных факторов на эпидемиологическую ситуацию и выявлять необычные случаи, требующие глубокого изучения.

По мнению д-ра Хендерсона, сеть региональных центров должна включать взаимодействие с такими организациями, как CDC, NIAID, и академическими научными центрами. Для обеспечения стабильной работы и легитимности необходима их тесная связь с ВОЗ и государственными структурами стран, в которых они находятся.

Руководитель *Emergency Interagency Working Group* (США) Эвелин Легстер весьма высоко оценивает предложение д-ра Хендерсона, но полагает, что реализации этой идеи должна предшествовать работа по анализу существующих региональных возможностей и выбору географических областей с большим потенциалом возникновения эпидемических вспышек, и в задачи таких центров следует включить исследовательские программы в области эпидемиологии, ключевых региональных проблем в области инфекционных болезней, разработку диагностических и лечебных препаратов, а также подготовку специалистов.

Департамент Communicable Disease Surveillance and Responds совместно с *International Center of Genetic Engineering and Biotechnology* (ICGEB) и рядом неправительственных организаций – *Program for Appropriate Technology in Health* (PATH), *International Clinical Epidemiology Network* (INCLIN) и *Training Programs in Epidemiology and Public Health Interventions Network* (TephiNet) – так называемый *Alliance against*

Infectious Diseases – в развитие рекомендаций *US Institute of Medicine* подготовил в 2000 году программу «Global Monitoring, Research and Training to Control Infectious Diseases».

Программа предусматривает на начальном этапе выявить 10–12 лабораторий или институтов, локализованных в стратегически важных регионах с высокой вероятностью эпидемических вспышек и недостаточным уровнем санэпиднадзора, имеющих возможности для лабораторных и клинических исследований и потенциал к проведению эпидемиологических работ, доступ для воздушного и наземного транспорта, возможность установки телекоммуникаций и перспективы дальнейшего расширения Центра.

Выбранные центры будут иметь статус *WHO Collaborating Centers* и получают привилегированный доступ к программам ВОЗ и министерств здравоохранения стран-партнеров, координироваться офисом по программе Альянса в ВОЗ.

В свою очередь, каждый центр будет создаваться с учетом региональных нужд и на первом этапе обеспечиваться необходимыми ресурсами для создания самого современного потенциала в диагностической, клинической и эпидемиологической работе, а также телекоммуникациями для связи с другими центрами, региональными, федеральными и международными структурами, участвующими в борьбе с инфекционными болезнями.

Каждый центр будет создавать региональные сети, включающие клиники, институты, учебные и прочие заведения, а также активно участвовать в региональных программах по борьбе с инфекционными болезнями. В региональную сеть будут вовлечены предприятия, производящие специализированную фармацевтическую продукцию, которым будет путем обмена технологиями предоставлена возможность обеспечить потребность региона в стандартных диагностических и лечебных препаратах.

В региональную сеть должны также включаться исследовательские лаборатории по разработке диагностических и лечебных препаратов, а также вакцин, лаборатории по исследованиям биобезопасности биологических веществ и микроорганизмов для человека и окружающей среды.

Программа предусматривает, что в течение 8–10 лет может быть организована всемирная сеть региональных центров и создан долгосрочный самодостаточный региональный потенциал по контролю инфекционных болезней. Предполагается, что некоторые из этих центров станут *Centers of Excellence*, такими, как, например, CDC, NIAID и ICGEB.

В уже упоминавшемся выше докладе секретариата ВОЗ отмечено, что возможные механизмы в поддержку инициатив по укреплению эпидемиологического надзора могут основываться на статье VII Конвенции 1972 года по биологическим и токсичным видам оружия. Эта статья преследует цель укрепить международное сотрудничество в интересах мирного использования биологических материалов, оборудования и технологий, и в рамках предусматриваемых мер будет оказываться содействие государствам-участникам в укреплении их потенциала в области эпиднадзора и ответных

мер при инфекционных заболеваниях, включая научные исследования и разработки.

Таким образом, крайне важным является то, что международные структуры, описанные выше, не только обеспечивают эпидемическое благополучие региона в случае природных или террористических инцидентов с микроорганизмами, но и способствуют решению чрезвычайно сложной политической задачи – созданию атмосферы доверия, что является важнейшим фактором укрепления Конвенции 1972 года по биологическому и токсинному оружию.

¹В основу комментария положено выступление на российско-американском симпозиуме «Терроризм в высокотехнологичном обществе – современные методы предотвращения и борьбы с его проявлениями» (Москва, 4–6 июня 2001 года).

Вышли в свет в феврале – марте 2002 года

- *Ядерный Контроль*. Том 8, №1. Январь–Февраль 2002. В номере: Юрий Федоров. «Российско-американские отношения: перспективы партнерства»; Михаил Шубин. «Сотрудничество Минатома и регионов – в общих интересах»; Татьяна Пархалина. «Отношения Россия – НАТО: изменение стратегии или тактический маневр?»; Владимир Дворкин. «Состояние и перспективы развития ракетного вооружения в странах *третьего мира* в период до 2015 года»; Виталий Федченко. «АЭС в Куданкуламе и будущее российско-индийской ядерной торговли»; Дмитрий Ковчегин. «ИНПРО: новый подход к ядерной энергетике будущего»; Ник Маклеллан. «Тихоокеанский регион в ядерный век: история, проблемы, перспективы»; Виталий Яковлев. «Первые шаги по сокращению тактического ядерного оружия в России». Цена 1500 руб.
- *Научные Записки ПИР-Центра*. №17. «Проблемы распространения и нераспространения в Южной Азии: состояние и перспективы». В номере: Роланд Тимербаев. «Ядерная ситуация в Южной Азии и ее влияние на региональную и международную безопасность»; Александр Шилин. «Эскалация вооружений в Южной Азии»; Виталий Федченко. «Российско-индийские отношения в ядерной области и вопросы экспортного контроля». Март 2002. Цена 600 руб.
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей*. №3. Февраль 2002. В номере: Николай Кузьмин. «Политические перспективы Коммунистической партии Российской Федерации» (на русском и английском языках). Цена 360 руб.
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей*. №4. Февраль 2002. В номере: Николай Кузьмин. «Региональная реформа: промежуточные итоги» (на русском и английском языках). Цена 360 руб.
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей*. №5. Марте 2002. В номере: Александр Дмитриев. «Военная реформа – потенциал развития» (на русском и английском языках). Цена 360 руб.
- *Вопросы Безопасности. Аналитический бюллетень для руководителей*. №6. Марте 2002. В номере: Николай Кузьмин. «Кремль и партия власти: многовекторный выбор» (на русском и английском языках). Цена 360 руб.

Анализ**ПЕРЕГОВОРЫ ПО ТАКТИЧЕСКОМУ ЯДЕРНОМУ ОРУЖИЮ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**Андрей Борисенко
Леонид Чуменко**

В XXI веке открываются новые возможности для обеспечения национальной и международной безопасности, а также для поддержания стратегической стабильности. Большое значение для достижения этих целей имеет система соглашений и договоренностей, ограничивающих вооружения и военную деятельность. В настоящее время обеспечение военной безопасности России требует более глубокого сокращения стратегических ядерных арсеналов; при этом дальнейшее развитие переговорного процесса на данном направлении невозможно без учета тактических ядерных вооружений.

Существующие договоренности по ограничению тактического ядерного оружия

Сегодня у России нет каких-либо прямых международных обязательств в отношении ограничения и сокращения тактического ядерного оружия, однако, в соответствии с документами, входящими в состав договора СНВ-1, на это оружие косвенно были введены следующие ограничения¹:

- бывший Советский Союз не должен иметь свыше 300 самолетов *Ту-22М* в любой данный момент, не включая самолеты *Ту-22М* ВМФ. Число самолетов *Ту-22М* авиации ВМФ не должно превышать 200 единиц;
- разрешается иметь в любой данный момент суммарно не более 880 ядерных крылатых ракет морского базирования (КРМБ) с дальностью свыше 600 км;
- на взаимной основе с США необходимо ежегодно представлять конфиденциальную информацию о количестве развернутых на надводных кораблях и подводных лодках ядерных КРМБ с дальностью свыше 600 км, а также дальностью между 300 и 600 км.

Кроме этого, ряд обязательств в отношении сокращения и ограничения тактического ядерного оружия (ТЯО) содержится в односторонних инициативах России (СССР) и США. Предложения президента США Джорджа Буша-старшего от 28 сентября 1991 года и 22 января 1992 года, а также «ответные шаги и встречные предложения» Михаила Горбачева от 5 октября 1991 года и Бориса Ельцина от 29 января 1992 года

предусматривали весьма существенные меры по ограничению и ликвидации тактических ядерных вооружений. Эти инициативы отличались от уже сложившейся схемы контроля над вооружениями (переговоры–соглашения–ратификация–контроль), поскольку часть предлагаемых мер принимается в одностороннем порядке, а другие – на условиях взаимности. В итоге вместо сложных переговоров Вашингтон и Москва взяли на себя определенные односторонние обязательства, разрешив тем самым множество проблем, которые иначе пришлось бы решать годами.

Инициативы Джорджа Буша-старшего в области тактических ядерных вооружений предусматривали:

- вывод всех ядерных вооружений наземного базирования (то есть ядерных артиллерийских снарядов и ядерных боеголовок для тактических ракет *Lance*) на территорию США, в том числе из Европы и Южной Кореи, для последующего их демонтажа и уничтожения;
- снятие с кораблей и подводных лодок всех тактических ядерных вооружений, а также глубинных ядерных бомб базовой морской авиации, складирование их на территории США с последующей ликвидацией примерно половины из них;
- прекращение программы разработки ракеты малого радиуса действия *SRAM-T* (вариант ракеты *SRAM-2*), предназначенной для оснащения тактической ударной авиации.

Целесообразность этих мер была обусловлена для США рядом причин. После самоликвидации Организации Варшавского договора, объединения Германии и вывода войск бывшего СССР из Центральной и Восточной Европы некоторые виды ТЯО, прежде всего ядерная артиллерия, ядерные тактические ракеты, ядерные фугасы, потеряли не только политическое, но и военное значение. В новых стратегических условиях крупномасштабное размещение американского ядерного оружия в Европе потеряло смысл. Подписание Договора по вооруженным силам в Европе во много раз снизило вероятность проведения широкомасштабных

наступательных операций обычными вооруженными силами, практически лишив основания принцип *первого ядерного применения* НАТО. Наконец, дезинтеграция Советского Союза остро поставила проблему контроля над ТЯО, оказавшемся в новых независимых государствах. Оно имелось на вооружении советских сухопутных войск, ВВС, ПВО, ВМФ и находилось на территории практически всех военных округов. Поэтому США стремились обеспечить сохранность и ликвидацию ТЯО, которое могло выйти из-под централизованного контроля в ходе локальных конфликтов или перехода бывших советских вооруженных сил под контроль новых независимых государств.

Перспектива возникновения на территории бывшего Советского Союза ряда новых ядерных государств вызывала беспокойство и в Москве. Поэтому Михаил Горбачев немедленно отреагировал на инициативы США. Все ядерные вооружения советских сухопутных войск, ВВС и ПВО должны были быть передислоцированы на предзаводские базы и склады централизованного хранения для последующего уничтожения части из них². Позднее Борис Ельцин уточнил, что Россия как единственный правопреемник Союза в отношении ядерного оружия ликвидирует все свои запасы тактических ядерных вооружений наземного базирования, треть ТЯО морского базирования и половину ядерных боеголовок для зенитных ракет. В перспективе намечалось наполовину сократить также авиационные тактические ядерные боеприпасы³.

Оставшееся тактическое авиационное ядерное вооружение предлагалось на взаимной с США основе изъять из боевых частей тактической (фронтовой) авиации и разместить на базах централизованного хранения.

Основное содержание этих односторонних инициатив представлено в таблице 1. Хотя они не являются юридическими обязательствами, их невыполнение может нанести непоправимый вред внешнеполитическому престижу России, особенно в условиях четкой реализации соответствующих обязательств Соединенными Штатами. Для части обязательств российской стороной приняты конкретные сроки их реализации: все ядерные боеголовки тактических ракет наземного базирования и ядерные артиллерийские боеприпасы должны быть ликвидированы к 2000 году, а все ядерные мины — к 1998 году. Сроки реализации остальных обязательств не определены.

Вместе с тем обязательство по ликвидации всех ядерных боеголовок тактических ракет наземного базирования может иметь неоднозначное толкование. Это связано с различным пониманием термина *тактическая ракета* в США и России. В российских Вооруженных силах различают тактические и оперативно-тактические ракеты. Под оперативно-тактической ракетой понимается управляемая (самонаводящаяся) ракета, предназначенная для поражения объектов противника в оперативной глубине. Она имеет различные по мощности боевые части

Таблица 1. Содержание инициатив СССР (России) и США по ограничению и сокращению тактического ядерного оружия

Инициативы СССР (России)	Инициативы США
Прекращается производство и ликвидируются все ядерные боеголовки тактических ракет наземного базирования и ядерные артиллерийские снаряды.	Ликвидируется весь арсенал ТЯО наземного базирования, в том числе ядерные боеголовки для тактических ракет и ядерные артиллерийские снаряды.
Прекращается производство и ликвидируются все ядерные мины.	США не имеют ядерных мин.
Изымаются из войск и сосредотачиваются на базах централизованного хранения ядерные боеголовки зенитных ракет. Половина из них ликвидируется.	США не имеют ядерных боеголовок зенитных ракет.
Снимается и размещается на базах централизованного хранения все ТЯО с боевых надводных кораблей, с многоцелевых подводных лодок, а также из авиации ВМФ постоянного наземного базирования. Третью его ликвидируется.	Снимается и размещается на базах централизованного хранения все ТЯО, в том числе и ядерные КРМБ, с надводных кораблей, включая авианосцы, с ударных подводных лодок, а также из авиации ВМС. Часть его будет ликвидирована.
Ликвидируется половина авиационных тактических ядерных боеприпасов.	США сохраняют в Европе ядерные боеприпасы воздушного базирования.

ядерного или обычного снаряжения. Тактической ракетой считается неуправляемая или управляемая (самонаводящаяся) ракета с неотделяемыми в полете боевыми частями ядерного или обычного снаряжения, предназначенная для поражения объектов противника в тактической глубине⁴. Из-за субъективного характера основного критерия различия данных ракет (оперативная и тактическая глубина) невозможно сформулировать четкую границу раздела между ними. Такая классификация ракет нехарактерна для вооруженных сил США⁵. Поэтому, если упомянутое обязательство предполагало отсутствие, как это принято в США, разграничения между оперативно-тактическими и тактическими ракетами, то Россия должна была ликвидировать все ядерные заряды для ракет этих двух классов, в ином же случае уничтожению подлежали боезаряды только тактических, но не оперативно-тактических ракет.

При рассмотрении договорных ограничений на ТЯО необходимо иметь в виду бессрочный Договор между СССР и США о ликвидации ракет средней дальности и меньшей дальности (РСМД). Статья VI этого договора гласит, что ни одна из сторон:

- «а) не производит никаких ракет средней дальности, не проводит летные испытания таких ракет и не производит никаких ступеней таких ракет и никаких пусковых установок таких ракет; и
- б) не производит никаких ракет меньшей дальности, не проводит летные испытания и не осуществляет пуски таких ракет и не производит никаких ступеней таких ракет и никаких пусковых установок таких ракет».

На этом договоренности об ограничении и сокращении ТЯО оказались исчерпанными. У

ядерных государств, особенно США и России, осталось немало тактических ядерных боеприпасов. Количественно оценить реальные масштабы сокращаемых и остающихся тактических ядерных вооружений невозможно из-за практического отсутствия данных по их начальному составу. В различных источниках это число колеблется для России в пределах от 14000 до 24000 боеприпасов, а для США – от 4500 до 8000. Количественный состав американского и в то время еще советского ТЯО по состоянию на 1991 год представлен в таблице 2⁶.

Анализ односторонних обязательств показывает, что Соединенные Штаты получают преимущества по ядерным средствам в Европе в результате сохранения авиационных ядерных боеприпасов. Кроме того, США будут иметь потенциальную возможность реализации имеющегося превосходства в огневой мощи своих военно-морских сил в результате изъятия с российских боевых кораблей ядерного оружия. Вместе с тем Россия, заинтересованная в успешном развитии переговорного процесса по ограничению вооружений (прежде всего – ядерных) и военной деятельности, будет вынуждена пойти на обсуждение дальнейшей судьбы ТЯО и придание этому процессу юридически обязывающего характера. Такой подход к ограничению и сокращению ТЯО будет соответствовать национальным интересам РФ и позволит усилить военную безопасность страны.

Перспективы переговоров по тактическому ядерному оружию

Дальнейшее развитие переговорного процесса по ограничению и сокращению ТЯО невозможно без решения ряда проблем:

Таблица 2. Количество тактического ядерного оружия СССР и США по состоянию на 1991 год

Тип вооружения	Исходное/ликвидируемое количество, единиц	
	СССР	США
Ядерные боеголовки тактических ракет наземного базирования	3000–4000/3000–4000	850–1300/850–1300
Ядерные артиллерийские снаряды	2000/2000	1300–1500/1300–1500
Ядерные мины	700/700	–
Ядерные боеголовки зенитных ракет	3000/1500	–
Ядерное оружие боевых надводных кораблей, многоцелевых подводных лодок и морской авиации постоянного наземного базирования	3000–5000/1000–1600	1250–2500/625–1250
Авиационные тактические ядерные боеприпасы	3000–7000/1500–3500	1000–1800/–

- конкретизации предмета будущих договоренностей;
- определения уровней количественных и качественных ограничений;
- определения способов и сроков реализации ограничений;
- определения мер и способов контроля за выполнением принятых обязательств.

Предметом договоренностей об ограничении и сокращении вооружений являются сами ограничиваемые вооружения. При этом деление ядерных вооружений на тактические и стратегические условно. В настоящее время в России под стратегическими вооружениями понимаются «различные виды оружия и военной техники, а также средства управления и обеспечения, предназначенные для решения стратегических задач в войне»⁷. Стратегическая задача определяется как крупная задача, решаемая в ходе войны (кампании), выполнение которой приводит к резкому изменению обстановки на театре военных действий (стратегическом направлении). К наступательным стратегическим вооружениям относят «наземные комплексы стратегических баллистических ракет, атомные подводные лодки с баллистическими ракетами и стратегические бомбардировщики»⁸. Под ТЯО, в свою очередь, понимается ядерное оружие, используемое для поражения целей в тактической и оперативной глубине расположения противника.

В переговорной же практике используется иной подход к классификации вооружений, основанный на дальности действия. Так, в приложении «Термины и их определения» к договору СНВ-1 к стратегическому наступательному вооружению были отнесены:

- баллистические ракеты наземного базирования дальностью свыше 5500 км;
- баллистические ракеты дальностью свыше 600 км, которые содержались на подводной лодке или использовались для запуска с подводной лодки;
- бомбардировщики, которые отвечают какому-либо из следующих критериев:
 - а) дальность составляет более 8000 км; или
 - б) оснащены для ядерных крылатых ракет воздушного базирования (КРВБ) большой дальности.

При этом бомбардировщик не относится к стратегическим вооружениям, если он:

- не оснащен для ядерных КРВБ большой дальности, то есть свыше 600 км;
- не является моделью или модификацией стратегического бомбардировщика,

подлежащего зачету;

- испытан, оснащен и скомпонован исключительно для выполнения задач на море.

Кроме того, согласно договору о РСМД, к ракетам средней и меньшей дальности соответственно относятся:

- баллистические ракеты наземного базирования или крылатые ракеты наземного базирования, дальность которых превышает 1000 км, но не превышает 5500 км;
- баллистические ракеты наземного базирования или крылатые ракеты наземного базирования, дальность которых превышает 500 км, но не превышает 1000 км⁹.

Таким образом, предметом возможных соглашений по ТЯО теоретически могут быть любые ядерные вооружения и средства их доставки, кроме стратегических наступательных вооружений и ракет средней и меньшей дальности. Поскольку средства доставки ТЯО имеют двойное назначение, перспективы достижения договоренностей об их ограничении крайне малы. Поэтому единственным объектом возможной договоренности с США об ограничении и сокращении являются ядерные боезаряды тактических вооружений. В этом случае необходимо будет поставить под жесткий контроль не только места хранения ядерных боезарядов, но также предприятия по их производству, что, по мнению некоторых специалистов, приведет к вторжению в наиболее чувствительную область производства ядерного оружия – создание не только тактических, но и стратегических ядерных боезарядов. Однако с похожими проблемами Россия и США сталкивались при разработке договоров по СНВ. Под непрерывное наблюдение были поставлены объекты по производству межконтинентальных баллистических ракет.

Следующая проблема, подлежащая разрешению в ходе переговоров по ТЯО, – определение уровней ограничений. Ее решение осложняется расхождением стратегических интересов России и Соединенных Штатов. США, как можно предположить, прежде всего хотели бы исключить или минимизировать угрозу возможного распространения ядерного оружия, а также, уничтожив его, снизить возможности России по парированию угроз регионального характера в свете интенсивного оснащения собственных вооруженных сил обычным высокоточным оружием.

Россия же, учитывая значительное превосходство вероятных противников в обычных вооружениях, делает значительную ставку на ТЯО как одно из основных средств регионального сдерживания. Но применение российского ТЯО в боевых действиях против государств, обладающих ядерным оружием, или их союзников может привести к эскалации конфликта и перерастанию его в войну с применением стратегического ядерного оружия. Кроме того, использование ТЯО Россией против неядерных государств-участников ДНЯО может привести для нее к негативным международным последствиям.

При определении уровней количественных и качественных ограничений ТЯО необходимо также учитывать возможности производственной базы по утилизации этих вооружений и складов по хранению ядерных зарядов. Вывод ТЯО на базы централизованного хранения и предзаводские базы привел к переполнению складов и нарушению режимов безопасности хранения. Ликвидация тактических боезарядов потребует значительных материальных и финансовых затрат.

Немаловажной задачей, решение которой позволит России и США согласовывать уровни количественных и качественных ограничений на ТЯО, а также проверять эти ограничения, являются критерии оценки соотношения ограничиваемых вооружений. Правильный их выбор во многом определяет характер и последствия реализации принятых обязательств, а также конкретизирует предмет ограничений. Основными критериями оценки соотношения тактических ядерных вооружений, по нашему мнению, может быть как суммарное количество ядерных зарядов, подлежащих ограничению, так и суммарное число их средств доставки. Это позволяет ввести ограничения на системы и ядерных вооружений в целом, и ядерных вооружений отдельных видов и их компонентов. Выборочное же ограничение отдельных видов и компонентов ядерных вооружений нецелесообразно вследствие асимметрии структур российского и американского ТЯО. В свою очередь, ориентация на критерии, отражающие боевые возможности группировок ТЯО, приведет к затягиванию переговоров из-за различных взглядов России и США на роль и место ТЯО в боевых операциях, а также из-за различных целей его применения. Правда, использование в качестве критерия уровня ограничения на тактические ядерные вооружения их суммарных количеств не учитывает качественные различия

различных типов таких вооружений и средств их доставки.

Боевые возможности группировок ТЯО зависят, разумеется, не только от количества и мощности ядерных зарядов, но и от количества средств их доставки. Отсутствие ограничений на последние может создать возможность скрытого и быстрого наращивания тактических ядерных вооружений. Исключить ее можно путем учета суммарного количества средств доставки.

При определении уровней количественных и качественных ограничений ТЯО необходимо также учитывать стратегические вооружения, ограничиваемые договором СНВ-1 и, кроме того, ограничения на средства доставки двойного назначения, накладываемые Договором об обычных вооруженных силах в Европе.

Российско-американские переговоры по тактическим ядерным вооружениям на определенном этапе потребуют привлечения к ним других государств, обладающих ядерным оружием, прежде всего Великобритании и Франции. В качестве первого шага эти государства могли бы заявить о ненаращивании своих ядерных арсеналов, хотя, скорее всего, они не пойдут на это без аналогичного заявления КНР. Кроме того, учитывая явную несоразмерность тактических ядерных вооружений ядерных государств, возможно, потребуются многосторонняя договоренность об ограничении ядерных вооружений (по аналогии с Договором об ограничении обычных вооруженных сил в Европе), включая согласование предельных национальных уровней ядерных вооружений для каждой из сторон.

После того как определены уровни количественных и качественных ограничений, необходимо выбрать конкретные меры для осуществления ограничений этих вооружений. Они включают в себя:

- ограничение количества вооружений;
- ограничение качественного совершенствования вооружений;
- ограничение функционирования вооружений в мирное время и связанный с этим регулярный обмен информацией.

Ограничение качественного совершенствования ядерных вооружений устанавливает пределы его модернизации, а также создания новых видов и типов. Такие ограничения предотвращают не столько

количественное наращивание тактических ядерных вооружений, сколько приобретение новых возможностей. Ограничение функционирования вооружений направлено прежде всего на уменьшение опасности применения ядерного оружия. Оно может затрагивать дислокацию вооружений, а также включать в себя иные мероприятия на всех этапах жизненного цикла ядерного оружия. Содержание мероприятий во многом определяется особенностями функционирования ТЯО в мирное время. Реализация их невозможна без постоянного обмена информацией, позволяющей правильно классифицировать те или иные действия каждого из участников соглашения.

Неотъемлемым элементом сокращения и ограничения вооружений является контроль за выполнением соответствующих обязательств. Он представляет собой осуществляемую в соответствии с этими соглашениями деятельность государств или международных организаций с целью проверки неуклонного и точного соблюдения государствами-участниками договорных обязательств. Исключая возможность тайного нарушения договорных обязательств, контроль укрепляет доверие и является важным фактором стабильности стратегической обстановки. Сложность контроля за выполнением договоренностей по сокращению и ограничению ТЯО вызвана в первую очередь большим количеством подлежащих контролю вооружений и их широкой номенклатурой. Предметом такого контроля являются подлежащие ограничению и сокращению тактические ядерные вооружения и средства их доставки, а также процессы, связанные с созданием, испытанием, размещением и функционированием этих вооружений в мирное время. Объектами контроля в рассматриваемом случае являются вооружения, находящиеся на территории государств-участников, а также сама территория или отдельные ее районы, которые должны проверяться в интересах верификации соглашений: военные базы, арсеналы, склады, заводы, транспортные пути и т.д. Наконец, уровни ограничений вооружений, массово-габаритные характеристики, рубежи, ограничивающие районы размещения вооружений и т.д. составляют параметры контроля.

Система контроля за реализацией договоренностей по ограничению и сокращению ТЯО должна включать следующие основные принципы:

- соответствие процедуры контроля общепризнанным нормам международного права, в первую очередь суверенному равенству и невмешательству во внутренние дела государства;
- соответствие мер контроля объему и характеру принимаемых сторонами обязательств;
- надежность проверки соблюдения договорных обязательств.

Механизм проверки принятых обязательств определяется мерами контроля, которые обеспечивают их выполнение. В общем случае меры контроля включают:

- меры, реализуемые контролирующей стороной в интересах получения необходимой для проверки информации;
- меры запрета на различные виды деятельности, затрудняющей контроль с использованием национальных технических средств;
- меры на основе сотрудничества, принимаемые сторонами в целях повышения эффективности контроля.

Важное место среди мер контроля занимают меры на основе сотрудничества, принимаемые в целях повышения эффективности контроля, в основном взаимное представление в требуемые сроки необходимой информации, как на начальном этапе, так и по мере изменения уровня и размещения контролируемых вооружений. Возможна также демонстрация вооружений, например, при вводе и выводе их из боевого состава, при контроле их количества в районах развертывания, при показе изменения их внешнего облика в результате модернизации и т.п.

Меры контроля, реализуемые контролирующей стороной, могут быть практически воплощены в виде одной из его форм. Форма контроля определяет совокупность различных способов получения и проверки информации, необходимой для осуществления контроля за выполнением договоренности в целом. К числу возможных форм контроля за ограничением и сокращением ТЯО могут быть отнесены следующие:

- контроль национальными техническими средствами, базирующимися вне границ контролируемого государства;
- инспекция выполнения договоренностей на объектах контроля;
- проверка на объектах контроля специальными техническими средствами контролирующего государства-участника;

- наблюдение на постоянной основе на объектах по производству вооружений;
- контроль, состоящий в комплексном применении указанных форм в их различном сочетании.

Способы контроля, как составные элементы форм контроля, характеризуются действиями, предпринимаемыми контролирующей стороной с целью получения информации, необходимой для определения конкретного параметра контроля. Способы контроля различных параметров весьма многообразны и должны определяться конкретно применительно к каждому контролируемому параметру.

Предпринятые СССР, а затем и Россией шаги позволили избежать утраты централизованного контроля над ТЯО и существенно снизить бремя, связанное с его эксплуатацией. Однако взятые на себя США и Россией обязательства в этой области не позволяют устранить существующую озабоченность, связанную как с оценками соответствующих арсеналов, так и с выработкой действенного механизма контроля за ними.

Дальнейшие переговоры по ограничению и сокращению стратегических наступательных вооружений невозможны без рассмотрения вопросов, связанных с ограничением и ликвидацией ТЯО. Последнее потребует привлечения к переговорному процессу других государств, обладающих ядерным оружием. На данном этапе это возможно осуществить в форме принятия ими заявлений о ненаращивании своих ядерных сил, а в дальнейшем, возможно, путем согласования и установления национальных предельных уровней для каждого ядерного государства. При рассмотрении вопроса об ограничении средств доставки ТЯО двойного назначения необходимо учитывать ограничения, накладываемые на них Договором по обычным вооруженным силам в Европе.

Предметом будущих договоренностей по ограничению и сокращению ТЯО могут быть как сами тактические ядерные боезаряды, так и средства их доставки. Уровни количественных и качественных ограничений на них должны определяться в результате тщательного анализа вклада каждого из типов таких вооружений в обеспечение военной безопасности России и реальных возможностей по ликвидации и утилизации сокращаемых вооружений. На тактические ядерные боезаряды могут быть наложены

количественные и качественные ограничения, а на средства их доставки – лишь ограничения на функционирование. Для контроля за реализацией соответствующих обязательств возможно использование всех существующих мер и способов контроля.

В ближайшее время с целью укрепления международной безопасности возможно осуществление ряда практических мер по ограничению ТЯО, содержание которых было сформулировано президентом России в ходе встречи в Москве глав восьми ведущих государств мира в апреле 1996 года по проблемам ядерной безопасности. Суть этих предложений сводилась к тому, что ядерное оружие должно быть возвращено всеми государствами в пределы своих национальных территорий. Практическая реализация этого предложения позволила бы снять часть озабоченности России в связи с планами расширения НАТО на восток.■

¹Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. Ежегодник Организации Объединенных Наций по разоружению. Том 16. 1991. Нью-Йорк, ООН, 1992, с.576–610.

²Правда, 7 октября 1991, с.1.

³Российская Газета, №24, 30 января 1992, с.1.

⁴Огарков Н.В. (ред.) Венный энциклопедический словарь. М., Воениздат, 1983, 863 с.

⁵Волков Е.Б., Дворкин В.З., Прокудин А.И и др. Технические основы эффективности ракетных систем. М., Машиностроение, 1989, 256 с.

⁶Арбатов А. Сокращение тактического ядерного оружия: от односторонних шагов к международным обязательствам. В сборнике: Арбатов А., Быков О., Калядин А. и др. Разоружение и безопасность. 1997-1998: Россия и международная система контроля над вооружениями: развитие или распад. М., Наука, 1997, 303 с.

⁷Словарь-справочник основных военно-стратегических терминов по проблеме стратегической стабильности в Европе. М., ЦОСИ ГШ РФ, 1991, 114 с.

⁸Колесникова М.П. (ред.). Краткий словарь специальных терминов для руководящего состава Вооруженных сил Российской Федерации. М., Воениздат, 1994, 64 с.

⁹Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности. Вестник министерства иностранных дел СССР, №10, 25 декабря 1987.

Анализ**НАЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА ПРО США:
ВОЗМОЖНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

**Владимир Васильев
Василий Лата
Владимир Мальцев**

В статье на основе главных положений современной военной системотехники рассматриваются особенности построения перспективной национальной системы противоракетной обороны (НПРО) США.

Политические перемены последнего времени оказали большое влияние на процесс сокращения наступательных вооружений, предопределили необходимость пересмотра и уточнения основных военно-доктринальных установок и реформирования структур вооруженных сил ведущих государств мира. Причем вопрос в данном контексте с учетом тенденций и особенностей развития человечества ставится следующим образом: обеспечить реализацию требуемых боевых возможностей вооруженных сил, соответствующих национальным интересам того или иного государства за счет меньшего количества войск, но лучшего качества оружия и лучшей подготовки личного состава.

Одной из важнейших особенностей развития цивилизации к XXI веку стало превращение наукоемкого продукта в определяющий фактор экономического развития и главный источник пополнения бюджета государств. Влияние этой особенности на область военной деятельности определяется начинающейся «новой революцией в военном деле», основой которой являются научно-технические достижения, способные преобразить вооруженные силы развитых стран и методы ведения ими боевых действий, а также изменить соотношение сил в мире.

Поэтому НПРО США, перспективы ее развертывания и достижимые возможности по перехвату межконтинентальных баллистических ракет (МБР), баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ), их головных частей (ГЧ) и боевых блоков (ББ) нельзя рассматривать в отрыве от современных достижений научно-технического прогресса, успехов мировых держав по освоению и индустриализации космического пространства и проецирования их на область военного дела,

совершенствования средств и способов ведения вооруженной борьбы.

При этом развитие военного дела на пороге третьего тысячелетия определяется рядом ведущих мировых тенденций, которые основываются на следующих положениях:

- процесс интенсивного внедрения современных информационных технологий в военную сферу приводит к существенному ускорению процесса перевооружения армий ведущих государств мира с ударных на информационно-ударные системы оружия;
- значительными преимуществами в ускорении темпов происходящих преобразований имеют государства, обладающие хорошо развитой космической инфраструктурой и способные оперативно наращивать информационную мощь в космосе;
- появляются и натурно отрабатываются новые оперативно-стратегические концепции применения перспективных вооруженных сил, обеспечивающих посредством взаимоувязки космоса, информации и оружия достижения глобального информационно-ударного превосходства;
- происходит существенное возрастание зависимости эффективности военных действий в традиционных сферах (суша, воздух, море) от действий в космосе. Развивается процесс целенаправленного переноса потенциала угрозы в космос.

Тем общим и новым, что объединяет эти разноплановые тенденции, является превращение информации в новую составляющую вооруженной борьбы. Действие этого нового явления в военном деле проявляется в двух самостоятельных областях: в области информационного противоборства и в информационно-интеграционной области.

При этом информационно-интеграционная область охватывает вопросы сопряжения информационных разведывательных, связных, навигационных и других систем с

существующими и перспективными средствами поражения.

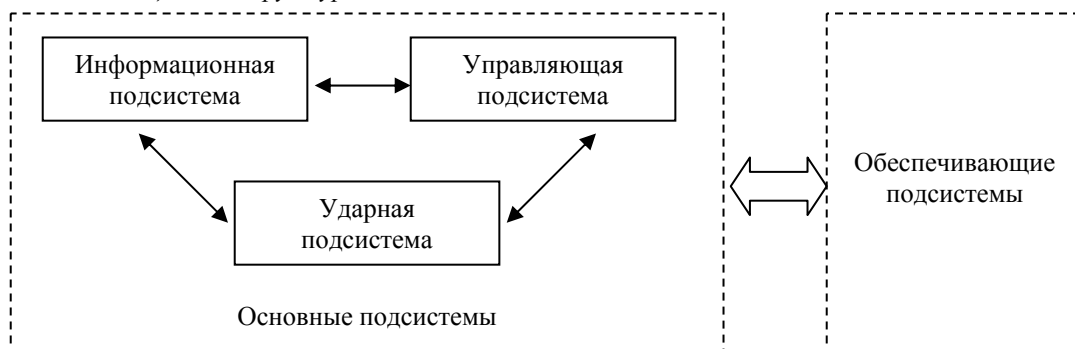
Для характеристики систем оружия, создаваемых на основе интеграции информационных и ударных средств и отличающихся повышенными боевыми свойствами и возможностями, целесообразно ввести новое собирательное понятие – информационно-ударная система оружия (ИУСО).

Отличительными особенностями ИУСО являются:

- однотипный состав информационных и ударных подсистем;
- одинаковые принципы построения и боевого применения;
- различные масштабы и сферы применения.

Обобщенная структура ИУСО представлена на рис. 1.

Рис. 1. Обобщенная структура ИУСО

В свою очередь, реализация информационно-интеграционной идеи приводит не только к замене чисто ударных средств вооруженной борьбы на целый класс информационно-ударных систем оружия тактического, оперативно-тактического, стратегического уровней, но и создает предпосылки для широкого задействования в войне новой космической сферы ее ведения.

Рассмотрение хода и анализ опыта ведения локальных войн и конфликтов позволил констатировать тот факт, что космос и космические информационные системы не только становятся важными и значимыми в ходе подготовки и ведения военных действий, но и приобретают важнейшую системообразующую роль, в том числе и при создании перспективных средств вооруженной борьбы.

Учет ряда новых приведенных концептуальных положений современной военной системотехники позволяет рассматривать национальную систему ПРО США как одну из разновидностей информационно-ударных систем оружия стратегического уровня с открытой архитектурой, обеспечивающей гибкое наращивание возможностей системы за счет интегрирования в ее состав средств поражения наземного, морского, воздушного и космического базирования.

Представляется, что данная система при ее окончательном развертывании превратится в *систему систем* оружия, способную комплексно воздействовать по МБР и БРПЛ (ГЧ, ББ) на всех участках их полета к цели.

С этих позиций и будем рассматривать НПРО США.

Один из возможных вариантов структуры НПРО США представлен на рис. 2.

В состав информационной подсистемы НПРО США будут входить:

- космическая система начального обнаружения пуска МБР и слежения DSP/SBIRS GEO & HEO с шестью космическими аппаратами (КА) на стационарной и высокоэллиптической орбитах;
- низкоорбитальная космическая система сопровождения МБР и БРПЛ в полете SBIRS-LEO в составе 24 КА (рис. 3);
- пять усовершенствованных радиолокационных станций (РЛС) дальнего обнаружения UEWR, работающих в сантиметровом диапазоне длин волн;
- четыре–девять новых РЛС X-диапазона (8–12,5 ГГц) для «уточнения характеристик цели», точного ее сопровождения, отслеживания и распознавания (XBR).

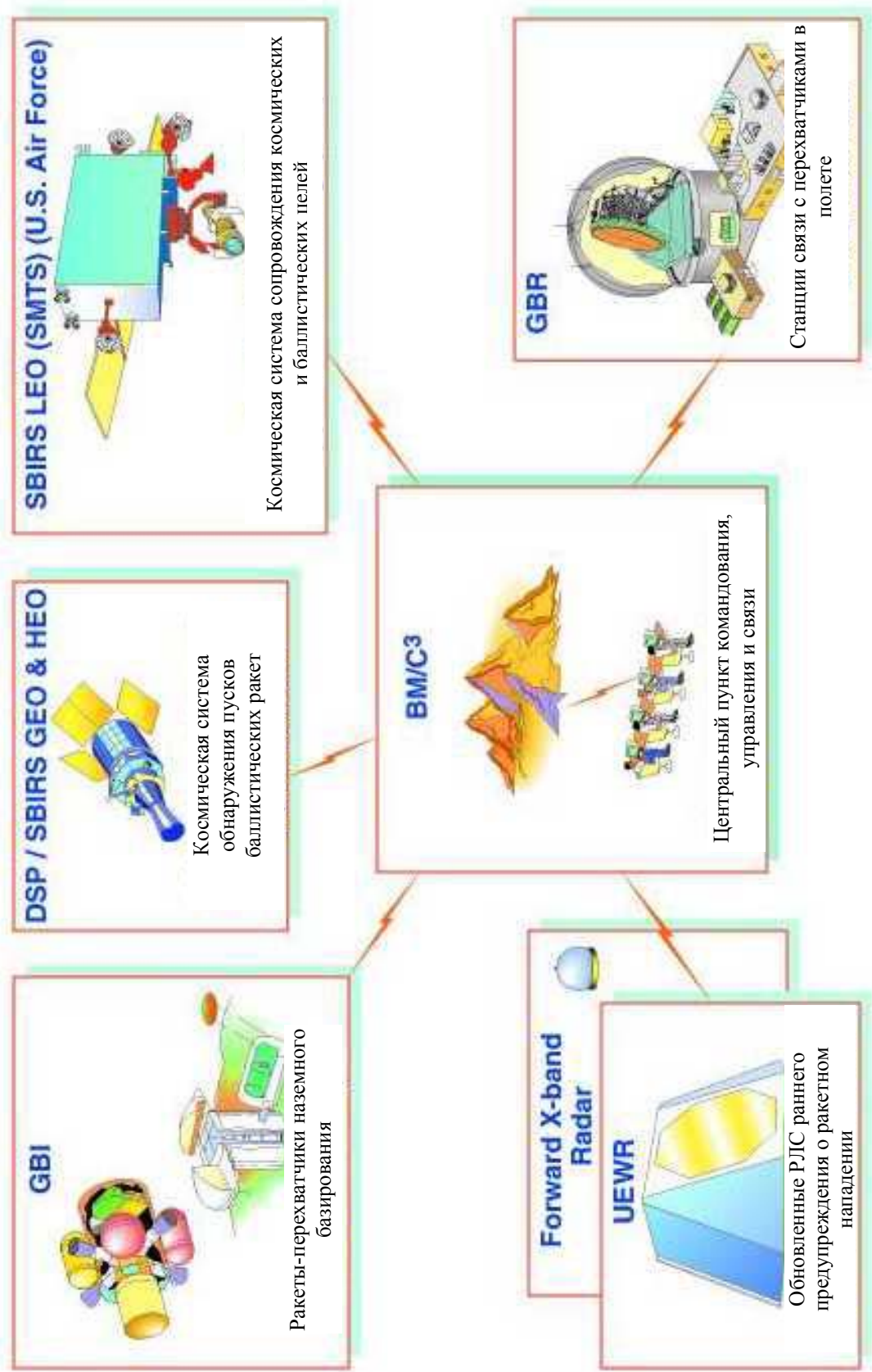
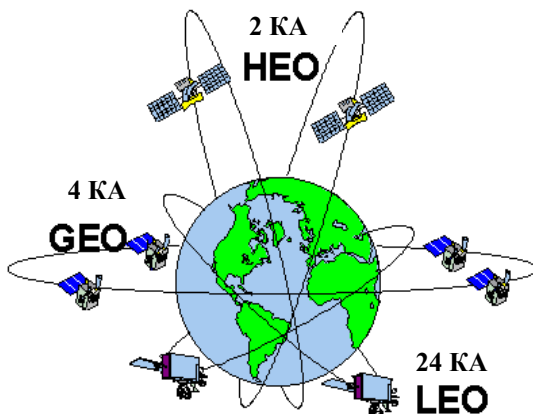

Рис. 2. Возможный вариант структуры перспективной системы НПРО США

Рис. 3. Предполагаемая структура орбитального сегмента системы информационного обеспечения НПРО США

Подсистема управления НПРО США включает: систему командования, боевого управления и связи (ВМ/С³), состоящую из системы командования и боевого управления (ВМ/С²), являющуюся мозгом системы НПРО, и систему связи с противоракетой в полете (IFICS), в составе 14 станций (рис. 4), работающих в К/Ка диапазонах частот и обеспечивающих выдачу данных координатной и некоординатной информации на противоракету GBI и перехватчик EKV.

Рис. 4 Внешний вид опытного образца станции поддержания связи с перехватчиком в полете (IFICS)

Ударная подсистема НПРО предназначена для перехвата высокоскоростных баллистических целей за пределами земной атмосферы с помощью головки самонаведения EKV, поражающей цель за счет кинетической энергии соударения. Она может включать от 20 до 250 противоракет GBI (рис. 5) с соответствующим пусковым и вспомогательным оборудованием, пусковые шахты, сооружения, размещаемые в нескольких районах территории США.

Предполагаемая архитектура развертывания НПРО США представлена в таблице 1. На рис. 6

приведены пространственные представления, поясняющее взаимодействие структурных элементов НПРО США при перехвате МБР.

В таблицах 2 и 3 представлены данные по затратам на систему ПРО по различным финансовым годам, в том числе и прогнозируемые.

Функционирование НПРО США должно осуществляться следующим образом.

Космические аппараты инфракрасной разведки запуска баллистических ракет наземного и морского (подводного) базирования по программе DSP и SBIRS регистрируют мощные инфракрасные излучения факела МБР и БРПЛ в течение первых 10–20 сек после их старта и подтверждают факт их запуска на землю по радиоканалу передачи информации в течение последующих 60–70 сек.

Усовершенствованные радиолокационные станции дальнего обнаружения МБР и БРПЛ по программе UEWR способны обнаружить стартовавшие ракеты примерно через 6–7 мин после их старта на дальности до 5000 км при высоте полета 800–1200 км. Их информация по каналам связи оперативно передается на командный пункт боевого руководства НОРАД – защиты воздушного пространства Северной Америки, осуществляющего командование, управление и связь (ВМ/С³).

Космические аппараты DSP и SBIRS совместно с РЛС UEWR постоянно уточняют боевой порядок атакующих целей и селектируют реальные боевые блоки на фоне потока ложных целей, что позволяет командному пункту (ВМ/С³) осуществлять оперативное управление информационной составляющей ударных сил ПРО:

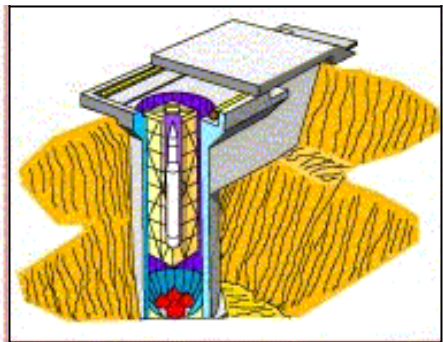
- радиолокаторами прицеливания и наведения ракет-перехватчиков наземного базирования, работающими в диапазоне X и имеющих условное обозначение XBR;
- системой связи с перехватчиками IFICS и самими ракетами-перехватчиками GBI.

Информационные средства комплекса ПРО должны обеспечить вывод ракеты GBI в расчетную точку траектории полета выявленного боевого блока с тем, чтобы головка самонаведения кинетического блока EKV смогла обнаружить и захватить цель. Факт поражения цели или промаха регистрируется наземными и космическими средствами одновременно.

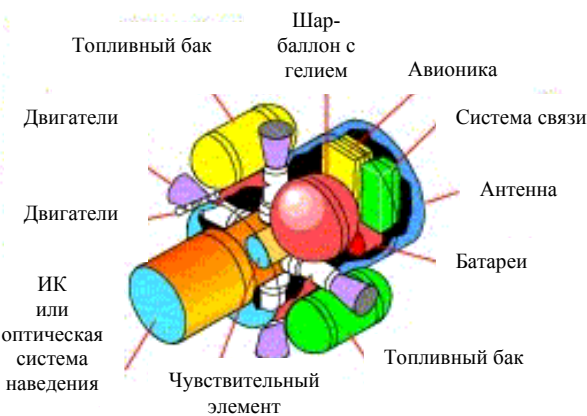
Рис. 5. Ракета-перехватчик GBI и головки самонаведения EKV – структурные схемы и опытные образцы

Структурная схема ракеты-перехватчика GBI

Перспективный вариант базирования GBI

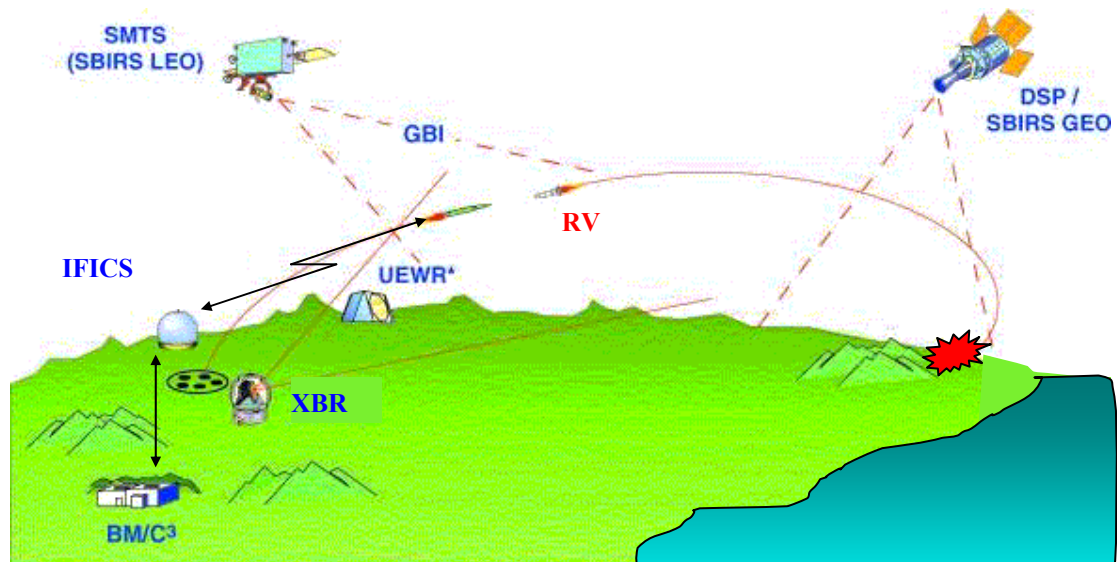

Структурная схема головки самонаведения EKV

Внешний вид опытного образца ГСН EKV

Рис. 6. Схема функционирования перспективной НПРО США и взаимодействие ее составных элементов

В настоящее время для проведения полномасштабных испытаний США только в Тихом океане развернули на площади 50 млн кв. км несколько полигонных объектов, которые кроме испытаний образцов оружия способны вести боевую работу по реальным целям. В их состав входят полигоны на острове Кваджелейн, на острове Кадьяк (Алеутские острова), Западный испытательный полигон на авиабазе Ванденберг (Калифорния), на Гавайских островах и Аляске.

В дополнение к уже существующим средствам командно-измерительных комплексов на указанных объектах планируется развернуть пусковые установки (ПУ) ракет-перехватчиков, пункты слежения и наведения, новые РЛС селекции баллистических целей. При этом планируется:

- на базе форт Грили (Аляска) развернуть 20 шахтных ПУ ракет-перехватчиков GBI, оснащенных головками самонаведения EKV, а также центр управления и две станции передачи сигналов управления на борт перехватчика;
- на полигоне Кадьяк построить шахтные ПУ ракет-носителей мишеней и ракет-перехватчиков (сначала по одной) и станцию передачи сигналов управления перехватом;
- на Гавайских островах создать новейшую РЛС XBR, работающую в трехсантиметровом диапазоне;
- на полигоне Вумера (Австралия) развернуть пункт управления;

- на авиабазе Ванденберг создать дополнительные шахтные ПУ для запуска ракет-перехватчиков;
- модернизировать РЛС AN/FPS-108 *Кобра Дейн* на острове Шемия и создать там станцию передачи сигналов управления перехватом;
- модернизировать РЛС AN/FPS-115 на базе Клир (Аляска) и Бил (Калифорния) с целью приспособления их к решению задач ПРО по распознаванию баллистических целей.

Перечисленные выше РЛС, используемые ранее в режиме ПРН, обеспечивали разрешение по дальности 150 м. После их модернизации они будут обеспечивать разрешение всего 5 м, что вполне достаточно для решения главных задач ПРО — распознавания целей и наведения оружия.

В свою очередь, развертывание на полигонах новейших РЛС XBR, имеющих разрешение по дальности 0,3 м, позволяет решать не только задачи испытания оружия, но и боевого применения комплексов ПРО по реальным целям в самое ближайшее время.

Наличие столь сложного испытательного комплекса объектов НПРО необходимо США для проведения в кратчайшие сроки (до 2007 года) в общей сложности 19 летно-конструкторских пусков ракет-перехватчиков GBI/EKV совместно с РЛС наведения XBR. При этом должна быть подтверждена заявленная ранее эффективность комплекса

ПРО: вероятность поражения баллистической цели, распознанной как боеголовки, при однократном воздействии по ней – не менее 0,7 и при двукратном – не менее 0,9.

Насколько близки к этим цифрам будут реальные значения вероятностей – покажет время. На данный момент из пяти проведенных пусков успешными считаются только три.

Таблица 1. Предполагаемая архитектура развертывания НПРО США

Структура	Первый этап (расширенная возможность 1)	Второй этап (возможность 2)	Третий этап (возможность 3)
Начальная эксплуатационная готовность, годы	2005–2007	2007	2010–2015
Стоимость (без добавлений), млрд долл.	ОСОБР – 25,6 ББК* – 29,5 (1996–2015 годы)	ББК – 35,5	ББК – 59,1**
Угроза	Простые средства прорыва 5МБР с 5 ББ + простые ЛЦ	Сложные средства прорыва 25 МБР с 25 ББ + простые ЛЦ или 5 МБР с 5 ББ + 20 правдоподобных ЛЦ	Сложные средства прорыва 50 МБР с 50 ББ + простые ЛЦ или 20 МБР с 20 ББ + 100 правдоподобных ЛЦ
Перехватчики наземного базирования	20/100, Аляска	100, Аляска	125, Аляска 125, Гранд Форкс (Северная Дакота)
Усовершенствованный радиолокатор раннего предупреждения	Бил (Калифорния) Клир (Аляска) Кейп-Код (Миннесота) Файлингдейлз (Великобритания) Туле (Гренландия)	Бил Клир Кейп-Код Файлингдейлз Туле	Бил Клир Кейп-Код Файлингдейлз Туле
РЛС, работающие в диапазоне частот Х	Шемия (Аляска)	Шемия Клир Файлингдейлз Туле	Шемия Клир Файлингдейлз Туле Бил Кейп Код Гранд Форкс Гавайи Южная Корея
Космические датчики	DSP – GEO (спутниковая система обнаружения МБР) SBIRS – HEO	DSP SBIRS – HEO SBIRS – LEO	SBIRS – GEO&HEO SBIRS – LEO
Система поддержания связи с перехватчиком в полете	Аляска Шемия Карабу (Мэн)	Аляска Шемия Карабу Мьюнсинг (Мичиган)	Аляска Шемия Карабу Мьюнсинг Гавайи

* ББК – Бюджетное бюро Конгресса;
** В статью расходов ББК входят 250 перехватчиков наземного базирования на двух позициях, девять РЛС Х-диапазона, шесть усовершенствованных РЛС раннего предупреждения, шесть КА SBIRS-GEO&HEO и 24 КА SBIRS-LEO.

Таблица 2. Общие затраты на систему НПРО по данным главного контрольного управления Конгресса США (млн долл.)

Статьи	Финансовые года								Итого
	Предыдущие годы	2000	2001	2002	2003	2004	2005	До 2020	
НIOКР и испытания	4717	959	1740	850	752	689	681	1543	11962
Закупки	0	0	75	1537	1222	1238	1079	2643	7792
Строительство	10	15	102	192	127	38	15	0	498
Всего по закупкам	4726	965	1916	2578	2140	1965	1775	4186	20252
Эксплуатация и оборудование	0	0	0	0	0	0	0	15993	15993
Всего	4726	965	1916	2578	2140	1965	1775	20179	36245

Таблица 3. Проект финансирования программы НПРО по разделам управления BMDO на 2002-й финансовый год (млн долл.)

Раздел расходов	Запрашиваемые ассигнования
Научные исследования, разработки и испытания	
Система ПРО	779,584
Сегмент ПРО на конечном участке	988,180
Сегмент ПРО на среднем участке	3940,543
Сегмент ПРО на активном участке	685,863
Датчики	495,600
Технология	122,890
Резервный фонд МО	6,571
Административные расходы	27,758
Всего по НIOКР и испытаниям	7036,480
Военное строительство	
Система ПРО	7,549
Сегмент ПРО на конечном участке	0,750
Всего на военное строительство	8,299
ИТОГО на программу НПРО	7044,779

Список используемой литературы:
National Missile Defence. What does it all mean? A CDI Issue Brief. September 2000, Washington, D.C., pp.10-16.
Aviation Week and Space Technology, 4 September 2000, pp.96, 97.
Jane’s Defence Weekly, vol.34, No.25, 6 December 2000, p.10.

Васильев В.А., Голубчиков С.В., Новиков В.К. Основы противодействия перспективным системам ПРО противника. М., РВСН, 2000, 348 с.
Васильев В.А., Мухин В.И. Система глобальной защиты от ограниченного удара баллистических ракет Джи-ПАЛЗ. М., РВСН, 1994, 157 с.

Полемика**ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ АМЕРИКАНСКИХ ПРОГРАММ В ОБЛАСТИ
УЧЕТА, КОНТРОЛЯ И ФИЗИЧЕСКОЙ ЗАЩИТЫ ЯДЕРНЫХ
МАТЕРИАЛОВ В РОССИИ****Ирина Куприянова**

В статье изложен подход к созданию методов измерения усилий специалистов министерства энергетики и национальных лабораторий США в области сотрудничества с Российской Федерацией по программе учета, контроля и физической защиты ядерных материалов.

Выделены основные проблемы современного состояния сотрудничества. Предлагается методология, по которой проводилось пилотное исследование эффективности обучения специалистов ядерной отрасли России в специальных учебных центрах, созданных в рамках программы сотрудничества, а также приведены некоторые результаты исследования, на основе которых предлагаются рекомендации по корректировке совместных действий.

Автор понимает, что ряд высказываемых положений носит дискуссионный, спорный характер.

Введение в проблему

Программа Совместного уменьшения угрозы (СУУ) введена в действие в 1992 году. В рамках этой программы существует ряд дополнительных программ, среди которых – «физическая защита, контроль и учет ядерных материалов» (русская аббревиатура УКФЗ ЯМ). Цель программы УКФЗ ЯМ – помощь российской стороне в улучшении всей системы обеспечения безопасности и консолидации ядерных материалов на объектах хранения и использования, а также в обучении персонала и некотором улучшении существующих систем физической защиты с помощью дополнительных средств защиты. С 1996 года финансирование программы УКФЗ в рамках сотрудничества с Россией полностью перешло под эгиду министерства энергетики США. Об успехах программы написано достаточно много¹, однако, говоря об оценке эффективности усилий США, следует обратить внимание на проблемы.

Сотрудничество с момента возникновения и в течение пяти лет развивалось очень динамично и не всегда удавалось заметить тенденции и обозначить подводные камни². Например, не была учтена зависимость

эффективности работы всей системы безопасности от выполнения процедур. Можно поставить дорогое оборудование на объект и не быть уверенным, что оно будет эффективно использоваться, и что эффективность системы безопасности повысится. Именно к такому выводу по прошествии нескольких лет пришли многие американские аналитики³. Оценить реальную, а не теоретическую эффективность можно с помощью мониторинга, а мониторинг, в свою очередь, можно вести на основе накопленного опыта в области сотрудничества по программе УКФЗ. При разработке методологии оценки эффективности американских программ представляется важным выделить основные *переменные*, которые следует измерять в процессе мониторинга обратной связи, то есть того, как работают системы УКФЗ, улучшенные с помощью американских вложений. В первые годы сотрудничества не были использованы «глубоко структурированные системы критериев»⁴, что не позволило *измерить прогресс* в количественном выражении. В настоящее время накопленные данные позволяют предложить методологию и сделать первые предварительные выводы в этой связи.

Трудности взаимодействия

Трудности, которые возникали практически на всех площадках в рамках сотрудничества, основывались на различном понимании подходов к построению системы физической защиты и различных ожиданиях от сотрудничества, а также на различии в традициях, понимании приоритетов культуры безопасности и различиях в способе мышления. Последнее требует пояснения.

Известно, что в разных культурах преобладают разные формы фиксации изменений. В западной культуре основной формой отношений между людьми является письменный контракт (соглашение, договор)⁵. Это связано с религиозной историей общества, с культурой письменных прав и с традицией строго определенных процедур. Изменить что-либо – значит, перейти от одного состояния к другому, зафиксировав оба состояния на

бумаге. В культурных традициях русских (возможно, восходящих к православию) изменения рассматриваются по-другому: считается, что это процесс бесконечный, и уж тем более никак не фиксируемый на бумаге. Если задаться целью анализа исторических и современных документов, то видно, что и в тех, и в других преобладает декларативный стиль мышления, который позволяет обозначить проблему, но не предложить механизм ее решения (то есть не зафиксировать в процедуре). Знание этих отличий поможет сделать программу сотрудничества более эффективной.

Кроме того, важным оказался тот факт, что с распадом СССР была разрушена основа стабильности во многих сферах жизни страны, в том числе и в области системы обеспечения безопасности ядерных объектов. Анализируя этот процесс, можно отметить две основные проблемы, которые мешали и продолжают мешать эффективному сотрудничеству: недостатки менеджмента и отсутствие более глубоких данных по обратной связи от обучения.

Уже отмечено, что организация сотрудничества (менеджмент) имела серьезные пробелы в обеих странах⁶ и что кроме результатов, выраженных в числовом виде (общая текущая стоимость программы, количество охваченных сотрудничеством объектов и стоимость поставленного оборудования), необходимо сформулировать и другие критерии, качественно отражающие эффективность общих усилий. В начале сотрудничества не была организована тщательная экспертиза этапа внедрения улучшений в совершенно другую культурную среду. Тем не менее известно, что экспертиза без учета обратной связи может проводиться только в случае хорошей информированности экспертов в предметной области. Такой информированности не обнаружилось, и проблемы, возникающие по ходу взаимодействия, нередко тормозили усилия обеих сторон в целом, зачастую сводя на нет задуманное. Одной из причин недостаточной информированности, которую ранее не называли, является очевидное стремление американской стороны *добыть* информацию, близкую к чувствительной. Это стремление, естественно, не встречало поддержки российской стороны.

Основная беда сотрудничающих сторон

Многие попытки анализировать программу сотрудничества в данной сфере⁷ были весьма полезны, однако необходимо рассматривать проблему с двух сторон, то есть не только с

американской стороны, но и с российской. В этой связи замечу, что мы столкнулись с трудностью следующего характера: как соединить (а это необходимо в рамках решения общей задачи) традиции и культуру разных стран, чтобы работать более эффективно? Каждая проблема в значительной степени может быть решена, но это требует времени. В любом случае нужно прежде описать трудности, чтобы затем решать проблему эффективного улучшения системы защиты российских объектов. Практика сотрудничества, о которой упоминают многие авторы, приводит нас к такому выводу: основная ошибка менеджеров США заключалась в том, что не было выделено (отведено) время и деньги для изучения состояния существующей системы защиты ядерных объектов в России, а также традиций и среды функционирования этой системы. Другими словами, была поставлена задача *быстрых улучшений* и не исследована *ядерная культура* и инфраструктура, в которой эти улучшения должны работать. На самом деле это скорее не ошибка менеджеров США, а беда обеих сотрудничающих сторон. Ситуация была несколько лучше осознана в процессе работы по межлабораторной программе⁸ благодаря возможности более тесных контактов специалистов двух стран. Последующая схема взаимодействия (межправительственная программа⁹) существенно затруднила такое понимание из-за возникновения множественных бюрократических барьеров. Специалисты министерства энергетики США также не рассматривали риск недостаточного удачного или откровенно слабого менеджмента на объектах сотрудничества. В большинстве случаев все трудности возникали по воле обстоятельств, ранее не известных ни той, ни другой стороне. По этой причине мы постоянно испытывали затруднения с внедрением американского опыта на российских ядерных объектах. Кроме того, не следует забывать, что успех может быть обеспечен только при взаимодействии двух сторон, а не исключительно страной-донором.

Как видно из вышесказанного, проблема эффективности усилий США лежит зачастую не в финансовой, а в *управленческой* сфере. Кроме того, проблема доступа на российские объекты, о которой так беспокоится американская сторона¹⁰, не столь важна. Если воздействовать на культуру безопасности, характерную для всей отрасли, то результат уверенно скажется на всех объектах (однако не так быстро, как хотелось бы обеим сторонам. Согласно известному изречению,

можно отвести лошадь на водопой, но нельзя заставить ее напиться).

Предмет данного исследования

Проблемы менеджмента и обучения должны привлечь внимание обеих сторон, причем в случае успеха мы получим растущую приверженность персонала российских ядерных объектов соблюдению всех предписанных процедур взамен стремления нарушать их по разным причинам, как часто бывает до сих пор. Это стремление напрямую связано с вопросами культуры безопасности. Поняв причины названных трудностей, можно будет стремиться к их преодолению.

При измерении эффективности таких слабо формализованных предметных областей, как *успех* или *эффективность усилий*, любой исследователь сталкивается с вопросами, что измерять, что сравнивать и как сравнивать.

Необходим новый взгляд на методы, используемые в сотрудничестве. Эксперты обеих сторон должны искать причины своих трудностей вместе. Насколько эффективны усилия США в рамках данной программы? Каковы критерии успеха? Наиболее предпочтительным критерием успеха, как представляется, можно считать то, насколько хорошо *реально функционируют* улучшенные системы защиты. Для уточнения методологии автором было проведено пилотное исследование с использованием данных двух учебных центров в Обнинске¹¹.

В настоящее время стало понятно, что многие созданные системы как раз не функционируют в запланированном нормальном режиме длительное время. В чем причина неудачи? Возможно, она в том, что среда, в которой они *должны были бы отлично функционировать*, не была изучена до внедрения систем. На российских объектах отмечается систематическое несоблюдение процедур, было замечено отсутствие немаловажных письменных процедур¹², неправильное выполнение работы, незнание сотрудниками цели своей работы, другими словами – причина в разном понимании *культуры безопасности*. Именно этот аспект и не был учтен при организации сотрудничества, поскольку это не входило в изначальные намерения США. Считалось, что если система установлена, то она будет хорошо работать. По этой причине было разработано только две стадии сотрудничества на многих ядерных объектах: установка нового оборудования и обучение специалистов пользованию им (в том

числе компьютерное программное обеспечение, не включая, однако, обучение общим навыкам работы с компьютером большого числа персонала российских объектов).

Все эти факторы приводят к необходимости акцентировать внимание на стадии мониторинга, который бы помог отследить состояние управления программой УКФЗ ЯМ, то, как обслуживается новое оборудование, а кроме того, – сосредоточить внимание на отслеживании эффекта от обучения вовлеченных специалистов-пользователей в российских учебных центрах (учебно-методическом центре по учету и контролю – УМЦУК и межотраслевом специальном учебном центре – МСУЦ и др.), также созданных в рамках программы сотрудничества. После глубокого анализа этой обратной связи станет возможным и вывод относительно эффективности усилий США в области УКФЗ ЯМ в целом по России и в частности по регионам и предприятиям.

Методология оценки эффективности американских программ улучшения систем УКФЗ в России

Внедрение масштабных улучшений в системе безопасности на российских объектах нарушает отлаженную ежедневную работу. Увеличивающийся объем работы требует от сотрудников новых знаний, умений, а также ввода новых процедур. В результате персонал, в должностные обязанности которого часто не входят задачи, возникающие в рамках международного сотрудничества¹³ (к тому же часто существенно замедляющие привычную работу), не выполняет новые договоренности и не обслуживает новое оборудование с желаемой эффективностью. Кроме того, слишком много американских экспертов участвует в работе, что размывает ответственность специалистов обеих стран. Таким образом, необходимы формальные критерии оценки эффективности усилий, которые могут войти составной частью в любую глобальную американскую программу сотрудничества.

Предлагается разбить мониторинг на две стадии, которые могут идти параллельно или последовательно – это зависит от точки зрения исследователя. Сначала целесообразно отследить общее состояние дел на объекте, то есть измерить первичные сдвиги в организации работы по УКФЗ в рамках сотрудничества, а также измерить обратную связь от обучения – изменение деятельности

специалиста при его возвращении на объект после обучения. Например, Горно-химический комбинат (ГХК) (Железногорск) последовательно присылает своих специалистов в учебный центр (УМЦУК), включая всех руководителей, имеющих доступ и полномочия работы с ядерными материалами и установками. Для оценки эффекта обучения в УМЦУК в 1998 году была разработана специальная (вторая) анкета для тех слушателей, кто посетил учебные курсы (в данном примере курс «Основы оценки уязвимости ядерных объектов») дважды. Результаты показали, что курс непосредственно помог в решении следующих задач:

- организация и проведение (при отсутствии регламентирующих документов отраслевого уровня) пилотной оценки уязвимости (разный объем работ на разных объектах);
- создание организационной структуры УКФЗ (отдел, группа, лаборатория) для проведения анализа уязвимости в будущем;
- более качественное описание объекта для последующих анализов уязвимости.

Изменения можно формально описать с помощью анализа ответов на вопросы двух анкет, одна из которых посвящена организации работы, а другая – непосредственно использованию результатов обучения. Алгоритм пилотного исследования (респонденты – слушатели УМЦУК, курс «Основы оценки уязвимости объектов» и частично МСУЦ, всего 60 человек) содержал следующие шаги:

- создание команды;
- разработку анкет;
- проведение опроса по категориям персонала;
- получение статистики по объекту за пять лет (в пилотном исследовании не реализовано, однако проведено некоторое сравнение накопленных данных);
- сравнение результатов по объектам (в пилотном исследовании не реализовано в полном объеме).

Персонал объекта, участвующий в сотрудничестве, в целях исследования был разбит на три большие группы (именно они организуют работу по УКФЗ и учатся на курсах УМЦУК): руководители высшего уровня (ВР – заместитель директора по безопасности, руководитель программы УКФЗ и т.п.) – 5% всех слушателей; ответственный

исполнитель (ОИ) – контракта, договора, работы – 46% и администратор (А – руководитель среднего звена) – 47%.

Таким образом, первая *переменная*, которая измерялась в пилотном исследовании – организация начального менеджмента (руководства проблемой УКФЗ) на объекте.

После сбора информации за пять–восемь лет можно будет сравнить тенденции для разных предприятий и регионов страны, чтобы искать конкретные причины неудачного внедрения систем защиты или других элементов сотрудничества. Последняя составляющая мониторинга – проверка эффективности работы ключевого оборудования системы безопасности (а не только систем, внедренных программой сотрудничества), однако описание третьей стадии мониторинга не является предметом данной статьи.

Гипотеза, лежащая в основе методологии, формулируется следующим образом: если деятельность специалиста после обучения и возвращения на объект меняется, то эффективность обучения выше. Если не меняется, то эффективность обучения и эффективность общей организации работ невысока. Свидетельством изменения деятельности является должная организация работы УКФЗ ЯМ на объекте.

Вторая *переменная*, которая измерялась в пилотном исследовании – эффективность обучения в сфере УКФЗ ЯМ.

Анализ ответов на анкеты позволил установить, что по состоянию на июль 2001 года 57% слушателей, занятых в области УКФЗ (в данной статье приведены примеры только для курса «Основы оценки уязвимости объектов»), не оканчивали ранее никаких учебных курсов. Из оставшихся 43% слушателей, которые ранее обучались, около 90% использовали более чем 50% информации, полученной в процессе обучения¹⁴. Практически 100% считают, что обучение необходимо. При этом отмечено, что чем яснее представляет человек свои обязанности и ответственность, тем больший процент полезной информации он указывает в анкете (как правило, выбирает вариант «76–100% полезной информации»).

52% слушателей сказали, что они «узнали в общих чертах о различиях в подходах к организации средств физической защиты России и США только благодаря учебному

курсу, а ранее ничего об этом не слышали». Это очень тревожный показатель, свидетельствующий о низком уровне информированности¹⁵ участников программы, при этом примерно 47% слушателей имели опыт работы в данной области более трех лет, а 52% слушателей – один–три года. Всего изучены данные результата анкетирования слушателей 25 предприятий Минатома и 7 предприятий иного подчинения (Госатомнадзор, Росэнергоатом, Агентство судостроения и др.) Основные предприятия, следящие за квалификацией своего персонала (включая аналитиков), занятого в сфере УКФЗ в части проведения анализа уязвимости и организации работы по этой проблеме, приведены в таблице.

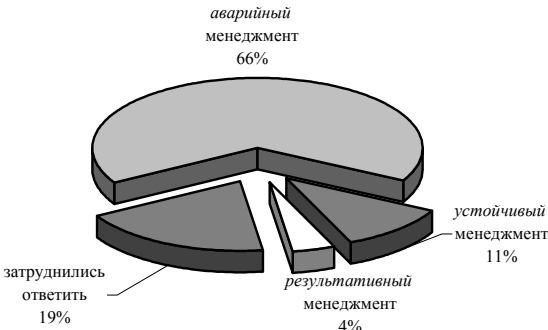
Таблица. Представители предприятий на курсе «Основы анализа уязвимости»

Предприятия Минатома	Количество фактов обучения на курсе
ГХК	12
ПО Маяк	12
ФЭИ	20
ВНИИЭФ	8
СХК (Томск)	7
ВНИИТФ	7

Обобщенные результаты пилотного исследования

Общие характеристики менеджмента организации УКФЗ выбраны по шкале интервалов¹⁶: *аварийный* менеджмент – близко к 0; *устойчивый* менеджмент – около 0,5; *результативный* менеджмент – близко к 1. Общая картина выглядит следующим образом (рис. 1).

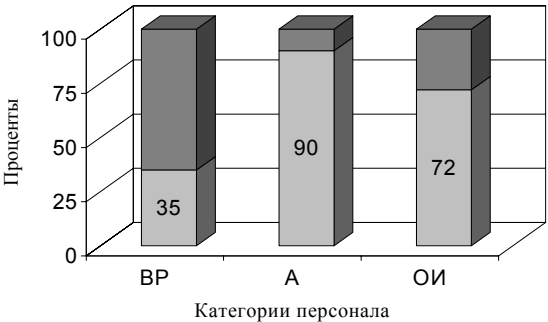
Рис.1. Общая оценка менеджмента

Доли внутри категорий персонала, демонстрирующего аварийный менеджмент (66%), выглядят следующим образом¹⁷ (рис. 2):

Рис.2. Доли внутри категорий персонала среди 66% аварийного менеджмента

ВР – высший руководитель – составляет долю 35%, А –

администратор (руководитель среднего звена) – составляет долю 90%, ОИ – ответственный исполнитель (контракта, договора, работы) составляет долю 72%.

Для 68% респондентов работа в рамках сотрудничества с США является дополнительной нагрузкой и не входит в должностные обязанности. Только для 10% сотрудников это ежедневные письменно зафиксированные обязанности, а 12% вообще не смогли ответить на этот вопрос.

Пользуясь методологией структурного анализа и проектирования (SADT), можно выразить сказанное с помощью SADT-модели, которая дает полное, точное и адекватное описание части системы сотрудничества, имеющей конкретное назначение (рис. 3). В модели отражена точка зрения российской стороны; показаны: слабые места менеджмента, отсутствие финансирования с российской стороны и *нестыковка* инфраструктуры ядерных объектов с деятельностью в рамках сотрудничества.

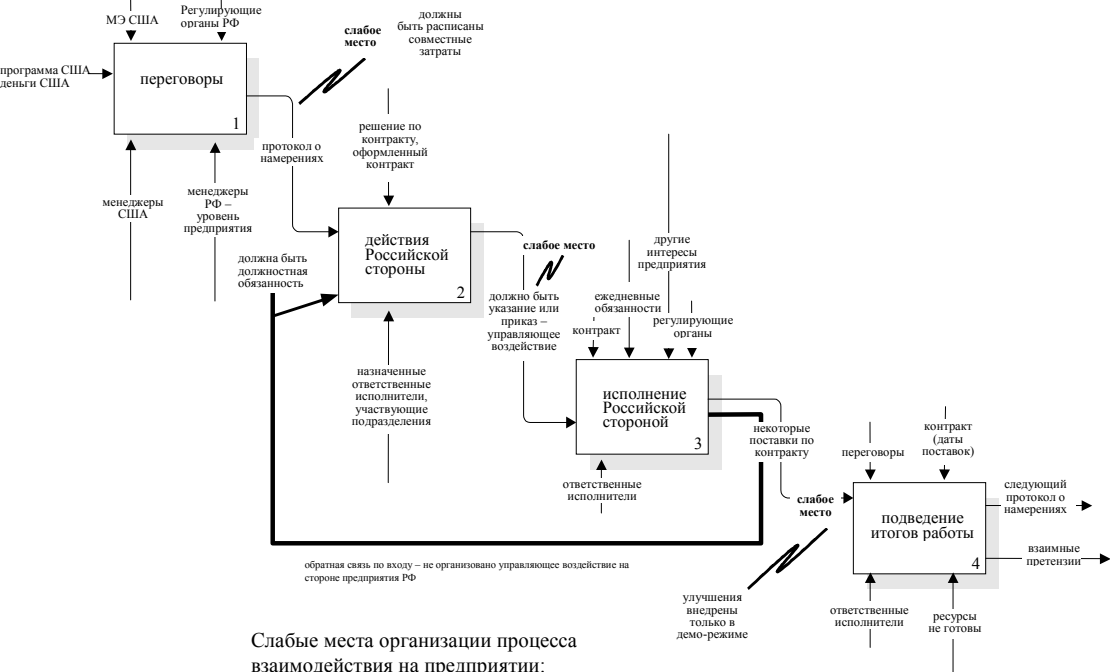
В данной модели видны конкретные этапы процесса, на которых не организован (или слабо организован) общий менеджмент. Поскольку сотрудничество продолжает активно затрагивать ежедневную работу предприятия, то целесообразно ввести его как элемент деятельности в структуру управления в виде *ежедневных обязанностей сотрудников*.

Следующим шагом такой системы будет вовлечение российской стороны в финансирование работ по УКФЗ, включая финансирование регулярного проведения анализов уязвимости своего предприятия согласно новой международной обстановке (имеются в виду политические и другие последствия терактов в крупнейших городах США). В настоящее время не решены также

вопросы чувствительности информации, предъявляемой как результат совместной работы. Принятие решения и конкретные действия в этой сфере зависят не только от содержания информации, но во многом и от субъекта деятельности, то есть от самого предприятия, вернее от точки зрения руководителей предприятия. Процедуры

определения чувствительности информации также должны быть разработаны и обоснованы, чтобы не включать каждый раз эти вопросы в разряд *аварийного* менеджмента. Возможно, в этой связи поможет новый федеральный закон о коммерческой тайне, который в настоящее время рассматривается в Государственной Думе.

Рис. 3. Слабые места организации процесса сотрудничества на объектах хранения и использования ядерных материалов

Слабые места организации процесса взаимодействия на предприятии:
– не организован совместный менеджмент;
– не вовлечен российский рубль;
– не учтена среда функционирования для дальнейшего поддержания улучшений системы защиты ЯОО

Нынешняя ситуация не является фатальной. Целесообразно продолжить совместные усилия, однако они должны быть более целенаправленными и более скоординированными в части преодоления ожидаемых трудностей и достижения совместных успехов.

О надежности метода

Одна из самых больших ошибок нашей культуры, по словам Карла Юнга, состоит в том, что мы слишком переоцениваем обучение словами. Индийские философы справедливо замечают, что понимание не приходит со знанием. Продолжая размышлять на эту тему, можно сказать, что оно приходит в интервале между словами, которые услышаны от преподавателя, и мыслями, которые появляются в голове специалиста после

попыток применить полученное знание на своем рабочем месте.

Говоря о таких нечетких понятиях, как *успех* или *эффективность*, необходимо отметить, что основную трудность при их измерении представляет разработка анкет, на основе которых будут строиться выводы. Возникает нужда в получении информации о таких явлениях и процессах, которые недоступны прямому наблюдению. Источниками такой информации могут являться сами специалисты, приезжающие в учебные центры, что и было использовано в данном пилотном исследовании.

Практически надежность метода очень сильно зависит от степени корректности и психологической достоверности вопросов анкет. Анкеты как инструмент, предназначенный для сбора первичных

социологических данных, считаются надежными в том случае, если они обоснованы с точки зрения получения искомой информации, если они дают адекватно отражающую изучаемые аспекты информацию и дают устойчивые данные, которые можно воспроизвести в аналогичных условиях. Особенно хорошо это удастся заметить при опросе специалистов, обучавшихся на курсе дважды и трижды. Для того чтобы сформулировать вопросы анкет, недостаточно использовать обычные методические руководства по разработке социологического инструментария. Нужно также знать реальное положение дел на предприятиях, чтобы выбрать из множества проблем, которые могут быть в целом затронуты в опросе, именно те, ответы на которые позволят получить однозначное представление об *успехе* или *эффективности*. По сути, некоторое совокупное мнение необходимо облечь в числовую форму и дать верное толкование.

Еще одним плюсом в *копилку надежности* предлагаемого метода измерения эффективности усилий в области УКФЗ является и тот факт, что слушатели учебных центров могут быть опрошены несколько раз при одинаковых условиях. Следует отметить и то, что вопросы анкет формулировались с учетом сферы деятельности, документов и терминов, знакомых всем участникам опроса.

В отличие от полномасштабного мониторинга и анализа его результатов пилотное исследование предназначено для проверки качества методического инструментария, что и было одной из целей данной работы.

Рекомендации для лиц, принимающих решения на высоком уровне

Подводя итог сказанному о различии в культурах ведения дел двух стран и размышлениям на вечную тему *что делать*, хотелось бы предложить рекомендацию номер один: необходима разработка совместной программы расходов или совместного бюджета. Также можно рекомендовать следующее:

- Планируя любую программу сотрудничества, целесообразно получать гарантии российской стороны в отношении использования полученного от американской стороны финансирования.
- Поскольку программы сотрудничества создаются поэтапно и имеют конечную цель – уменьшать или переориентировать помощь, полезно было бы разработать программу *выхода из очередного этапа*

после его выполнения. В данном случае имеется в виду переход от состояния *как выполнено* к состоянию *как должно работать*. При этом нужно стремиться к тому, чтобы все те улучшения системы защиты и охраны ядерных объектов, которые были внедрены совместными усилиями, устойчиво поддерживались. Иными словами, можно рекомендовать американской стороне разработать процедуру выхода из этапа программы совершенствования систем УКФЗ. Целью этой процедуры должно быть такое состояние дела, когда американское финансирование локальной системы УКФЗ постепенно свертывается, а само улучшенное хранение и использование ядерных материалов на объектах сохраняется с помощью переориентации средств на поддержание эксплуатации с учетом соблюдения норм и правил культуры безопасности. Начинать решать эту задачу следует на переговорах высших менеджеров программы УКФЗ с обеих сторон. Возможно придется установить частичную зависимость оплаты менеджеров на ядерном предприятии от качества совместных усилий по программе сотрудничества. Сейчас же реалии таковы, что большинство администраторов и руководителей программы на предприятиях ядерного комплекса занимаются работой в рамках сотрудничества в *качестве дополнительной нагрузки* к основным обязанностям. Естественно, такое положение существенно снижает их мотивации.

Рекомендации для руководителей программ УКФЗ на предприятиях

- Руководителям программ на предприятиях следует повышать информированность лиц, занятых в сфере УКФЗ, путем интенсификации использования мировых информационных ресурсов (в частности, сведений из интернета и специальных баз данных). В настоящее время ситуация в этой сфере такова, что (по данным пилотного исследования) только пять процентов респондентов используют возможности интернета для получения информации в области УКФЗ.
- Следует ввести работы по контрактам в рамках сотрудничества в официальный состав оперативной ежедневной деятельности (возможно, в должностные инструкции); поощрять сотрудника за активность, проявленную в сфере сотрудничества.

- При анализе процедур использовать современные технологии определения уязвимых мест (метод логических деревьев, SADT-методологию и др.)
- Посылая сотрудника в Учебные центры, руководители предприятий должны ставить перед ним задачу, которую он будет решать, вернувшись на объект, отслеживая затем обратную связь от обучения (замерять эффективность обучения).■

¹Проблемы распространения. Анализ деятельности США по обеспечению безопасности ядерных и других высокоопасных материалов и технологий в странах бывшего СССР. Киров, 1998.

²В основу этой статьи положено исследование, выполненное автором в рамках программы стажировки в ЦИПН Монтерейского института международных исследований, Калифорния, США, 2001 год.

³Balatsky Galya. Sustainability Issues. Russian Aspects. Safeguards Science and Technology. LANL, 1999. Security of Russia's Nuclear Material Improving; Further Enhancements Needed. GAO-01-312, Report to Congressional Requesters. *Nuclear Nonproliferation*, February 2001, p.44.

⁴Proliferation Concerns. Assessing U.S. Efforts to Help Contain Nuclear and Other Dangerous Materials and Technologies in the Former Soviet Union. Washington D.C., National Research Council, 1997.

⁵Сергеев Виктор. Процедура и процесс. Задача понимания. *Компьютерра*, №27-28, июль 1999, с.25.

⁶Bukharin Oleg, Bunn Matthew, Luongo Kenneth N. Recommendations for Accelerated Action to Secure Nuclear Material in the Former Soviet Union. Russian American Nuclear Security Advisor Council, August 2000, p.10-11, 64, 68.

⁷Bukharin Oleg. The Threat of Nuclear Terrorism and the Physical Security of Nuclear Installations and Materials in the FSU. CNS Database, NIS Archives, 1992. Smarto Carrie, DOE et al. MPC&A Site Operation and Sustainability: a Policy Overview. Presentation at 40-th Annual Meeting of INMM, Arizona, Phoenix, 1999. Protecting Nuclear Weapons Materials in Russia. Washington D.C., National Research Council, 1999.

⁸В России крупное финансирование программы УКФЗ со стороны США началось с 1994 года.

⁹US-Russian Government-to-Government MPC&A program was originally based on a bilateral agreement signed between MINATOM and the US Department of Defense. Agreement concerning MPC&A program was signed in September 1993 and amended in January 1995/ On January 30,

1996, the MPC&A program was expanded through 2 joint statements signed by US Secretary of Energy Hazel O'Leary, and RF Minister for Atomic Energy, Viktor Mikhailov. Из буклета: Партнерство в обеспечении ядерной безопасности, январь 1997. Министерство энергетики США, офис контроль за вооружениями и нераспространением. Washington, January 1997.

¹⁰Из обсуждений в ЦИПН, Монтерейский институт международных исследований, Калифорния, США, январь-май 2001 года.

¹¹База данных УМЦУК, курс 2.5 «Основы оценки уязвимости объектов».

¹²Только 10% сотрудников ядерных объектов, работающих с ядерными материалами, считают, что у них на объекте определено понятие *процедура*, 15% считают, что *процедура* и *инструкция* – одно и то же, 68% считают, что если и существует достаточное количество процедур, то, *во-первых*, это не все, которые необходимы, а *во-вторых*, многие из них устарели и требуют серьезной корректировки.

¹³Для 68% работников ядерных объектов усилия в рамках сотрудничества с США по программе УКФЗ ЯМ является дополнительной нагрузкой и не входит в должностные обязанности. 10% не смогли ответить на вопрос анкеты, что также свидетельствует об *аварийности* менеджмента.

¹⁴Koupriyanova Irene, Niemack Margy, Edwards Linda. Instructors Experience Gained from the Vulnerability Assessment Fundamentals Training Course for Atomic Branch Specialists and Gosatomnadzor Specialists. Proceedings of Obninsk MPC&A 2nd International Conference, May 22-26, 2000.

¹⁵Климов С.М. Интеллектуальные ресурсы организации. Санкт-Петербург, 2000, с.113.

¹⁶*Аварийный* менеджмент – управление ведется тогда, когда возникает *срочная причина*; *устойчивый* менеджмент – управление относительно устойчивое, однако нацеленное на ежедневные заботы; *результативный* менеджмент – направлен на достижение поставленной цели путем последовательного выполнения задач.

¹⁷Необходимо отметить, что доверие к данным группы ВР – высшие руководители – должно быть меньше, поскольку их количество составило всего 5% от общего числа опрошенных сотрудников. ОИ – ответственные исполнители контрактов – составили 46% всех обучаемых сотрудников, администраторы – А – 47%. 2% составили преподаватели и студенты МИФИ, которые не включены ни в одну из трех групп персонала.

Страницы истории

*В июле–августе 1958 года в Женеве состоялось первое в истории совещание ученых государств Востока и Запада по весьма чувствительному вопросу, затрагивающему интересы безопасности этих государств, – о контроле за ядерными испытаниями. Мы публикуем воспоминания участника этих переговоров – Чрезвычайного и Полномочного Посла **Владимира Викторовича Шустова**.*

СОВЕЩАНИЕ ЭКСПЕРТОВ ПО ИЗУЧЕНИЮ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ОБНАРУЖЕНИЯ НАРУШЕНИЙ СОГЛАШЕНИЯ О ПРИОСТАНОВКЕ ЯДЕРНЫХ ИСПЫТАНИЙ (Женева, 1 июля – 21 августа 1958 года)

В начале пятидесятих годов прошлого столетия было научно, с помощью точных физических и химических измерений доказано, что не только применение ядерного оружия в военных целях, но и всякий его испытательный взрыв в мирное время, особенно на поверхности земли или в нижних слоях атмосферы, создает угрозу для жизни и здоровья людей. По мере нарастания числа этих экспериментов возрастал уровень радиоактивного загрязнения окружающей человека среды. До первых ядерных взрывов на земной поверхности практически не было такого опасного радиоактивного элемента, как стронций-90. Проведение ядерных испытаний привело к тому, что он стал появляться повсюду.

Общественность многих стран была встревожена многочисленными публикациями об этой опасности. Первыми с требованием прекратить ядерные взрывы выступили ученые. Они создали ядерное оружие и лучше чем кто бы то ни было понимали последствия его испытаний. В мае 1955 года по инициативе А. Эйнштейна и Б. Рассела одиннадцать всемирно известных деятелей науки призвали своих коллег во всех странах поднять голос против военного применения ядерной энергии и предложили обсудить последствия испытаний ядерного оружия¹. В июле 1957 года требование прекратить ядерные испытания выдвинули 2200 американских ученых. Они подчеркнули, что считают необходимым «принять срочные меры для заключения международного соглашения о прекращении испытаний всех видов ядерного оружия»².

В том же ключе выступили и советские ученые. «Стало насущной необходимостью, – говорилось в заявлении 198 советских ученых, опубликованном в августе 1957 года, – чтобы

ученые на всем земном шаре предупредили всех людей о подлинных размерах надвигающейся опасности, которая угрожает не только ныне живущим, но и будущим поколениям человечества»³. Академик А.Д. Сахаров вспоминал в своих мемуарах, что в начале 1957 года по предложению И.В. Курчатова он опубликовал в одном из научных журналов статью о радиоактивных последствиях взрыва так называемой *чистой* ядерной бомбы. Вскоре по согласованию с Н.С. Хрущевым он написал другую статью, на этот раз для широкой читательской аудитории, о последствиях атмосферных испытаний, которая была переведена на наиболее распространенные иностранные языки и опубликована в различных странах⁴.

В марте 1958 года Советский Союз в одностороннем порядке приостановил проводившиеся им испытания. Этот шаг был встречен с одобрением во всем мире. Помимо стремления прекратить радиоактивное заражение окружающей среды и политических соображений, связанных с позитивной позицией по этому вопросу, Москва в целом проводила линию на то, чтобы притормозить гонку ядерных вооружений и тем самым не допустить дальнейшего отставания в военной ядерной области от Соединенных Штатов. США провели намного больше ядерных испытаний, чем Советский Союз, и запланировали новые серии ядерных взрывов. Прекращение испытаний могло заложить основу для последующих переговоров по ограничению ядерных вооружений. Однако, стремясь к этой цели, советская сторона с большим трудом и зачастую с излишней подозрительностью шла на согласование мер международного контроля для проверки осуществления договоренностей по разоружению.

Многие государства, в частности Япония, в своих официальных заявлениях высоко оценили решение Советского Союза в одностороннем порядке приостановить ядерные взрывы. Для США и Великобритании оно явилось неожиданностью. Государственный секретарь США Даллес признавал, что Советский Союз по крайней мере зачислил на свой счет «явный политический выигрыш»⁵.

Вашингтону пришлось пойти на ответный шаг. В конце апреля 1958 года президент Эйзенхауэр направил послание Советскому правительству, в котором высказался за то, чтобы было проведено «техническое изучение» проблемы контроля над прекращением ядерных испытаний как «необходимый предварительный шаг для реализации политических решений». Однако тут же американский президент подчеркнул, что никакие «технические изучения» не должны предопределять позиции сторон в отношении тех или иных обязательств в области разоружения⁶.

Многие американские политики полагали, что Москва под тем или иным предлогом не примет этого предложения. Вопреки этим предположениям она заявила о своей готовности приступить к изучению на экспертном уровне технических вопросов, связанных с контролем над прекращением ядерных испытаний⁷.

Эксперты собрались в Женеве во Дворце наций; организационным обслуживанием встречи занялся секретариат ООН (часто в литературе это совещание называют «Женевским совещанием экспертов»). Совещание сразу же привлекло всеобщее внимание. За столом переговоров впервые встретились видные ученые-физики для обсуждения сложнейшей проблемы, которая имела первостепенное международное значение.

Блоковое противостояние той эпохи наложило отпечаток на состав стран-участниц, который был определен по взаимной договоренности. Страны Варшавского договора были представлены Советским Союзом, Польшей, Чехословакией и Румынией, НАТО – Соединенными Штатами, Великобританией, Францией и Канадой.

В составе делегации СССР были видные представители советской науки. Ее возглавлял известный ученый, член-корреспондент

Академии наук СССР Е.К. Федоров, членами делегации были академики, лауреаты Нобелевской премии Н.Н. Семенов и И.Е. Тамм, член-корреспондент М.А. Садовский, научные сотрудники Академии наук О.И. Лейпунский, И.П. Пасечник и К.Е. Губкин. Польшу представляли М. Менсович и Л. Юркевич; Чехословакию – профессора А. Затопек и Ч. Шимане; Румынию – академик Х. Хулубей. Назначение Е.К. Федорова главой советской делегации было исключительно удачным выбором. Он проявил себя не только как выдающийся ученый, глубоко знавший обсуждаемую проблему, но и как умелый дипломат, который твердо отстаивал свои позиции и в то же время искусно находил приемлемые для всех компромиссы, дававшие выход из казалось бы тупиковых ситуаций. Это снискало ему уважение у всех партнеров по переговорам. Надо сказать, что Евгений Константинович и в наших внутренних дискуссиях, которые проходили на подготовительном этапе в Москве и потом уже в Женеве, не отказывался от своих убеждений в угоду конъюнктуре, если он был уверен в научной обоснованности своей точки зрения.

Видных ученых направили в Женеву и западные страны. Глава американской делегации Д. Фиск и члены делегации лауреат Нобелевской премии Г. Бете и Р. Бехер являлись членами Совета по науке при президенте США. Членами делегации были известные ученые, участвовавшие в правительственных программах по разработке ядерного оружия, лауреат Нобелевской премии Э. Лоуренс, Г. Браун и др. Английские ученые Д. Кокрофт и У. Пенни представляли Управление по атомной энергии Великобритании; от Франции участвовал профессор И. Рокар, а от Канады – доктор О. Золанд.

В делегации входили и военные эксперты. Так, в составе советской делегации СССР был руководитель службы спецконтроля министерства обороны СССР полковник А.И. Устюменко.

«Что касается компетентности западных делегатов в области физических явлений взрыва, то здесь никаких сомнений не было. Перед нами сидели крупнейшие специалисты по этим проблемам – Э. Лоуренс, Г. Бете, У. Пенни, Д. Кокрофт, – писал впоследствии Е.К. Федоров. – Но в вопросах распространения взрыва в окружающей среде они, пожалуй, уступали нам»⁸.

Накануне встречи в Женеве эксперты различных институтов Академии наук СССР занялись активной подготовкой к будущим дискуссиям. Сложность этой работы объяснялась тем, что подобное совещание собиралось впервые и не опиралось на опыт предшествующих переговоров, как это часто бывало при обсуждении вопросов разоружения. Однако ученым было хорошо известно, что проблема прекращения ядерных испытаний в течение длительного времени фигурировала во внешнеполитических программах правительств многих государств и была предметом обмена мнениями между ними, а с 1954 года по предложению премьер-министра Индии Дж. Неру ежегодно включалась в повестку дня сессий Генеральной Ассамблеи ООН. В то время в советском МИД вопросами ограничения гонки вооружений и разоружения повседневно, на рабочем уровне занимался отдел международных организаций и созданный в нем специальный сектор (тогда он назывался *референтурой*). Автору этих строк посчастливилось в течение длительного времени работать в этой структуре на различных должностях, начиная с самой скромной, но красиво звучащей и мало понятной постороннему должности *атташе*. Вспоминаю, как к нам часто обращались научные эксперты с просьбой проинформировать их о том, какие дипломатические баталии разворачивались в стенах ООН и на других дипломатических форумах вокруг проблемы прекращения ядерных взрывов и какая роль отводилась правительствами различных стран контролю над таким запрещением.

Перед экспертами была четкая цель – согласовать технические вопросы, связанные с обнаружением ядерных взрывов. Таким образом, их встреча должна была носить чисто научно-технический характер. Представители США подчеркивали именно эту сторону предстоящей встречи. На пресс-конференции 10 июня 1958 года Даллес заявил, что американское правительство поручило своим экспертам «обсудить вопрос как чисто научно-техническую проблему, высказать по ней свое авторитетное мнение и представить соответствующий доклад [...] Я не считаю, что они нуждаются в каком-либо политическом руководстве»⁹.

Сказывалось ли *политическое руководство* на поведении экспертов в Женеве? Об этом лучше всего было судить по содержанию развернувшихся между ними дискуссий.

Встреча была созвана по решению правительств и посвящена проблеме прекращения ядерных испытаний. Ее никак нельзя было считать обычным научным симпозиумом или семинаром.

Представители Советского Союза и восточно-европейских стран не стремились перевести переговоры в политическую плоскость, но при обсуждении повестки дня совещания высказались за то, чтобы указать его цель – содействие прекращению испытаний ядерного оружия. Западные эксперты наотрез отказались принимать формулировки, содержавшие эту идею. В результате споров удалось достигнуть компромисса, выразившегося в довольно длинном и нескладном названии переговоров – «Совещание экспертов по изучению возможности обнаружения нарушения возможного соглашения о приостановке ядерных испытаний».

Участники в самом начале пришли к единодушному мнению по вопросу о физической основе различных методов обнаружения ядерных взрывов. Они условились, что эти методы должны сводиться к наблюдению и регистрации с помощью современной чувствительной аппаратуры тех характерных физических явлений, которые возникают в окружающей среде в результате взрывов: гидроакустических колебаний, акустических волн, радиосигналов, радиоактивных осадков, сейсмических колебаний почвы.

Однако взрыв надо не только обнаружить, но и идентифицировать с большого расстояния, то есть распознать и отличить его от естественных явлений (молний, различных шумов в атмосфере, землетрясений и т.п.), создающих помехи для регистрирующей аппаратуры. Больше всего проблем возникает с идентификацией подземных взрывов малой мощности. Однако все эти трудности можно преодолеть с успехом, если к этому есть достаточное стремление. И, напротив, они могут быть усугублены, если попытаться искусственно осложнить их. Ученые создали ядерное оружие, им было вполне под силу создать и аппаратуру для опознания его взрывов.

Эксперты без особых разногласий пришли к договоренности относительно метода обнаружения ядерных взрывов под водой в морях и океанах с помощью *гидроакустического метода*. Такие взрывы

вызывают столь сильные волны, что, даже не будучи слишком мощными, они обнаруживаются и идентифицируются на расстояниях до десяти тысяч километров.

Сравнительно гладко прошло обсуждение *акустического метода* обнаружения. Однако здесь без разногласий дело не обошлось.

Американские эксперты утверждали, что взрыв мощностью в одну килотонну, который был принят за эталон при обсуждении методов обнаружения, можно регистрировать лишь на расстояниях в несколько сотен километров. Все свои расчеты они основывали на примере станции, которая находится в таком месте, что ветер направлен от нее в сторону взрыва и, таким образом, заглушает сигнал, вызываемый этим взрывом. Однако нетрудно представить себе, что если принять во внимание сеть станций обнаружения, о которой шла речь на совещании, то далеко не все такие станции были бы в столь неблагоприятных условиях. Вполне очевидно, что некоторые из них улавливали бы звук, идущий по ветру, и поэтому достаточно уверенно могли бы зарегистрировать звуковую волну. Эту вполне реальную ситуацию пришлось довольно настойчиво разъяснять американским коллегам, которые в конце концов согласились с доводами советских партнеров.

Точно так же западные участники преувеличили влияние помех, порождаемых такими естественными явлениями, как извержения вулканов или падение метеоритов, которые могут вызывать звуковые волны, похожие на волны от взрывов. Американские эксперты утверждали, что такие акустические сигналы могут возникать на земном шаре около сотни раз в год. Однако авторы таких подсчетов не смогли обосновать их. Советские ученые привели записи звуковых волн, полученные при извержении вулканов на территории СССР, и показали, что лишь очень крупные и потому редкие извержения, а также гигантские метеориты, о которых сразу же становится известно широкой научной общественности, могут вызывать сигналы, подобные сигналам от ядерных взрывов.

В конечном итоге было согласовано, что при современной технике станции обнаружения с помощью акустического метода могут с уверенностью зарегистрировать взрыв мощностью в одну килотонну на расстоянии до 2000 км в подветренном направлении, на расстоянии до 500 км в наветренном и на расстоянии 1400 км при безветрии.

Регистрация акустических волн несколькими станциями позволит установить место взрыва с наибольшей точностью, если он произведен на земной поверхности или на высоте до 50 км¹⁰.

Весьма достоверным методом обнаружения ядерных взрывов, по признанию всех участников встречи, мог служить *сбор радиоактивных продуктов*. При оценке эффективности этого метода мнения экспертов обеих сторон полностью совпали. Расхождения возникли лишь при обсуждении вопроса о способах отбора таких продуктов.

Суть этих разногласий сводилась к следующему. Радиоактивные вещества разносятся на расстояние в несколько тысяч километров от места взрыва, и для их обнаружения требуется значительное время. Западные эксперты выразили мнение, что отбор проб радиоактивных продуктов следует проводить только с самолетов, оборудованных специальными фильтрами. Что касается использования для этой цели наземных контрольных постов, то эта задача слишком сложна, чтобы пытаться решить ее в практическом плане.

В доказательство приводились данные о том, что в отдельных странах Западной Европы улавливалась лишь незначительная часть радиоактивных осадков от взрывов в Неваде. Однако с этим доводом трудно было согласиться, так как необязательно все эти осадки должны были выпадать на территорию той или иной страны. Они могли быть обнаружены постами наблюдения в других государствах, находившихся на трассе прохождения облака от взрыва, произведенного в тех же Соединенных Штатах. Советские ученые и их восточноевропейские коллеги привели данные о захвате радиоактивных продуктов от большинства взрывов, произведенных в США и не обнаруженных во Франции, но зарегистрированных на территории их стран.

Советские специалисты обосновали целесообразность использования аппаратуры наземных контрольных постов для получения радиоактивных проб и отвели утверждение об исключительной роли авиации для решения этой задачи. После обстоятельной дискуссии рекомендация на этот счет была принята.

В целом по этому методу было рекомендовано регулярно проводить измерение радиоактивности воздуха над океанами в

дополнение к наблюдению, которое будет осуществляться на кораблях. В отношении полетов над сушей, где сеть постов должна быть еще плотнее, эксперты предложили прибегать к ним только в тех случаях, когда сведения, полученные с помощью других методов, дают основание подозревать факт проведения взрыва и возможность локализовать его. В такой ситуации, по мнению экспертов, следует направить самолет, оборудованный приборами захвата проб воздуха, для поиска радиоактивных продуктов в тот район, где, согласно расчетам, могло к тому времени оказаться облако с частицами от взрыва.

Эксперты рассмотрели метод *обнаружения взрывов по радиосигналам*. Природа таких сигналов разногласий не вызвала. Однако некоторые американские эксперты, в частности А. Лэттер (наряду с *отцом* американской водородной бомбы Э. Теллером он был активным сторонником продолжения испытаний), выдвинули тезис, согласно которому появление радиоактивного сигнала от взрыва в атмосфере или космосе можно предотвратить, если *закранировать* бомбу бетонной оболочкой в несколько метров.

Теоретически это был возможный случай, но с практической точки зрения неосуществимый. Поэтому его обсуждение обернулось только тратой времени и не дало никаких результатов.

При рассмотрении метода регистрации радиосигналов западные эксперты поставили под сомнение целесообразность его применения. Желая подтвердить это, они дали советским ученым десять записей радиосигналов, предложив отметить, какие из них относятся к молниям, а какие – к взрывам. Для советских специалистов не составило труда ответить на этот вопрос. Мне пришлось переводить на этой встрече. Помню, как наши эксперты, просмотрев полученные записи, через десять минут вернули их западным коллегам и со словами «мы же ведь не школьники» показали три записи сигналов от молний, остальные фиксировали взрывы. Со своей стороны они привели экспериментальные и теоретические доводы, с которыми их западные представители не могли не согласиться. В итоге метод обнаружения ядерных испытаний в атмосфере с помощью радиосигналов был отражен в заключительном докладе экспертов и рекомендован к применению наряду с

акустическим методом в системе контроля над прекращением ядерных испытаний.

Больше всего времени на переговорах заняла дискуссия относительно *метода обнаружения ядерных испытаний по сейсмическим колебаниям* в земной коре, которые возбуждаются взрывами под землей. От этого метода во многом зависело создание сети наблюдения за прекращением ядерных испытаний. Дело в том, что от определения расстояний, на которых с помощью сейсмографов можно зарегистрировать ядерный взрыв под землей, во многом зависела плотность сети контрольных постов: если эти расстояния будут значительными, то число постов должно быть большим. Дальность обнаружения во многом определялась уровнем фона малых землетрясений, сигналы от которых могли записываться наряду с сигналами от взрывов. Задача состояла в том, чтобы отличить эти показания друг от друга.

Сейсмология накопила богатый опыт наблюдения за землетрясениями и взрывами устройств, начиненных обычной взрывчаткой. Что касается подземных ядерных взрывов, то к моменту начала встречи в Женеве был проведен всего лишь один такой взрыв в США в конце 1957 года. Ему было дано условное название *Райниер*.

Американские ученые стремились свести дискуссию к обсуждению собранных и обработанных ими материалов об этом взрыве. Они считали, что только на результатах этого эксперимента должны базироваться выводы и рекомендации, касающиеся обнаружения подземных испытаний.

Однако такой подход был неприемлем для другой стороны. Советские эксперты показали, что в целом сейсмические колебания от подземного ядерного взрыва, несмотря на ряд специфических особенностей, совпадают с теми, которые вызываются взрывами с применением тротиловой взрывчатки. В итоге для оценки возможностей обнаружения подземных ядерных взрывов был принят в расчет обширный материал наблюдения за сейсмическими колебаниями от обычных взрывов под землей. На основе этих данных эксперты вывели свои заключения о расстояниях, на которых можно с уверенностью при различном уровне помех зарегистрировать ядерный взрыв под землей, и рекомендовали использовать в этих целях соответствующую аппаратуру.

Основной помехой для контроля будет то, что сигналы естественных землетрясений могут быть приняты в некоторых случаях за сигналы от взрыва. Эксперты отметили, что таких землетрясений, которые по своей интенсивности соответствовали бы взрыву мощностью в пять килотонн, может быть от 20 до 100 в год на всем пространстве суши земного шара. Неопознанных землетрясений меньшей мощности будет больше.

Во многих случаях опознанию причины сигналов могут помочь наблюдения обычных сейсмических станций. Анализ записей таких станций, расположенных в районе сомнительного явления, даст возможность выявить некоторые особенности источника сигналов дополнительно к тем, которые были зафиксированы сравнительно неплотной сетью контрольных постов. Явления, которые вызывают подозрения, можно было бы для уточнения проверить путем проведения инспекции на месте.

При обсуждении сейсмического метода некоторые американские специалисты подняли вопрос о возможности сейсмической маскировки взрывов с помощью метода *большой норы*, то есть размещения ядерного взрывного устройства в глубокой полости под землей для приглушения сейсмического сигнала от взрыва. Ученые США и СССР сделали теоретические сообщения по этому вопросу. Однако советские эксперты считали обсуждение практических и технических аспектов этой проблемы преждевременным ввиду отсутствия точных расчетов величины сейсмического эффекта в глубокой подземной полости и трудности возведения огромных сооружений на глубине порядка одного километра. По этому вопросу единодушия между участниками совещания достигнуто не было.

После согласования методов обнаружения ядерных взрывов эксперты приступили к обсуждению вопроса об организации *системы контроля*, которая действовала бы на основе использования всех этих методов.

Произведенные атомные взрывы были зарегистрированы средствами, имевшимися у заинтересованных стран. Советская делегация для иллюстрации эффективности этих средств представила убедительные данные, которые оказались неожиданными для западных экспертов. Согласно этим данным, в ходе серии испытаний, проведенных Соединенными Штатами с 28 апреля по

26 июля 1958 года в районе Тихого океана, станции наблюдения на территории Советского Союза зарегистрировали различными методами, которые обсуждались на совещании в Женеве, 32 взрыва, хотя правительство США объявило только о 14 взрывах.

При наличии таких возможностей специальная служба, располагающая распределенной по всему земному шару сетью контрольных постов, необходима только для того, чтобы обнаруживать взрывы очень малой мощности, а также взрывы, специально маскируемые и производимые с этой целью в особых условиях.

Эксперты признали целесообразным создать на земном шаре сеть станций наблюдения или контрольных постов, а также центр, который координировал бы их работу. Каждый такой пост должен быть оборудован аппаратурой и приборами для применения согласованных методов обнаружения. Расстояния между постами, которые должны быть расположены вдали от больших промышленных центров во избежание электрических помех, определялись требованиями сейсмического метода.

Эксперты пришли к выводу, что персонал каждого поста должен состоять примерно из 30 человек, включая специалистов и технических сотрудников, необходимых для обслуживания.

Для размещения поста требовалась значительная площадь, так как расстояние между высокочувствительными сейсмографами должно быть не менее одного километра.

Длительная дискуссия развернулась в связи с вопросом о количестве постов. Советские эксперты предложили установить на земном шаре 100–110 контрольных постов. Представители США настаивали на создании более густой сети контрольных постов.

В целях выхода из тупика советская делегация предложила, чтобы контрольная сеть состояла из 150 постов. Американские эксперты ответили, что этого недостаточно, и назвали другую цифру – 650 постов, но обосновать ее сколько-нибудь вескими научными аргументами не смогли. Компромисс предложила английская делегация, предложив сеть из 180 постов. В конечном итоге было согласовано, что будет создана сеть, состоящая из 160–170 наземных контрольных

постов. Все эти дебаты показали, с каким трудом давалось достижение договоренности.

Что касается количества постов на различных континентах и в океанах, то было согласовано следующее: в Азии – 37 постов, в Северной Америке – 24, в Европе – 6, в Австралии – 7, в Арктике – 4, на островах – 60 и на кораблях в океанах – 10.

В дополнение к этой сети рекомендовалось осуществлять регулярные полеты самолетов над водными пространствами океанов для сбора радиоактивных продуктов в атмосфере. С учетом направления ветров маршруты таких полетов должны были совершаться в основном с севера на юг в центральных поясах и у берегов Атлантического и Тихого океанов. На аэродромах базирования самолетов, совершающих эти рейсы, должно быть установлено оборудование для анализа полученных проб радиоактивных продуктов.

В общую структуру контрольной системы эксперты включили и такой элемент, как инспекция на месте явлений, подозреваемых как ядерный взрыв. Такая инспекция была необходима для идентификации источника сейсмических колебаний, то есть для ответа на вопрос, был ли это ядерный взрыв или землетрясение. Факт проведения взрыва можно установить только в случае обнаружения на месте радиоактивных веществ, которые должны быть извлечены путем бурения почвы.

При обсуждении вопроса о посылке инспекции на место вновь возникли трудности. Западные делегации настаивали на расширении площади района, который должен был подвергнуться инспекционному обследованию, на проведении дополнительных полетов самолетов для аэрофотосъемки местности и т.п. С целью увеличить число инспекций американские специалисты высказывались за проверку не только явлений, подозреваемых как ядерный взрыв, но и всех естественных явлений, зарегистрированных контрольными постами, природу которых нельзя установить. В ходе дискуссии они от этой ненужной и неосуществимой идеи отказались.

По вопросу об инспекции была согласована следующая формулировка: «При обнаружении контрольными постами явления, которое не может быть опознано международным контрольным органом и которое можно подозревать как ядерный взрыв,

международный контрольный орган может направить на место этого явления инспекционную группу для того, чтобы определить, имел ли место ядерный взрыв или нет. Эта группа снабжается оборудованием или аппаратурой в соответствии с ее задачей в каждом конкретном случае».

Предусматривалось оснащение инспекционной группы самым разнообразным и сложным оборудованием, включая, например, механизмы для глубокого бурения. Площадь инспекционного обследования для опознания подземного ядерного взрыва могла охватывать районы до 200 кв. км.

21 августа 1958 года совещание, длившееся почти два месяца, провело свое последнее заседание. Эксперты единодушно одобрили доклад своим правительствам. Этот заключительный документ содержал описание каждого метода обнаружения ядерных взрывов с характеристикой его эффективности и рекомендациями по его применению в системе контроля. При этом давался перечень приборов, которые следовало установить на контрольных постах; указывалось число таких постов и их распределение на различных континентах и в океанах, а также описание основных особенностей контрольной системы в целом.

По предложению советской делегации эксперты особо отметили, что надежность системы контроля будет непрерывно возрастать по мере накопления знаний о природе естественных явлений, развития измерительной техники и увеличения чувствительности приборов.

Давая общую характеристику разработанной ими системы контроля, эксперты указали, что какие бы меры предосторожности ни принимались нарушителем, он никогда не может быть гарантирован от разоблачения, особенно если учесть проведение инспекции на месте подозреваемого взрыва.

Возвращаясь мысленно к тем дням, когда проходила встреча экспертов в Женеве, нельзя не вспомнить исключительно теплую и взаимно уважительную атмосферу, в которой проходила работа совещания. Чувствовалось, что встречались коллеги, знавшие друг друга до Женевы в большинстве случаев только по литературе, но относившиеся друг к другу, несмотря на все разногласия, с искренним почтением как к научным авторитетам. Им хотелось, хотя об этом и не говорилось вслух,

достичь договоренности, которая помогла бы разорвать порочный круг отношений *холодной войны*, тяготевшей над разумом всякого здравомыслящего человека и мешавшей нормальным контактам и обмену идеями между учеными.

В коммюнике для печати, опубликованном после завершения совещания, указывалось: «Совещание пришло к заключению, что технически осуществимо создать с определенными возможностями и ограничениями надежную и эффективную контрольную систему для обнаружения нарушения возможного соглашения о повсеместном прекращении ядерных испытаний».

Именно в этом заключении и состоял важнейший итог Женевского совещания экспертов. Комментируя выводы их доклада, И.В. Курчатов писал в 1959 году: «Иногда говорят, что нельзя контролировать, ведет ли государство испытания атомного или водородного оружия. Это – пустой и безответственный разговор. Хорошо известно, что существует много методов, при помощи которых взрывы атомных и водородных бомб могут быть зарегистрированы на дальних расстояниях. К ним относится, например, изучение сейсмических колебаний инфразвуковых волн и радиоактивности атмосферы. Совещание экспертов, состоявшееся в августе 1958 года в Женеве, показало полную возможность и реальность подобного контроля»¹¹.

Не менее значителен и другой аспект этой встречи: впервые за все послевоенные годы было показано – пусть на научно-техническом, а не на политическом уровне, – что при наличии доброй воли и делового подхода согласование сложных вопросов ограничения гонки вооружений вполне реально и достижимо.

При оценке обстановки, в которой проходило Женевское совещание, необходимо принять во внимание ту заметную степень недоверия, которая сковывала представителей сторон на переговорах, и влияние политической позиции, стоявших за ними столиц. Но ученые не могли отходить слишком далеко от научной истины и ради политической конъюнктуры жертвовать своим авторитетом. Е.К. Федоров, делаясь своими впечатлениями от встречи, писал: «[...] по многим вопросам имели место очень серьезные споры. Зачастую они возникали [...] в связи с попытками

специалистов западной стороны отстаивать положения, явно не имеющие научных обоснований. Мы отмечали, что в этих случаях активная роль отводилась не самым компетентным в научном отношении членам делегации. Вместе с тем, за исключением вызывающего наши сомнения снижения сейсмической активности подземного взрыва *Райниер* (она была снижена американцами по сравнению с ранее опубликованной ими же величиной), мы не отмечали с их стороны попыток заведомого искажения информации. В конечном счете логика научно обоснованной дискуссии снимала разногласия, и все решения совещания были приняты единодушно»¹².

После получения доклада экспертов правительства трех ядерных держав должны были выразить к нему свое отношение и определить, как они намерены продвигаться дальше в обсуждении проблемы прекращения ядерных испытаний. Как писал известный американский журналист Ч. Робертс, готовность Советского Союза согласиться со сложной системой контроля, выразившейся в договоренности, которая была достигнута с участием советских экспертов, «удивила, а если говорить более точно, – ошеломила Вашингтон»¹³.

Гораздо более высокий авторитет – президент Д. Эйзенхауэр писал в своих мемуарах: «Это было поразительно. Мы рассчитывали, что советские специалисты под воздействием политических указаний займут более негативную позицию, чем это оказалось на самом деле»¹⁴. Свое участие в переговорах по прекращению ядерных испытаний западные страны поставили в зависимость от решения вопросов контроля на техническом уровне. Теперь это условие было снято.

Советское правительство в своем заявлении от 30 августа 1958 года указало, что оно «тщательно изучило результаты работы Женевского совещания экспертов и считает необходимым заявить, что оно согласно со всеми заключениями и рекомендациями, содержащимися в докладе совещания относительно системы контроля за всеобщим прекращением ядерных испытаний»¹⁵.

Правительства США и Великобритании заняли иную позицию, более туманную и менее позитивную. На следующий же день после закрытия совещания – 22 августа 1958 года они опубликовали заявления идентичного содержания, в которых доклад экспертов

вежливо приветствовали, но при этом выражали лишь готовность «принять во внимание заключения Женевского совещания»¹⁶.

Одновременно обе западные державы заявили, что проведут в ближайшие месяцы новые серии испытаний и только после их окончания – 31 октября 1958 года – готовы будут приступить к политическим переговорам, но не о прекращении, а о приостановке испытаний.

В сентябре–октябре 1958 года США и Великобритания провели мощные серии ядерных испытаний – иногда по несколько взрывов в день. Накануне открытия политических переговоров, которое состоялось 31 октября, в штате Невада был произведен самый мощный в серии ядерный взрыв. Это наглядно показало, почему столь сдержаны были в своих оценках возможностей обнаружения взрывов американские эксперты и почему они отказывались тесно привязывать итоги научных дискуссий в Женеве к задаче прекращения опасных экспериментов с новыми образцами ядерных зарядов. В начале 1959 года американская сторона представила так называемые «новые сейсмические данные» и по существу отказалась от тех заключений, под которыми подписались видные ученые из США всего лишь полгода назад.

Политические переговоры по прекращению испытаний длились почти пять лет. Они завершились заключением в 1963 году Договора о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космосе и под водой¹⁷. Вне запрета еще долго оставались взрывы под землей. Выполнение этого договора контролируется с помощью национальных средств обнаружения, то есть без какого-либо международного контроля. Это во многом подтвердило правильность тех позиций по вопросу об обнаружении и идентификации взрывов, которые занимали в Женеве советские ученые.

Система контроля, выработанная в 1958 году, тогда не была развернута. Однако итоги Женевского совещания были предметом интенсивных обсуждений на переговорах с участием научных экспертов еще не один год. Они принесли несомненную пользу для достижения соглашения, которое избавило нашу планету от радиоактивного загрязнения, вызываемого ядерными испытаниями. В этом

его значении договор 1963 года о частичном запрещении ядерных взрывов в трех средах явился первым в истории крупным международным соглашением в области как ограничения вооружений, так и охраны окружающей среды. Разработанные учеными в 1958 году методы контроля явились той научной базой, которая в значительной мере облегчила создание системы мониторинга и контроля за соблюдением подписанного в 1996 году Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.■

¹Кузин А. Чем озабочены ученые. *Природа*, № 58, 1958, с.18.

²Pauling L. No More War. New York, Dodd, Mead & Co, 1958, p.102.

³*Известия*, 13 августа 1958.

⁴История советского атомного проекта. том 1, 1997, с.343.

⁵*U.S. Department of State Bulletin*, No.982, Vol.XXXVIII, 1958, p.642.

⁶Documents on Disarmament 1945–1959. Vol.II. Washington, Department of State Publication, 1960, p.1006, 1007.

⁷*Правда*, 12 мая 1958.

⁸Федоров Е.К. Научные аспекты политических переговоров. М., Наука, 1981, с.24.

⁹Documents on Disarmament 1945–1959. Vol. II. Washington, Department of State Publication, 1960, p.1053.

¹⁰Совещание экспертов. Док. EXP/NUC/28. В дальнейшем все цитаты из доклада даются по этому документу.

¹¹Лебединский А.В. (ред.). Советские ученые об опасности испытаний ядерного оружия. М., Атомиздат, 1959, с.4.

¹²Федоров Е.К. Научные аспекты политических переговоров. М., Наука, 1981, с.38.

¹³Roberts C. The Nuclear Years. New York, Praeger Publishers, 1970, p.46.

¹⁴Eisenhower D. The White House Years, Waging Peace 1956–1961. London, Heineman, 1966, p.477.

¹⁵*Правда*, 30 августа 1958.

¹⁶Documents on Disarmament 1945–1959. Vol.II. Washington, Department of State Publication, 1960, p.1111, 1112.

¹⁷См.: Смирнов Ю.Н., Тимербаев Р.М. Первый шаг к благоразумию в ядерном мире. (К истории заключения Московского договора 1963 года о частичном запрещении ядерных испытаний). *Ядерный Контроль*, №1, том 7, январь–февраль 2001, с.73-87.

Библиотека

СТИВЕН ФИЛИП КОЭН. ИНДИЯ: ВОСХОДЯЩАЯ ДЕРЖАВА. Институт Брукинга, 2001, xii+377 с.

STEPHEN PHILIP COHEN. INDIA: EMERGING POWER. Wash., D.C., Brookings Institution Press. 2001, xii+377 pp.

Основным достоинством этой монографии, написанной известным американским специалистом по Южной Азии, ныне ведущим научным сотрудником Института Брукинга, является *комплексный* подход к анализу тех значительных изменений, которые произошли в Индии за последние годы на пути к ее переходу в ранг крупной мировой державы. Развитие Индии, по оценке Стивена Коэна, во многом напоминает путь превращения Китая в державу мирового уровня, хотя она еще в ряде аспектов отстает от своего северного соседа. На всем протяжении своего аналитического повествования Стивен Коэн постоянно сравнивает эти две державы, явно имея в виду их потенциальное соперничество в качестве крупнейших и растущих факторов силы не только в Азии, но и в мире. И, конечно, его в первую очередь интересует, как на это реагировать Соединенным Штатам, каков должен быть их подход к новой геостратегической ситуации в Азии с точки зрения американских национальных интересов.

Автор особо выделяет то обстоятельство, что Индия, как и Китай, имеет ярко выраженную цивилизационную идентичность. По численности населения она стоит на втором месте в мире, только что пройдя миллиардную отметку. По размеру валового национального продукта Индия на одиннадцатом месте в мире (в 2000 году – 421 млрд долл. по сравнению с 929 млрд долл. у Китая), экономический рост за последние пять лет составлял 5–6%, что ниже китайского, уровень грамотности достигает только 56%, в то время как в Китае он существенно выше – 83%. На оборону Индия тратит 3% ВВП, а Китай – 5,3% (Пакистан – 6,5%). Отстает Индия от Китая и по предполагаемому количеству ядерных боезапасов – около 100 единиц по сравнению с китайскими несколькими сотнями, но значительно превосходит Пакистан, имеющий один–два десятка. По ракетным средствам доставки Пакистан, получающий помощь от Китая, не только не отстает, но, возможно, и превосходит Индию, которая, однако, в последнее время стала лихорадочными темпами догонять и скоро

заметно обойдет своего западного соседа. Индийский военно-морской флот меньше китайского, но, по мнению автора, укомплектован более квалифицированным и более опытным боевым составом.

Проследивая подход Индии к определению своего места в мире, Стивен Коэн рассуждает примерно так. С ее точки зрения идеальным был бы мир, состоящий из нескольких великих держав, каждая из которых доминировала бы в своем регионе, не вмешиваясь в дела других регионов. Однако, достичь этого так и не удалось. В период биполярного мира Индия стремилась использовать рычаг влияния, который давало возглавляемое ею Движение неприсоединения. Но с окончанием *холодной войны* и развалом одной *сверхдержавы* проблема роли Индии в мире возникла вновь. А тут стал возвышаться Китай. Решением было бы получение места постоянного члена Совета Безопасности ООН с правом вето. Но Индия относилась к числу *have-nots*, то есть государств, не обладающих ядерным оружием. И выход напрашивался сам собой.

Основным выразителем реалистического подхода во внешней политике считается Джасвант Сингх, нынешний министр иностранных дел, по мнению которого Индия должна придерживаться в ядерных делах, пишет Стивен Коэн, той же линии, что и другие ядерные державы, а именно: ядерное оружие не может быть использовано для какой-либо военной цели, но оно является символом национальной мощи. И хотя ядерное оружие не сможет решить великое множество проблем внешней и внутренней безопасности государства, Индия как страна, имеющая уникальный статус и способная оказывать цивилизационное влияние, не может обойтись без ядерного оружия. Но в Индии есть и влиятельные силы, которые продолжают следовать традициям Махатмы Ганди, и это создает крайне пеструю картину идеологических, религиозных и политических предпочтений, что накладывает отпечаток на принятие решений по военно-политическим проблемам. В этих условиях Индия «не сможет действовать на международной арене быстро и динамично. Скорее, она и дальше будет испытывать трудности в выборе курса и последовательности в его проведении. Индия не в состоянии быть тигром, однако может

стать тяжело передвигающимся, но все же более расторопным слоном» (с.126).

Представляет интерес сделанный автором анализ механизма принятия решений. Все концентрируется вокруг гражданского политического руководства — премьер-министра и его аппарата, которые опираются на МИД. Именно МИД держит в своих руках вопросы контроля над вооружениями, а военные традиционно, начиная еще с периода правления Джавахарлала Неру, практически отстранены от участия в принятии решений по стратегическим вопросам, включая проблематику ядерного оружия. Решения, относящиеся к ядерной программе, в каждом отдельном случае принимались премьер-министром устно, без письменных распоряжений, что давало ученым-ядерщикам возможность широко толковать их. В индийской иерархии недавно появился новый орган — Консультативный совет по национальной безопасности (National Security Advisory Board), состоящий из правительственных и неправительственных экспертов, который в 1999 году произвел на свет проект ядерной доктрины.

Тем, кто недостаточно хорошо знаком с индийским менталитетом и сложным взаимодействием различных политических, этических и иных тенденций, не так просто понять, почему движение Индии к обладанию ядерным статусом потребовало столь длительного времени. На это часто обращают внимание и другие иностранные наблюдатели¹. Считают, например, что Джавахарлал Неру, первым выступивший в 1954 году против ядерных испытаний, был противником создания ядерного оружия, но, между прочим, именно он незадолго до своей смерти принял решение о строительстве установки по переработке облученного ядерного топлива и выделению плутония, из которого и было создано первое ядерное взрывное устройство, испытанное в 1974 году (с.161-162).

Споры относительно ядерной программы ведутся уже около 50 лет и не прекратились даже после испытаний 1998 года. Но, по всей видимости, именно дебаты вокруг отношения к ДВЗЯИ в 1995–1996 годах в какой-то мере объединили сторонников и противников ядерного оружия. Решающим было указание индийского правительства своему представителю на Конференции по разоружению (20 июня 1996 года) заявить, что подписание договора затрагивало бы интересы

безопасности страны. Такое прямое заявление было сделано впервые. После этого «нуклеаризация смогла решить широкий спектр национальных, культурных и стратегических проблем. В результате создалась обстановка, в которой решение сделать ядерный выбор стало приемлемым внутри страны» (с.177).

Тем не менее и после испытаний дебаты вокруг ядерной бомбы продолжают и, очевидно, именно поэтому проект ядерной доктрины все еще остается проектом. Стивен Коэн насчитывает в индийской политической элите четыре основных группы, из которых три поддерживают ядерную программу, а одна выступает против.

Из числа сторонников этой программы *отвергатели* ядерного оружия (rejectionists) считают, что индийская программа является тем рычагом, с помощью которого можно заставить международное сообщество пойти на *справедливое* уничтожение этого оружия. *Прагматики* придерживаются мнения, что решение о проведении испытаний было преждевременным и нанесло удар по международному престижу Индии. Безопасность Индии обеспечивалась бы *мягким*, то есть необъявленным сдерживающим средством. К прагматикам Стивен Коэн относит генерал-лейтенанта в отставке В. Рагхавана и П.Р. Чари. *Максималисты* выступают за развертывание ядерного оружия и за обеспечение победы в ядерной войне. Ведущим теоретиком этой группы является Бхарат Карнад. Наконец, есть и *противники* ядерного оружия, и хотя их численность в последнее время уменьшилась, они продолжают пользоваться заметным моральным влиянием. Из них выделяются Канти П. Баджпай и Ачин Ванаик.

Касаясь отношений с Пакистаном, Стивен Коэн справедливо полагает, что тупик по кашмирской проблеме может продолжаться неопределенно долго и даже перерасти в очередную войну и что стороны самостоятельно, без посредничества со стороны других государств не в состоянии найти ее решение.

Значительное место автор, естественно, уделяет индийско-китайским отношениям. Наиболее раздражающим фактором в отношениях с Китаем он считает проблему Тибета. Индийцы не только приютили Далай-ламу и около 100 тыс. беженцев из Тибета, но и стремятся превратить его в буферное

государство. По-прежнему остается территориальный вопрос. Но главное – стратегическое соперничество за место первой державы Азии, которое потенциально будет усиливаться по мере наращивания индийского ракетно-ядерного потенциала. Сейчас обе державы стремятся поддерживать внешне нормальные отношения, но никто не в состоянии предсказать, как пойдет их дальнейшее развитие. Стивен Коэн не считает слишком надуманной возможность реализации мечты Джавахарлала Неру о налаживании добрососедских отношений с Китаем. Но тут же высказывает по меньшей мере странное предположение, что Индия может оказать помощь в ядерной области соседям Китая и даже Тайваню (!) (с.262).

Анализируя перспективы американо-индийских взаимоотношений, Стивен Коэн видит два «весьма различных подхода»: если Соединенные Штаты предпочитают *мягкий гегемонизм*, то Индия с давних пор отдает предпочтение существованию шести–семи крупных держав, каждая из которых несет ответственность за поддержание мира и стабильности в своем регионе, не вмешиваясь в дела других держав и сотрудничая с ними в Совете Безопасности ООН (с.295).

Между обеими странами имеются «крупные разногласия» по вопросу о расширении состава Совета Безопасности и предоставлении Индии места постоянного члена (там же). Россия же, по мнению автора, занимает *выжидательную* позицию в этом вопросе. Тут, как нам представляется, он не грешит против истины. Хотя Россия не раз декларировала поддержку включению Индии в Совет Безопасности, в том числе и на самом высоком уровне, не похоже, что российская дипломатия предпринимает энергичные практические шаги в этом направлении.

Автор выступает в пользу более активного развития отношений Соединенных Штатов с обоими южноазиатскими государствами в самых различных областях, включая и атомную, что представляется вполне логичным. Вместе с тем не может не вызывать удивления его мнение о том, что США должны быть готовы «поделиться своим

опытом» в разработке мер управления и контроля, системы раннего предупреждения, а также и ядерной доктрины, чтобы «помочь двум странам поддерживать надежное ядерное сдерживание по возможности с наименьшим количеством оружия и высокой степенью стабильности» (с.313-314). Совершенно очевидно, что предлагаемые шаги вступали бы в явное противоречие с обязательствами США по ДНЯО, в частности с положениями статьи 1 этого договора.

Несмотря на некоторые отмеченные сомнительные положения, работа Стивена Коэна является глубоким и обстоятельным исследованием, представляющим несомненный интерес для российских специалистов, занимающихся проблематикой Южной Азии и вопросами нераспространения и контроля над вооружениями. Вклад наших исследователей в изучение ядерных проблем Южной Азии пока что весьма скромный и ограничивается немногими статьями в периодической печати. Между тем значение региона, да и всей Азии с точки зрения интересов поддержания международной безопасности в XXI веке неуклонно возрастает. Можно с достаточным основанием предполагать, что по мере усиливающейся нуклеаризации азиатских государств (Индии, Пакистана, Китая, а к ним потенциально могут подключиться и другие страны Азии, например Япония) центр ядерной напряженности в перспективе может переместиться с Запада на Восток. Это не может не вызывать вполне законного интереса России, с точки зрения ее безопасности как евроазиатской державы, к проблемам ядерного распространения в Южной Азии, которая является близким соседом нашей страны и наших союзников в Центральной Азии.

Роланд Тимербаев

¹См., например: Perkovich George. India's Nuclear Bomb. The Impact on Global Proliferation. Berkeley, Los Angeles, London. University of California Press, 1999 (Рецензия Роланда Тимербаева на эту монографию опубликована в журнале: *Ядерный Контроль*, №4, том 6, июль-август 2000, с.82-85).

Новости ПИР-Центра

21 декабря 2001 года в ПИР-Центре в рамках исследовательского проекта «Стратегические треугольники в Северо-Восточной Азии» было проведено заседание Экспертно-консультативного совета. Его тема – «Северо-Восточная Азия: проблемы безопасности и интересы России». В центре обсуждения находился вопрос о стратегической роли Китая сегодня и в будущем. Несмотря на новую ситуацию, сложившуюся в мире после событий 11 сентября 2001 года, эта проблема, по мнению большинства экспертов, полностью сохраняет свою актуальность.

Заместитель директора Института США и Канады РАН Михаил **Носов** подчеркнул, что начиная с 1989 года в российско-китайских политических отношениях произошли значительные позитивные изменения: решен вопрос о границе; создана так называемая *Шанхайская пятерка*, доведенная недавно до *шестерки*; нормализована военная ситуация на границе; регулярно происходит обмен визитами на высшем уровне и т.д.

В экономических отношениях ситуация несколько иная. В начале девяностых годов, когда отношения российского Дальнего Востока с так называемым *материком* были практически прекращены, торговля с Китаем буквально спасла этот регион. В 1993 году объем товарооборота между Россией и Китаем составил 7,7 млрд долл. Но пик 1993 года был преодолен только в 2000 году. В 2001 году объем торговли, по некоторым оценкам, может подойти к 20 млрд долл., хотя эта цифра представляется завышенной. За исключением поставок вооружений и военной техники, Россия в целом оказалась неконкурентоспособной на китайском рынке. Китайцы не испытывают особой потребности в российских станках и оборудовании, предпочитая закупать современное оборудование и технологии в западных странах и Японии. Приграничная торговля, составлявшая более 50% товарооборота (а по некоторым оценкам, доходившая временами до 70%), стала сокращаться после того, как были усложнены проблемы перехода границы. Это негативно сказывалось на общем объеме торговли.

Вызывает беспокойство очень серьезное демографическое давление Китая на Россию. В провинции Хэйлунцзян, примыкающей к

российскому Дальнему Востоку, проживает более 120 млн человек, а на всем нашем Дальнем Востоке – 7,5 млн человек. С 1990 года население этого региона сократилось примерно на девять процентов.

Другая сторона стратегического треугольника в Северо-Восточной Азии – отношения между США и Китаем. И в России, и в Китае существуют очень серьезные проявления антиамериканизма. Но если российская торговля с Китаем в лучшем случае достигнет в 2001 году 20 млрд долл., то торговля между США и Китаем превысила в 2000 году 120 млрд долл. Если американские инвестиции в Россию составляют всего 2,5 млрд долл., то только подтвержденные американские инвестиции в материковый Китай (без Гонконга) составляют свыше 25 млрд долл.

После 11 сентября 2001 года китайцы вполне определенно поддержали США в войне с терроризмом. Пекин заявил, что готов участвовать в международном военном контингенте в Афганистане (хотя оговорил, что это относится только к Афганистану и что участие Китая в борьбе с терроризмом в других регионах мира возможно только по решению ООН), передислоцировал дополнительные войска в Синцзянь. Это несколько притушило проблему Тайваня, которая тем не менее остается. Руководство КНР не будет разжигать конфликт с Тайванем. Оно рассчитывает, возможно не без оснований, что с течением времени этот конфликт будет разрешен в пользу континентального Китая. В то же время политическая неопытность президента Джорджа Буша-младшего привела к тому, что США впервые отошли от принципа *стратегической неопределенности* в тайваньском вопросе. Раньше американцы не говорили о том, какова будет их реакция на попытку Китая военным путем решить проблему Тайваня, а также как США отреагируют на провозглашение Тайванем независимости. Джордж Буш-младший нарушил этот принцип, заявив, что, если Китай военным путем попытается решить тайваньскую проблему, США поддержат Тайвань всей мощью своих вооруженных сил. Тем не менее обе стороны прекрасно понимают, что военного решения тайваньской проблемы нет. Во многом это обусловлено объемом экономических отношений, который определяет острую заинтересованность как

США, так и КНР в поддержании стабильных экономических и политических отношений друг с другом.

До тех пор пока Россия не станет экономически весомой державой в Северо-восточной Азии и на Дальнем Востоке, — подчеркнул Михаил Носов, — ее роль в этом регионе будет невысокой. Раньше считалось, что экономический провал компенсируется нашей военной мощью. Но уже сейчас японский военно-морской флот превосходит по тоннажу и по количеству выходов в море российский Тихоокеанский флот. Говоря о подходе КНР к проблемам, связанным с выходом США из договора по ПРО, он отметил, что китайцы ведут достаточно активные переговоры с США и заявили, что не возражают против развертывания ПРО ТВД. Что касается национальной ПРО, то КНР продолжает выступать против.

Заместитель директора Института Дальнего Востока РАН Василий Михеев подчеркнул, что Китай готов участвовать в многосторонних переговорах по созданию новых механизмов глобального сдерживания гонки вооружения, в том числе распространения ядерного оружия. Он подробно развил тезис о том, что Китай — не угроза, а конструктивный фактор создания нового мирового порядка. Как и любая компартия, отметил Василий Михеев, КПК хочет сохранить власть. При этом пекинское руководство понимает, что сохранение власти в огромной стране, где 70% населения — полуграмотные крестьяне, невозможно без поддержания социальной стабильности, которая, в свою очередь, требует продолжения экономического роста. Последний же в условиях глобализации мировой экономики возможен только при интеграции Китая в глобальные и региональные экономические структуры. Свидетельство тому — вступление Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО). Китай пошел при этом на очень большие уступки, имея в виду, что вступление в ВТО открывает ему дорогу в будущее. Произошла своего рода негласная смена политики открытости на политику интеграции. Еще два-три года назад Пекин скептически относился к любым идеям многостороннего экономического сотрудничества. Сегодня же Китай инициирует создание зон свободной торговли с АСЕАН, а также с Японией и Южной Кореей, ведет теоретические разработки создания единой валюты в Северо-восточной Азии. Эти идеи далеки от практического воплощения, но они

свидетельствуют об изменении концепции открытости, о ее перерастании в концепцию интеграции. Все это ведет к дальнейшей либерализации экономической и финансовой жизни Китая.

Однако продвижение в сторону большей либерализации экономики, как отметил Василий Михеев, сталкивается с препятствиями идеологического порядка. Они постепенно преодолеваются. В частности, в 1999 году была принята поправка к Конституции, суть которой сводится к тому, что частная собственность, как и государственная, имеет право на существование. В целом же перспективы развития Китая связаны с приходом к власти нового, более прагматичного руководства. В этом свете большое значение может иметь XVI съезд компартии Китая, который состоится в конце 2002 года.

Гипотетическую угрозу Китай может представлять в случае экономического и социального коллапса. Если экономика перестанет развиваться нынешними темпами, прежде всего в результате сбоя в финансово-банковской системе, то весьма вероятны серьезные социальные потрясения. В свете этого, подчеркнул Василий Михеев, ни Россия, ни США не заинтересованы в ухудшении социально-экономической ситуации в Китае. Видимо, это был один из стратегических мотивов ускорения приема Китая в ВТО.

Экономическая взаимозависимость США и КНР, в том числе глубокая заинтересованность крупнейших американских корпораций в развитии связей с Китаем, обуславливают своего рода *предел ухудшения* американо-китайских политических и военно-политических отношений. Основные проблемы в этих отношениях — Тайвань и американское военное присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Но после событий 11 сентября 2001 года они не носят критического характера. Так, Китай не драматизировал выход США из договора по ПРО, ему невыгодна гонка вооружений, хотя в Пекине есть свои *ястребы*, прежде всего военные, стремящиеся получить больше средств из государственного бюджета. Однако решающую роль в формировании внешней и военной политики КНР играют не военные, а партийное руководство. В этом отношении показательно, что Китай поддержал действия США в Афганистане. Начав с заявления о борьбе с террористами на собственной

территории, Пекин согласился на обмен разведывательной информацией и не исключил возможности своего участия в миротворческих операциях в Афганистане. Военное присутствие США в Азиатско-Тихоокеанском регионе болезненно воспринимается китайскими военными, но в Пекине нередко считают, что «США могут контролировать море, а Китай будет контролировать в Азии сушу». После 11 сентября 2001 года на фоне улучшения общей атмосферы американо-китайских отношений тайваньская проблема несколько потеряла свою остроту. Более того, на Тайване еще не определились, хотят независимости или нет, тайваньское общество в этом отношении расколото.

Говоря о российско-китайских отношениях, Василий Михеев отметил, что до сих пор Китай пытался разыгрывать российскую карту в своих отношениях с США, так же как Россия это делала с Китаем. В перспективе же, подчеркнул он, отношения России с Китаем имеют шанс как на конструктивное развитие, так и на ухудшение. Он выделил несколько проблем, которые могут осложнить эти отношения. Одна из них связана с вопросами ПРО. Россия втянула Китай в свою игру с США по ПРО; но когда в Москве стали менять позицию по этой проблематике, то Китай об этом в известность не поставили. В свою очередь, в Китае долгое время шли дискуссии – что опасней: национальная американская ПРО или ПРО ТВД, развернутая вблизи КНР. Иногда говорилось, что национальная ПРО и договор по ПРО 1972 года Китай мало интересуют, а вот ПРО ТВД, действительно, представляет угрозу, потому что может прикрыть Тайвань. В этом случае Китай теряет силовые аргументы в противостоянии независимости Тайваня. Кроме того, Китай продолжает рассматривать НАТО как угрозу, и любой вариант союза (или сближения) России и НАТО вызывает беспокойство в китайском руководстве. В целом же, российско-китайские отношения, завершил свой анализ Василий Михеев, имеют шанс перейти на новый качественный уровень развития, но опираясь на улучшение российско-американских отношений.

Директор Центра политических и международных исследований Александр **Никитин** охарактеризовал современные тенденции гонки вооружений в Северо-Восточной Азии. Многие страны региона, подчеркнул он, постоянно указывают, что Китай противится перенесению принципов

ОБСЕ на переговорные процессы по разоружению в Азии. В Азии отсутствует комплекс соглашений в ядерной сфере, хотя и Индия, и Пакистан, и Израиль, и Китай являются ядерными державами. Особые опасения вызывает растущий интерес государств Азиатско-Тихоокеанского региона к ракетным вооружениям, в том числе к крылатым ракетам, а также к приобретению новых ядерных возможностей. Объем военных расходов государств Восточной Азии, отметил докладчик, вырос в девяностые годы примерно в два раза, достигнув к концу прошедшего десятилетия 170 млрд долл. Доля региона в американском военном экспорте увеличилась от 10 до 25%. Российский экспорт вооружений в страны Азиатско-Тихоокеанского региона также значителен. Почти 90% китайского импорта оружия после 1992 года приходится на долю России. Вместе с тем, подчеркнул Александр Никитин, Китай стремится расширить список стран, где он закупает вооружения.

Уровень безопасности в Северо-восточной Азии во многом зависит от развития ситуации на Корейском полуострове. Так, официальным поводом развертывания американской ПРО на Аляске является обретение ракетных возможностей Северной Кореей. Испытания КНДР ракеты *Тэподонг* изменили позицию Японии, которая в декабре 1999 года подписала соглашение с США о совместных разработках в области ПРО ТВД. Эти испытания показали уязвимость Японии, Южной Кореи и США. При этом после 11 сентября 2001 года северокорейскому ракетному потенциалу придается совершенно иное значение, чем ранее. Важно также, что, несмотря на имевшие место переговоры, Южная Корея не будет строить свою ПРО ТВД и не купит у России или у США компоненты соответствующих систем.

Современная *архитектура* военного противостояния в Восточной Азии опирается на потенциал Китая как гигантской континентальной региональной державы, а также на возможности США как крупнейшей морской державы. Эта военно-политическая ось не включает Россию. Доминирование в регионе американо-китайских отношений и американо-китайского баланса сил становится очевидным. В свете этого, заключил Александр Никитин, многое будет зависеть от того, станет ли Китай своего рода *вождем третьего мира*, пойдет ли он на гонку вооружений с США, в том числе на наращивание своих ракетно-ядерных

вооружений в ответ на планы развертывания национальной ПРО.

Доцент географического факультета Московского государственного университета Наталья **Зубаревич** посвятила свое сообщение социально-экономическому положению на российском Дальнем Востоке. Экономическое развитие этого региона в девяностые годы, подчеркнула она, характеризовалось опережающим, по сравнению с общероссийскими показателями, отставанием в развитии экономики; более заметным снижением уровня жизни и занятости; медленным и нестабильным ростом после финансового кризиса 1998 года и уменьшением роли региона в экономике страны.

При этом роль экспорта в экономике Дальневосточного региона ниже, чем принято считать. Так, доля Дальнего Востока в населении России составляет около 5%, в промышленном производстве также – около 5%, в иностранных инвестициях (главным образом, добыча нефти на сахалинском шельфе) около 23%, а в импорте и экспорте – примерно 2,5–3,0%. Это объясняется прежде всего тем, что круг основных экспортных ресурсов ограничен, а огромные потенциальные ресурсы Дальнего Востока дороги и труднодоступны.

Для оценки перспектив экономического и политического развития Дальнего Востока, отметила Наталья Зубаревич, необходимо учесть низкую степень финансовой и экономической самостоятельности. На Дальнем Востоке нет ни одного региона-донора; затраты на эксплуатацию жилья и объектов инфраструктуры в два–три раза выше средних по стране; крайне низка обеспеченность инфраструктурой; имеет место значительный дефицит электроэнергии. Доля федеральной помощи в бюджетных доходах колеблется от 18% в Хабаровском крае до 50% и более в Еврейской автономной области. Структура экономических связей региона свидетельствует о том, что он *замыкается в себе*: на внутрирегиональные связи приходится около 70% товарооборота, на международные – 15–20%, а на связи с другими регионами России – всего около 10%.

Перспективы экономического развития Дальнего Востока, подчеркнула Наталья Зубаревич, характеризуются своего рода *сжатием* экономического пространства и медленной интеграцией в мировой рынок.

Будет продолжаться точечное освоение наиболее значимых природных ресурсов; сохранится сырьевая ориентация. Можно предполагать, что созданные в советское время обрабатывающие производства в основном не восстановятся. Нет оснований надеяться на серьезный приток иностранных инвестиций. Это объясняется плохим *имиджем* региона в глазах иностранных инвесторов, неудовлетворительной институциональной и правовой средой, противодействием крупного российского бизнеса.

По мнению Натальи Зубаревич, не стоит преувеличивать экономическое и политическое значение китайской миграции. Географически она сосредоточена в узкой полосе на юге района, носит *маятниковый характер* и ограничена несколькими наиболее прибыльными отраслями – торговля, лесозаготовкой и сельским хозяйством.

В политическом плане главный вывод из выступления Натальи Зубаревич состоит в том, что экономическая ситуация на Дальнем Востоке и перспективы ее развития предостерегают проявление сепаратистских тенденций. Регион, за исключением нескольких сверхприбыльных проектов освоения природных ресурсов, оказывается непривлекательным для иностранных инвестиций; не может существовать без крупных федеральных дотаций и не обладает собственными финансовыми ресурсами для самостоятельного развития.

В заседании Экспертно-консультативного совета приняли участие представители российских государственных ведомств, в том числе представители МИД, Совета безопасности, СВР, Комиссии по международным связям и защите иностранных инвестиций, а также ведущие специалисты ПИР-Центра, Института мировой экономики и международных отношений РАН, Института Дальнего Востока РАН, Института стратегической стабильности, Российского института стратегических исследований, Института системного анализа, Московского Центра Карнеги, Комитета ученых за глобальную безопасность, Российского Пагуошского комитета, Центра политических и международных исследований, Центра экспортного контроля, Федерации мира и согласия, а также представители посольства Нидерландов и Всероссийской государственной телерадиокомпании.

За более подробной информацией о заседании Экспертно-консультативного совета просьба обращаться к заместителю директора ПИР-Центра Юрию Федорову по тел. (095) 234-05-25 или по электронной почте fedorov@pircenter.org.

1 февраля ПИР-Центр провел очередное заседание Экспертно-консультативного совета на тему «Состояние и перспективы программ содействия России по снижению угрозы распространения». В заседании приняли участие представители государственных структур, исследовательских центров, сотрудники посольств иностранных государств в Москве, а также члены Клуба ПИР-Центра.

Выступивший перед собравшимися заместитель начальника 12-го ГУМО генерал-майор РФ Владимир **Фролов** отметил, что сотрудничество министерств обороны России и США в рамках программы совместного уменьшения угрозы происходит в позитивном русле и оказывает существенную помощь в выполнении международных обязательств. За все время сотрудничества на программы, в реализации которых участвует министерство обороны России, было выделено около 300 млн долл. При этом основной акцент делается на обеспечение безопасности хранения и транспортировки ядерных боеприпасов, а также, что особенно важно в настоящее время, на профилактику угроз террористических актов. Как заявил Владимир Фролов, смена администрации США привела к пересмотру программ сотрудничества с Россией, следствием чего стало отсутствие продвижения в этой области, но в то же время ранее достигнутые договоренности выполнялись.

Как отметил генерал Фролов, основными проблемами сотрудничества являются проблемы обеспечения доступа на объекты министерства обороны, налогообложения, а также расходования выделяемых средств на работы, непосредственно не связанные с обеспечением безопасности ядерных боеприпасов (решение социальных проблем военнослужащих, экологическая реабилитация, переобучение специалистов).

Владимир Фролов также отметил, что другие государства, кроме США, пока не принимают участия в сотрудничестве по обеспечению безопасности ликвидируемого ядерного оружия.

Сотрудник аппарата правительства РФ Наталья **Калинина** в своем выступлении рассказала о международном содействии России в области уничтожения химического оружия. Среди основных направлений сотрудничества г-жа Калинина отметила:

- создание Центральной лаборатории по химико-аналитическому контролю за работами в области химического разоружения;
- содействие в создании объекта по уничтожению химического оружия в г. Щучье Курганской области;
- помощь в демилитаризации бывших объектов по производству химического оружия.

Как заявила Наталья Калинина, существенное влияние на реализацию совместных программ в области химического разоружения оказывает политический фактор. Среди основных проблем были отмечены невозможность долгосрочного планирования по причине необходимости ежегодного утверждения бюджета, а также распределение финансовых средств между российскими и американскими участниками сотрудничества.

Как сообщила Наталья Калинина, в октябре 1999 года Конгресс США принял решение о прекращении финансирования работ по уничтожению химического оружия в России. Решения о возобновлении сотрудничества до сих пор не принято. Как отметила г-жа Калинина, такая политика США может свидетельствовать о намерении сорвать выполнение Россией международных обязательств в области химического разоружения и тем самым оправдать свой выход из Конвенции о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении.

Помощь со стороны европейских государств также носит «больше политический характер, чем сущностно-материальный».

К существенным недостаткам Наталья Калинина также отнесла отсутствие должной международной и внутрисерийской координации по программам помощи в уничтожении химического оружия. В настоящее время на решение этой проблемы должны быть направлены основные усилия.

Сотрудник аппарата комитета по обороне Государственной Думы РФ Петр **Ромашкин**

рассказал об отношении Госдумы к программам совместного уменьшения угрозы, реализуемым в России. Он отметил, что процесс нераспространения тесно связан с договорными ограничениями стратегических вооружений. Поэтому, учитывая складывающуюся сейчас ситуацию в этой области, можно сказать, что «ориентация программ содействия России по снижению угрозы нераспространения ядерного оружия только в рамках выполнения договорных обязательств по СНВ-1 и СНВ-2 становится юридически не обоснованной». Программы по снижению угрозы должны будут приспособиться к новым условиям.

Г-н Ромашкин отметил необходимость активизации усилий в области утилизации оружейных ядерных материалов и выводимых из состава стратегических и многоцелевых атомных подводных лодок.

Петр Ромашкин также отметил, что непродуманная законодательная деятельность может нанести ущерб реализации программ совместного уничтожения угрозы, и привел в качестве примера имевшие место попытки принятия закона «О перечне отраслей, производств, видов деятельности и территорий, в которых запрещается или ограничивается деятельность иностранных инвесторов». В соответствии с этим законопроектом, в частности, запрещались иностранные инвестиции в перемещение, утилизацию, захоронение и уничтожение отходов ядерного комплекса и ядерных установок, а также в экспорт, импорт, складирование, размещение, утилизацию, переработку и захоронение, уничтожение токсичных и радиоактивных веществ и материалов.

Начальник отдела по надзору за физической защитой ядерно- и радиационно-опасных объектов Госатомнадзора РФ Александр Санин рассказал о сотрудничестве в области модернизации систем физической защиты, учета и контроля ядерных материалов (СФЗУК ЯМ) на объектах, не входящих в систему Минатома России. К исполнению работ по совершенствованию СФЗУК ЯМ на включенных в программу объектах привлекались различные российские поставщики оборудования, значительный объем работ также был выполнен коллективами объектов. Как отметил г-н Санин, все работы велись под постоянным контролем территориальных органов Госатомнадзора РФ. Общий объем

проведенных работ составил более пяти миллионов долларов.

Как заявил Александр Санин, на новом этапе сотрудничества основными целями являются:

- обеспечение работоспособности и эффективной эксплуатации усовершенствованных СФЗУК ЯМ;
- доработка СФЗ по результатам их опытной эксплуатации;
- консолидация ядерных материалов с целью передачи их с ядерно-опасных объектов с низким уровнем защищенности на другие объекты, ограничение числа объектов, на которых находятся ядерные материалы прямого использования.

Представитель Госатомнадзора РФ высоко оценил результаты международного сотрудничества, выразив надежду, что оно будет успешно продолжаться и послужит главной цели – обеспечению безопасности использования атомной энергии и укреплению режима нераспространения ядерных материалов.

По окончании основных выступлений представители Минатома и Российского агентства по боеприпасам коротко охарактеризовали ход международных программ сотрудничества в своих ведомствах.

Заседание Экспертно-консультативного совета завершилось дискуссией по вопросам, затронутым в выступлениях докладчиков.

За более подробной информацией о заседании Экспертно-консультативного совета просьба обращаться к младшему научному сотруднику ПИР-Центра Виталию Федченко по тел. (095) 234-05-25 или по электронной почте fedchenko@pircenter.org.

8 февраля в ПИР-Центре состоялась двусторонняя неформальная встреча российских и американских правительственных и неправительственных экспертов на тему: «Структура транспарентности в новом российско-американском стратегическом формате».

Встречу организовали и провели ПИР-Центр и Фонд Карнеги за международный мир (США) в рамках осуществляемого ими совместного проекта.

От ПИР-Центра во встрече приняли участие Владимир Дворкин, Василий Лата, Владимир

Орлов, Роланд Тимербаев, Юрий Федоров. Фонд Карнеги был представлен Александром **Вецко**, Джоном **Вольфсталем** (Jon Wolfsthal), Роуз **Геттемюллер** (Rose Gottenmoeller), Робертом **Нуриком** (Robert Nurick), Александром **Пикаевым**. Также на встрече присутствовали эксперты российских государственных и неправительственных организаций, в том числе министерства обороны, министерства иностранных дел, Минатома, правительства Москвы, ФСБ, РНЦ Курчатовский институт, принявшие участие в личном качестве.

На обсуждение было предложено три доклада: Роуз Геттемюллер «Структура транспарентности в новом российско-американском стратегическом формате»; Владимира Дворкина «Предложения по новому формату стратегических отношений России и США в области наступательных и оборонительных вооружений» и совместная работа Юрия Федорова и Роланда Тимербаева «Новые стратегические взаимоотношения России и США: необратимость мер доверия, транспарентности и проверки».

Темы предложенных докладов особенно актуальны теперь, когда президент Путин и президент Буш поставили задачу достижения нового соглашения о сокращении стратегических ядерных вооружений к моменту их встречи в России в мае 2002 года.

На первой части встречи председательствовал директор ПИР-Центра Владимир Орлов, который открыл встречу. Во второй части заседания председательствовал Александр Пикаев. С заключительными комментариями выступил заместитель директора ПИР-Центра Юрий Федоров.

Все заседания рабочей группы проходят в режиме *не для печати*, такой же статус имеет и проект рабочего документа.

За более подробной информацией о встрече следует обращаться к Юрию Федорову по тел. (095) 234-05-25 или по электронной почте fedorov@pircenter.org.

15 февраля ПИР-Центр совместно с Центром изучения проблем нераспространения Монтерейского института (США) и Центром исследования проблем нераспространения (Украина) провел в отеле Савой конференцию «Совместный ответ на распространение

ракет и ракетных технологий: взгляд из России».

В конференции приняли участие более 50 экспертов из России, США, Великобритании, Украины и Казахстана. Среди них – крупнейшие специалисты в области нераспространения и безопасности, представляющие как научные организации, так и исполнительную власть.

С приветственными словами к участникам конференции обратились директор ПИР-Центра Владимир **Орлов**, исполнительный директор представительства Центра исследований проблем нераспространения Монтерейского института международных исследований в СНГ Дастан **Елеукенов** и директор Центра исследования проблем нераспространения Володимир **Чумак**.

С развернутыми докладами выступили старший научный советник ПИР-Центра Владимир **Дворкин** и старший научный сотрудник Международного института международных исследований (Лондон) Гэри **Сеймор** (Gary Samore).

Владимир Дворкин отметил, что «в ряде стран *третьего мира* проводятся работы по совершенствованию ракетного оружия тактического и оперативно-тактического назначения с обычным и, возможно, химическим боевым оснащением с дальностью полета от 80 до 700 км. Большое внимание уделяется увеличению максимальной дальности полета баллистических ракет, улучшению точности попадания и разработке новых вариантов их боевого оснащения, повышению живучести и надежности ракетных комплексов».

«При оценке ракетных программ стран *третьего мира*, – подчеркнул Владимир Дворкин, – приходится учитывать, что баллистические ракеты относительно большой дальности с боевым оснащением на основе обычного взрывчатого вещества представляют собой крайне неэффективные системы вооружения. Поэтому привлекательность освоения многими государствами ядерных технологий и приобретения способности к производству ядерных боезарядов более чем очевидна. Что касается возможности оснащения баллистических ракет другими видами оружия массового уничтожения (химическое, бактериологическое, радиологическое оружие), то исключать этого полностью нельзя».

Гэри Сеймор охарактеризовал несколько направлений политики нынешней американской администрации. В частности, он отметил, что после прихода к власти администрации Буша США стали придавать особое значение противоракетной обороне как ответу на распространение ракет, включая свое решение выйти из договора по ПРО. «Несмотря на развертывание ПРО, – сказал он, – администрация Буша будет расширять экспортный контроль, искать способы ограничения ракетных программ, укреплять международный режим нераспространения ракет и ракетных технологий».

Во время конференции обсуждались три группы вопросов:

- вклад России в нераспространение ракет и ракетных технологий;
- международное промышленное сотрудничество как средство нераспространения ракет и ракетных технологий;
- противоракетная оборона: арена сотрудничества или поле противоборства?

На первом заседании свои доклады представили Элина **Кириченко** (ИМЭМО РАН), Валерий **Фомин** (МИД РФ), Раймонд **Хотц** (Raymond Hotz) (государственный департамент США) и Евгений **Зведе** (МИД РФ).

В своем выступлении Элина Кириченко отметила, что «в области контроля за ракетными технологиями есть позитивные идеи и проекты. Глобальная система контроля за нераспространением ракет и ракетных технологий, предложенная Россией, дает основу для обсуждения. Проект Международного кодекса поведения против распространения баллистических ракет может стать основой для будущего глобального договора».

Валерий Фомин, говоря о проекте Международного кодекса поведения (МКП), отметил, что на состоявшейся на днях в Париже первой многосторонней встрече по проекту кодекса выявился довольно широкий диапазон мнений. Прозвучали, в частности, предложения перевести работу над проектом кодекса под эгиду ООН или Конференции по разоружению.

Евгений Зведе в своем докладе подчеркнул, что важное направление, по которому идет настойчивый поиск решения проблемы

ракетного распространения, где Россия принимает самое активное участие, – это работа, проводимая группой правительственных экспертов по оказанию содействия генеральному секретарю ООН в подготовке доклада о ракетах во всех его аспектах. Он также подчеркнул: «Какое бы название ни получил новый режим, сейчас на наш взгляд, вполне определены те основополагающие принципы, которые должны лечь в его основу, чтобы сделать его общепризнанным и жизнеспособным механизмом, способным прийти на смену РКРТ. Безусловно, всеобъемлющий, юридически обязывающий, недискриминационный, распространяющийся на все виды использования, производства и испытания ракетной техники, обеспечивающий транспарентность и верификацию международный инструмент был бы самым оптимальным средством прекращения ракетного распространения».

На второй сессии с докладами выступили Алексей **Гаврилов** (представительство компании *Boeing* в России и в странах СНГ), Алексей **Краснов** (Российское авиационно-космическое агентство) и Деннис **Максуини** (Dennis McSweeney) (представитель НАСА в России).

Общий итог дискуссии, состоявшейся на этой сессии конференции, можно выразить словами заместителя начальника Управления по международному сотрудничеству Росавиакосмоса Алексея **Краснова**, который заявил, что «международное промышленное сотрудничество между Росавиакосмосом России и Национальным аэрокосмическим агентством США по изучению и освоению космического пространства (НАСА) способствует сдерживанию распространения высоких военных технологий».

На третьем пленарном заседании «Противоракетная оборона: арена сотрудничества или поле противоборства?» выступили: Дэвид **Кифер** (David Kiefer) (Организация по обороне от баллистических ракет (BMDO) министерства обороны США), Владимир **Мальцев** (Военная академия РВСН им. Петра Великого), Аркадий **Яровский** (Международный университет Фредерика Тейлора), Василий **Лата** (ПИР-Центр) и Иан **Кеньон** (Ian Kenyon) (Университет Саутгемптона).

Сотрудник американской Организации по обороне от баллистических ракет Дэвид

Кифер охарактеризовал основные направления разработки системы ПРО США.

Владимир Мальцев заявил, что «узловым элементом национальной системы ПРО, способным интегрировать в ее состав и комплексы ПРО ТВД, является система SBIRS. Поэтому данный подход необходимо использовать при создании коллективной системы защиты от ракетной угрозы, когда в формировании орбитального информационного компонента будут участвовать несколько государств, способных развернуть сегментированную наземно-орбитальную инфраструктуру, обеспечивающую эффективное функционирование коллективной системы ПРО».

Аркадий Яровский остановился на советской (российской) программе противоракетной обороны и на перспективах российско-американского сотрудничества в этой сфере. Иан Кеньон проанализировал подход европейских государств к вопросам распространения ракет и ракетных технологий и ПРО.

В конференции приняли участие представители российских государственных ведомств, в том числе представители министерства иностранных дел РФ, министерства обороны РФ, министерства экономического развития и торговли РФ, Конституционного Суда РФ, Службы внешней разведки РФ, Главкосмоса, а также ведущие специалисты ПИР-Центра, Института мировой экономики и международных отношений РАН, Российского института стратегических исследований, Института стратегической стабильности, Московского Центра Карнеги, Комитета ученых за глобальную безопасность, Центра политических и международных исследований, Центра по изучению проблем разоружения, Центра экспортного контроля и др. Кроме того, на заседании присутствовали представители посольств США и Израиля, а также корреспонденты *РИА-Новости*, *Итаp-Tacc*, *Фигаро*, *AFP*, *Associated Press*, *Strana.Ru* и китайской газеты *Гуанмин Жибао*.

За более подробной информацией о конференции просьба обращаться к администратору проекта ПИР-Центра «Нераспространение ракет и ракетных технологий» Марсалине Цыренжаповой по тел. (095) 234-05-25 или по электронной почте tsyrenjapova@pircenter.org.

«Международное сотрудничество России в области физической защиты, учета и контроля ядерных материалов» в рамках проекта по оценке программ содействия Российской Федерации в области нераспространения.

С сообщением выступил младший научный сотрудник ПИР-Центра Дмитрий **Ковчегин**. В ходе дальнейшей дискуссии были обсуждены текущие проблемы обеспечения сохранности, учета и контроля ядерных материалов в России, а также состояние и перспективы развития международного сотрудничества в этой области.

В работе круглого стола приняли участие эксперты Госатомнадзора РФ, Представительства Европейской Комиссии в России, компании *NAC-International*, ПИР-Центра, ИМЭМО РАН, Центра политических и международных исследований, РНЦ Курчатовский институт, Физико-энергетического института, министерства иностранных дел РФ, ЦНИИАтоминформа, министерства энергетики США, посольства Великобритании.

6 марта ПИР-Центр провел заседание круглого стола на тему «Международное сотрудничество России в утилизации и прекращении производства оружейных ядерных материалов» в рамках проекта по оценке программ содействия Российской Федерации в области нераспространения.

С сообщением выступили: первый секретарь посольства Великобритании Саймон **Эванс** (Simon Evans) и младший научный сотрудник ПИР-Центра Дмитрий **Ковчегин**. В последовавшей дискуссии приняли участие эксперты Представительства Европейской Комиссии в России, посольства Великобритании, Московского Центра Карнеги, Физико-энергетического института, ИМЭМО РАН, Госатомнадзора РФ, РИСИ, Минатома РФ, министерства иностранных дел РФ, Московского инженерно-физического института, министерства энергетики США.

В ходе дискуссии были обсуждены вопросы утилизации и прекращения производства оружейного плутония, реализации российско-американской сделки ВОУ-НОУ, а также текущее состояние и перспективы развития международного сотрудничества в указанной сфере.

Yaderny Kontrol (Nuclear Control)
International Security. Arms Control. Non-Proliferation
Journal of the PIR Center for Policy Studies
Volume 8
Number 2, March-April, 2002

The **Editorial** entitled «**Cooperative Actions in Response to a Common Threat**» states that «The inevitable large-scale reduction of former Soviet arsenals of weapons of mass destruction (WMD) and the conversion of military production, safe keeping of related materials and technologies, as well as prevention of their proliferation turned out to be among the main problems of the post-Cold War world policy. In its attempts to solve these problems Russia has depended, depends now, and will depend in the foreseeable future on international support.

The USA renders the majority of international support to Russia in this field. In 2001 two events had particular influence on the development of US/Russian collaboration for cooperative threat reduction.

After taking office in the White House, the new administration initiated a comprehensive review of the wide spectrum of cooperation programs in the field of nonproliferation. Supporting Russia in this field was recognized to be in conformity with the interests of US national security.

The accuracy of this conclusion was confirmed by the tragic events of September 11, 2001. These events have shown, with the utmost clarity, where the threats to security stem from today, and they have pointed out to urgent necessity of more active bilateral and multilateral efforts of states aimed at the nonproliferation of WMD and their delivery systems, secure storage of materials which can be used for making nuclear, chemical, biological or radiological weapons, improvement of the associated facilities' physical protection systems, as well as prevention of critical knowledge and technologies falling into the hands of terrorist groups and so called *states of concern*, and they acquire a particular significance in the present-day circumstances.

Statements from President George Bush and high-ranking officials of his Administration, and the significant increase of the cooperative threat reduction programs' funding foreseen by the US for the FY 2003 draft budget are evidence of the United States' firm intention to go on with its cooperation with Russia and to expand it in the most important fields. In accordance with the US Administration FY budget request, outlays for

programs in the nonproliferation field are supposed to grow by more than 20 % without taking into account additional funding.

However, as Senator Sam Nunn, Co-Chairman of the *Nuclear Threat Initiative*, stated, «the threat of terrorism and weapons of mass destruction have spread all over the world. The United States and Russia are not able to counteract it on their own [...] we, – he stressed have to lead the world together, combining efforts in fight against the horrors of terrorism.»

Unfortunately, it is too early at present to talk of an equal Russia/USA full-scale partnership in nonproliferation affairs. Quite often in Russia, it is thought that the USA does not always take into account Russian attitudes in the process of cooperative proliferation threat reduction programs' elaboration and implementation. Representatives of Russian enterprises and state institutions say that their American partners often make unilateral decisions without any coordination of their actions with Russian participants.

In turn, the lack of knowledge and insufficient adherence of the Russian political elite to goals and principles of cooperation with the United States essentially decrease the capability of cooperative threat reduction, limited as it is. Contradictions in the sphere of strategic arms, recalling the traditional nuclear deterrence logic of the Cold War time, still prevail in the political sphere and hamper any constructive efforts in the field of nonproliferation.

The realization of the necessity of concerted actions on an equal footing should become the first step towards further development of Russian/American cooperation in the field of nonproliferation. In this regard, some other states could be involved in such cooperation as either donors, including European states and Japan, or the aid recipients.»

Alexander Savelyev in his article «**Does the USA Review Its Nuclear Deterrence Strategy?**» claims that «According to reports that appeared in January 2002, the process of reviewing nuclear strategy is over in the United States. Non-classified clauses of the so-called US *Nuclear*

Posture Review prepared jointly by the Department of Defense with the Department of Energy by request of the US Congress were published. The document contains both the main provisions of the US nuclear strategy for the future and concrete plans on change of the existing deterrence system so that it would answer to greater degree the world's military & strategic situation for the foreseeable period (ten years).

As far as one could judge from information given to the public, in the next ten years, radical changes have to take place in the United States in theoretical approaches to the problem of deterrence and nuclear weapons' role in ensuring the country's security. Demotion of the strategic triad's status from that of deterrence as the central element to merely one of the *points* of a new structure of the strategic forces is one of the most important anticipated changes. The defense system (including strategic missile defense) and so called *reaction forces* – the structures that would allow reaction in a short time to a changing strategic situation and make it possible to quickly increase the US military power in the most important sectors in every concrete case – should become two other *points* of the new US strategic triad. The new triad is to be unified under an advanced system of command, control, reconnaissance, and operation planning.»

Alexander Rumyantsev, RF Minister of Atomic Energy, in his interview «**The Issues of Nuclear Safety and Security Are Under Unabated Control of the Country's Top Leadership**» says, that «Currently more than 40 nuclear-hazardous objects are under the jurisdiction of Minatom. Those and other objects need increased attention, especially after the horrible terrorist acts against the USA. That's why the leadership of Minatom is intently involved in issues of upgrading the nuclear-hazardous objects' physical protection, and nuclear materials accounting and control improvement.»

Andrei Borisenko, Leonid Chumenko in their analysis «**Negotiations on Tactical Nukes: Problems and Prospects**» say, that «Further evolution of the negotiations process on the problems of strategic nuclear weapons limitation and reduction is impossible without considering issues linked with the limitation and abolition of tactical nuclear weapons (TNW). In order to solve the problem, it would be necessary to draw other states possessing nuclear weapons into the negotiation process. At this stage it would be possible to bring it into action in the form of taking on commitments by the states to keep themselves from raising their nuclear forces, and

in future, probably, in the form of coordination and the setting up of national maximum levels for each nuclear power. When considering the issue of limiting TNW dual-use carriers, restrictions posed on them by the *Conventional Armed Forces in Europe Treaty* should be taken into account.

Both tactical nuclear munitions proper and their delivery systems may be the subject of future agreements on TNW limitation and reduction. The levels of quantitative and qualitative restrictions posed on them should be determined as a result of a thorough assessment of both the TNW types' contribution towards ensuring our state's military security and the actual capabilities of our industry to dismantle and dispose of the arms to be reduced. The agreements can pose quantitative and qualitative restrictions on tactical nuclear munitions, but as for TNW delivery systems, any restrictions should be placed only on their performance. For the purpose of controlling implementation of the assumed obligations concerning TNW limitation, all available measures and techniques of monitoring can be used.

In the near future a number of practical measures for TNW limitation, besides the existing unilateral initiatives of the USA and RF, may be implemented in order to consolidate international security.»

Irina Kupriyanova in her article «**The Assessment of Efficiency of US Programs in the Field of Nuclear Materials Protection, Control, & Accounting in Russia**» reports, that «During the five years since its initiation, the cooperation evolved dynamically, and it was not always possible to reveal trends and to mark reefs. When developing the methodology of the assessment of US programs' efficiency, it seems to be important to single out the main *variables*, which should be measured in the process of feedback monitoring, i.e. the control for the performance of the upgraded (through US aid) MPC&A systems. In the first years of the cooperation, 'thoroughly structured systems of criteria' were not used, and this didn't allow a quantitative *measure of progress* .

The problems of management and training should attract the attention of both parties, so that in a case of success we'll get increasing devotion by the Russian nuclear objects personnel to observe of all set procedures instead of the trend of violating them for various reasons, as frequently occurs currently. This trend is directly related to issues of the safeguards culture.

Summing up the difference in the two states' cultures of conducting affairs and thoughts on the omnipresent *what is to be done* subject, I'd like to propose the first and foremost recommendation : that working out a joint cost estimate or a joint budget is necessary.»

In the article «**The US National Ballistic Missile Defense**» by **Vladimir Vasilyev, Vasily Lata, and Vladimir Maltsev** the peculiarities of building the US National ballistic missile defense are analyzed and main problems related to development, deployment, and funding of its information, as well as management and striking components are discussed on the basis of reference to the major global trends in military science and special features of formation in information & the combat technosphere of waging wars.

Alexander Kalyadin in his commentary «**The Next Chance (as Regards Extension for Five Years of the Total Time Period of the Chemical Warfare Stocks' Destruction in the Russian Federation)**» reports that «The new version of the 1996-approved Federal program 'The Chemical Warfare Stocks' Destruction in the Russian Federation' envisages the implementation of provisions of the *Chemical Weapons Convention* in full scale, ascertains the RF adherence to the goals of total chemical disarmament, and the RF Government's readiness to strain maximum efforts to fulfill the Convention's requirements. At the same time, the document offers new solutions in many respects and the attitudes of discharging Russian obligations under the *Chemical Weapons Convention*. First of all, this relates to the terms and stages of the chemical warfare (CW) stocks' abolition, the creation of a technical base for CW destruction, the program's resource support, a number of the main program measures, the role of international cooperation, and the program's implementation mechanism. In the new version of the program provisions regarding environmental monitoring, the ensuring of CW safe storage, transportation, and destruction are expanded and intensified. All of the common concerned participants of the former Soviet Union in the chemical arsenals' abolition process have to make appropriate conclusions from the unfortunate lessons of the past decade, go to a steady long-term partnership, and show an unabated political

will to getting a joint solution of complicated problems left over from the 1990's.»

Raisa Martynyuk, Sergei Netesov, Lev Sandakhchiyev in their commentary «**International Centers as the Basis in the Fight Against Infectious Diseases and the Counteraction to Bioterrorism**» report, that «in the last decade the attention of political, military, and civilian experts regarding the problem of bioterrorism has been steadily increasing. Eventual biological agents of virus or bacterial natures are considered, and probable counteraction variants, the provision of anti-epidemic services with trained personnel, and diagnostic means and medicines are assessed.

As a rule, scenarios of bioterrorist incidents are extremely pessimistic, both from the viewpoint of human losses and procedures to minimize the direct consequences of such actions, and also for the compensation of damage due to disorganization of the region's economy and easing the psychological after-effects on the population. Terrorism today is a growing industry, and an eventual chemical or biological action forecast is more and more frequently discussed in terms of *not if, but when.*»

An article by **Vladimir Shustov** «**The Expert Meeting on Feasibility Study of Detecting Violations of the Agreement on Nuclear Tests Cessation**» is devoted to the history of convening and conducting meetings of scientists from the East and West to study the issue of detecting nuclear weapons test explosions. The meeting was held in Geneva in July-August 1958. This precedent-setting meeting of scientists engaged in developing nuclear and thermonuclear munitions held a great historical significance. It allowed the conclusion in 1963 of a treaty banning nuclear weapon tests in the atmosphere, in space, and under water (the *Limited Test Ban Treaty*), putting an end to contamination of the environment by dangerous radioactive products from the experiments with nuclear weapons. In the end it allowed later agreement on the Comprehensive Tests Ban Treaty, underground explosions inclusive. After the Geneva meeting, scientists always took part in all negotiations devoted to nuclear arms race limitation, side by side with diplomats and military.

Об авторах

Борисенко Андрей Станиславович – кандидат технических наук, старший научный сотрудник. Родился в 1965 году в Днепропетровске, Украина. В 1987 году закончил механико-математический факультет Днепропетровского государственного университета, а затем в 1989 году – Военную академию им. Ф.Э. Дзержинского. В настоящее время – начальник отдела Центрального научно-исследовательского института министерства обороны. Принимал участие в подготовке предложений по проблемам ограничения и сокращения стратегических наступательных вооружений. Автор более 40 научных работ.

Васильев Владимир Алексеевич родился в 1937 году в Москве. В 1961 году окончил Военную инженерную артиллерийскую академию им. Ф.Э. Дзержинского, в 1980 году – Военную академию им. М.В. Фрунзе. В 1975 году защитил диссертацию на соискание научной степени кандидата технических наук. С 1987 года доцент кафедры Радиоэлектронной борьбы Военной академии Ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого. Сфера научных интересов включает: противоракетную оборону, стратегические силы, сокращение вооружений, договорные обязательства. Автор многочисленных публикаций, среди которых «Основы противодействия перспективным системам противоракетной обороны противника», М., РВСН, 2000.

Калядин Александр Николаевич – заместитель заведующего Центром политических и военных прогнозов Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук. В 1956 году окончил Московский государственный институт международных отношений. В 1965 году защитил кандидатскую диссертацию, в 1976 году ему присуждена степень доктора исторических наук. Действительный член Академии военных наук. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра. Автор и соавтор многочисленных книг и публикаций по вопросам международной безопасности и контролю над вооружениями, среди которых: «Проблемы выполнения Россией Конвенции о запрещении химического оружия», Ежегодник СИПРИ 1998, *Наука*, 1999; «Проблема своевременной ликвидации запасов химического оружия бывшего СССР», *Ядерный Контроль*, №2, март–апрель, 2001.

Куприянова Ирина Александровна родилась в 1948 году. С 1996 года работает в Государственном научном центре – Физико-энергетический институт им. акад. А.И. Лейпунского (ГНЦ РФ – ФЭИ). Долгое время работала в отделе ядерной безопасности в области разработки информационных систем с базами данных для ядерных объектов отрасли. В последние семь лет руководит информационно-аналитической группой отдела УКФЗ, преподает специальный курс «Основы оценки уязвимости ядерных объектов» в отраслевом учебно-методическом центре по учету и контролю ядерных материалов. С января по май 2001 года стажировалась в Монтерейском институте международных исследований. Имеет более 16 публикаций, последние из которых касались проблемы *внутреннего нарушителя* на ядерном объекте и методов обучения специалистов ядерной отрасли в части проведения анализа уязвимости ядерного объекта. Сфера научных интересов лежит в области разработки методик для оценки эффективности международных усилий по уменьшению угрозы распространения ядерного оружия, а также в области методик преподавания новейших учебных курсов для специалистов отрасли.

Лата Василий Филиппович – генерал-лейтенант запаса, кандидат военных наук, профессор Академии военных наук. В 1970 году окончил Харьковское высшее училище Ракетных войск, в 1976 году – Военную академию им. Ф.Э. Дзержинского, в 1989 году – Военную академию Генерального штаба. В 1994 году прошел курс обучения в Гарвардском университете (г. Бостон). Служил в Главном штабе РВСН, Генеральном штабе и министерстве обороны. С 1981 по 1999 годы занимал должности старшего офицера, начальника отдела, первого заместителя начальника Управления военной политики Минобороны РФ, начальника оперативного управления и первого заместителя начальника Главного штаба РВСН. В настоящее время является ведущим научным сотрудником Военной академии Ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого и профессором Академии Генерального штаба, советником ПИР-Центра. Автор ряда статей в журналах *Ядерный Контроль* и *Научные Записки ПИР-Центра*. Соавтор справочника «Контроль над вооружениями и военной деятельностью», М., Библиотека ПИР-Центра, 2001.

Мальцев Владимир Васильевич родился в 1952 году на Украине. В 1982 году окончил Военную академию им. Ф.Э. Дзержинского. В 1985 году получил степень кандидата военных наук, с 1992 года – доцент. С 1980 года работает в Военной академии Ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого, в настоящее время – начальник кафедры. Сферой научных интересов является космическая системотехника.

Румянцев Александр Юрьевич родился в 1945 году. В 1969 году окончил Московский инженерно-физический институт. С 1969 года работал в Российском научном центре Курчатовский институт, с 1973 года – младший научный сотрудник, с 1982 – старший научный сотрудник. С 1989 года – начальник Отдела физики твердого тела. С 1993 года – директор Центра по научному развитию. С 1994 года – директор РНЦ Курчатовский институт. С марта 2001 года – министр по атомной энергии Российской Федерации. С 1997 года – член-корреспондент Российской академии наук. С 2000 года – академик Российской академии наук, профессор Московского физико-технического института. Член правления Ядерного общества РФ. Является автором более 70 научных статей и докладов.

Савельев Александр Георгиевич родился в 1950 году. В 1971 году окончил Московский институт народного хозяйства. В 1982 году защитил диссертацию на соискание степени кандидата экономических наук, в 2001 году – доктора политических наук. С 1973 года работает в Институте мировой экономики и международных отношений Российской академии наук. В настоящее время заведующий отделом стратегических исследований Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук. В течение многих лет занимается проблемами международной безопасности и разоружения. В 1989–1991 годах в качестве представителя АН СССР принимал участие в советско-американских переговорах СНВ-1 (группа по обороне и космосу) в должности советника делегации СССР. Автор более 60 научных работ, включая книгу. «The Big Five. Arms Control Decision-Making in the Soviet Union» (with Nikolay Detonov), Praeger, 1995 и монографию «Политические и военно-стратегические аспекты договоров СНВ-1 и СНВ-2», ИМЭМО РАН, 2000.

Чуменко Леонид Николаевич – кандидат технических наук, старший научный сотрудник. Родился в 1959 году в Москве. В 1981 году окончил Военную академию им. Ф.Э. Дзержинского, а затем факультет вычислительной математики и кибернетики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. За время службы в Центральном научно-исследовательском институте министерства обороны прошел путь от инженера до ведущего научного сотрудника. Принимал участие в подготовке предложений и обосновании позиции российской делегации на переговорах по ликвидации ракет средней и меньшей дальности, по заключению договоров СНВ-1, СНВ-2 и Договора по открытому небу. Автор многочисленных публикаций. Член Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра.

Шустов Владимир Викторович – Чрезвычайный и Полномочный посол. В 1953 году окончил МГИМО. Кандидат исторических наук (диссертация «Борьба СССР за прекращение ядерных испытаний», 1979). В 1956–1957 годы – преподаватель истории международных отношений в МГИМО. С 1957-го по 1999 год работал в МИД. Последняя должность – Посол по особым поручениям. Принимал участие в выработке договоров о прекращении испытания ядерного оружия, о нераспространении ядерного оружия, Конвенции о запрещении химического оружия. В настоящее время консультант МИД. Автор многочисленных монографий и других публикаций по проблемам ограничения вооружений и международной безопасности, среди которых «Советский Союз и проблема прекращения испытаний ядерного оружия», М., Атомиздат, 1977 (главы по разоружению, истории дипломатии).

Фонд Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров
Инициатива в Российской Федерации и постсоветских государствах
объявляет конкурс индивидуальных исследовательских проектов 2003 года

В конкурсе могут участвовать граждане любого из независимых государств бывшего Советского Союза, проживающие в настоящее время на территории этих государств. Представленные проекты должны осуществляться только одним человеком. Лица, занимающие официальные посты в государственных структурах, к участию в конкурсе не допускаются. Это ограничение не распространяется на сотрудников академических и отраслевых институтов и государственных вузов. К участию в конкурсе особо приглашаются молодые специалисты и женщины.

Проекты, поданные на конкурс индивидуальных исследовательских работ, должны соответствовать одной из приоритетных областей Инициативы Фонда в независимых государствах бывшего Советского Союза:

- **Общество и право**

Развитие правовой культуры; осознание гражданами роли правовых механизмов в защите их прав; социальное обеспечение; право общественных интересов; выполнение законов; открытость информации.

- **Права человека**

Защита гражданских свобод; экономические и социальные права; права женщин и меньшинств; воздействие экономических изменений на женщин и меньшинства; поддержка равноправного участия женщин и меньшинств в общественной жизни; репродуктивные права женщин; мониторинг нарушений прав человека.

- **Окружающая среда и общество**

Содействие устойчивому развитию; поддержание биоразнообразия; участие общественности в сохранении экосистем; правовые, экономические и социальные аспекты природоохранной деятельности и управления ресурсами; творческие подходы, обеспечивающие эффективное производство и потребление энергии; экономическое и экологическое воздействие производства и потребления энергии.

- **Мир и безопасность**

Развитие широких концепций безопасности, рассматривающих коренные причины и следствия конфликтов, в том числе такие, как деградация окружающей среды и использование природных ресурсов; религия, этничность, миграции и неравномерное экономическое развитие; контроль над вооружениями и разоружение; распространение вооружений и региональные конфликты.

В рамках конкурса индивидуальных исследовательских проектов не принимаются к рассмотрению:

- чисто теоретические работы в области физических, химических, биологических наук и наук о Земле, не демонстрирующие практического применения и/или значения с точки зрения выработки политических подходов к решению проблем;
- узковидовые биологические работы (за исключением исследований видов животных и растений, находящихся под угрозой вымирания);
- заявки на финансирование проектов издания и распространения газет и журналов;
- проекты, составляющие часть текущих коллективных исследований;
- проекты, связанные с завершением кандидатских диссертаций;
- заявки на издание уже готовых монографий.

Окончательный срок подачи всех документов по заявкам в рамках конкурса индивидуальных проектов 14 июня 2002 года. Итоги конкурса будут подведены в марте 2003 года. Сроки подачи заявок на конкурс 2004 года и последующие конкурсы будут объявлены в первом квартале 2003 года.

Форму заявки для участия в конкурсе, а также другую информацию, касающуюся конкурса, можно получить в московском или чикагском офисах Фонда по адресам:

Московское представительство
 Фонда Макартуров
 Программа по глобальной безопасности
 и устойчивому развитию
 Россия, Москва, 121069
 Хлебный переулок 8, этаж 2 (м. Арбатская)
 Телефон: (095) 737-0015
 Факс: (095) 956-6358
 Эл. почта: moscow@macfound.org
www.macfound.org, www.macfound.ru

MacArthur Foundation
 Initiative in the Russian Federation
 and Post-Soviet States
 Program on Global Security
 and Sustainability
 140 South Dearborn Street
 11th floor
 Chicago, IL 60603

ПИР-ЦЕНТР ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРС НА ЗАМЕЩЕНИЕ ВАКАНСИИ
СТАЖЕРА

ПЕРИОДЫ СТАЖИРОВОК	1 июня – 30 сентября 2002 года
	15 сентября 2002 года – 31 января 2003 года

Описание вакансии (обязанности стажера):

- работа с информацией, участие в подготовке информационного бюллетеня *Ядерная Россия Сегодня*;
- участие в научно-исследовательских проектах ПИР-Центра;
- выполнение административной работы;
- по окончании стажировки – представление доклада в рамках проблемы нераспространения и контроля над вооружениями.

Требования к кандидатам:

- возраст – 21-28 лет;
- наличие интереса к исследованиям в области нераспространения и контроля над вооружениями;
- высшее образование со специализацией в области международных отношений, журналистики, новейшей истории, политологии или в области ядерной физики (физика ядерных установок, обращение с ядерными материалами, учет и контроль ядерных материалов и т.п.);
- свободное владение английским языком;
- знание компьютера на уровне опытного пользователя: Internet Explorer, Word, Excel.

ПИР-Центр обеспечивает стажера:

- компьютеризированным рабочим местом, постоянным доступом к интернету, информационным ресурсам ПИР-Центра, в том числе к базе данных «ЯДРО»;
- правом на участие в заседаниях Экспертно-консультативного совета ПИР-Центра, семинарах и конференциях, организуемых Центром;
- средствами на проживание и питание в Москве на весь срок стажировки;
- средствами на проезд из места проживания в Москву и обратно;
- достойной стипендией.

Желающим принять участие в конкурсе на замещение вакантной должности просьба направлять свои заявки директору образовательных проектов ПИР-Центра **Антону Хлопкову** по факсу (095) 234-9558 или по электронной почте: khlopkov@pircenter.org. Для получения дополнительной информации о конкурсе на замещение вакантной должности стажера можно звонить по тел. (095) 234-05-25.

Заявка должна содержать:

- развернутое резюме кандидата;
- рекомендацию от директора (заместителя директора) института (организации), который в настоящий момент представляет кандидат;
- научную рекомендацию от специалиста в области нераспространения и контроля над вооружениями (международных отношений, ядерной физики и т.п.), представляющего организацию, отличную от той, в которой работает кандидат.

При рассмотрении заявок приоритет получают кандидаты, имеющие опыт проведения исследований в области нераспространения и контроля над вооружениями, выпускники региональных государственных университетов и институтов, а также сотрудники предприятий ЗАТО.

ПЕРИОДЫ СТАЖИРОВОК	Крайний срок подачи заявки	Дата объявления победителя конкурса
1 июня – 30 сентября 2002 года	30 апреля 2002 года	12 мая 2002 года
15 сентября 2002 года – 31 января 2003 года	30 июня 2002 года	26 июля 2002 года

**В апреле 2002 года выходит в свет новый номер
НАУЧНЫХ ЗАПИСОК ПИР-Центра**

**«ИРАНСКАЯ ЯДЕРНАЯ ПРОГРАММА В
РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ»**

На протяжении второй половины девяностых годов не было более острой проблемы в российско-американских отношениях, чем сотрудничество России и Ирана, и в частности в области атомной энергетики. За это время в России и США сменились президенты: на смену Борису Ельцину и Биллу Клинтону пришли Владимир Путин и Джордж Буш-младший, в России дважды сменился министр иностранных дел и пять раз – премьер-министр, в США – дважды госсекретарь и один раз вице-президент, однако российско-иранское взаимодействие продолжало оставаться *занозой* в отношениях Москвы и Вашингтона. Отдельные эксперты даже стали рассматривать уровень российско-иранского сотрудничества в качестве «наилучшего индикатора состояния российско-американских отношений».

С приходом республиканской администрации в США давление на Россию по *иранскому вопросу* стало увеличиваться. Вновь, как и в период правления администрации Билла Клинтона, расширение двусторонних контактов, в первую очередь в высокотехнологичных областях, а также участие России в работе международных организаций увязывается с отказом от военно-технического и ядерного сотрудничества с Ираном. Включение Соединенными Штатами Ирана в *ось зла* означает, что администрация Джорджа Буша в ближайшее время еще больше усилит давление на Россию, а возможно, начнет добиваться от Москвы принятия политического решения о прекращении всего спектра сотрудничества с Ираном.

Для того чтобы понять, какое влияние может оказать *иранская проблема* на российско-американские отношения, а также каковы истинные возможности Ирана в области создания ядерного оружия, необходимо внимательно изучить историю иранской ядерной программы и проанализировать политику предыдущей администрации США по отношению к российско-иранскому сотрудничеству в области атомной энергетики.

Монография Антона Хлопкова «Иранская ядерная программа в российско-американских отношениях», изданная в серии *Научные Записки ПИР-Центра*, охватывает взаимодействие Москвы и Тегерана в ядерной сфере с конца восьмидесятых годов по настоящий период.

Первая глава монографии посвящена истории иранской ядерной программы. *Во второй главе* рассматриваются этапы российско-иранского сотрудничества в области атомной энергетики, анализируются соглашения, подписанные между Москвой и Тегераном в этой сфере на протяжении последних десяти лет. *В третьей главе* сделана попытка оценить научно-технические возможности Ирана в области создания ядерного оружия. *В четвертой, заключительной главе* рассматривается *иранская проблема* в свете российско-американских отношений. Издание подготовлено на русском языке.

По вопросам приобретения *Научных Записок* Вы можете обращаться к помощнику директора ПИР-Центра Марии Верниковой.

Тел.: +7 (095) 234-05-25
Факс: +7 (095) 234-95-58
E-mail: info@pircenter.org